ОТ СТАДИОНА ДО МАНЕЖНОЙ
Дмитрий Жвания
БИТВА ЗА СЕКТОР
Записки фаната
ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга о «конях», «мясниках», «бомжах» (болельщиках СКА, «Спартака» и «Зенита»), короче говоря, о мире футбольных и хоккейных фанатов. Она написана журналистом, анархистом, в прошлом - главным фаном СКА и организатором «фанатения» за знаменитый армейский клуб. «Битва за сектор» - своеобразный ответ Дуги Бримсону, известному английскому писателю, автору книг о британских футбольных болельщиках.

Дмитрий Жвания не идеализирует своих героев. Массовые драки, бесконечные разборки с ментами, пьянки, дешевые шлюхи, полуголодные выезды на игры любимой команды, все это - неотъемлемая часть фанатского движения времен его зарождения. Но «Битва за сектор» - книга не только о сражении за место под солнцем. Идет настоящая борьба за жизнь. Проигрыш означает смерть. Выигрывает лишь тот, кто выжил. И остался человеком.

-
- ОТ АВТОРА
- АСАВ
- ГЛАВА 1 ОТКРЫТИЕ ТРИБУНЫ
- ГЛАВА 2 КРАСНО-СИНИЙ ПАРТИЗАН
- ГЛАВА 3 ЗАЩИЩАЙ СВОИ ЦВЕТА
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ЭПИЛОГ
- СЛОВАРЬ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

ОТ АВТОРА

Путь на Манежную площадь

Когда корректор вносил последние правки в текст моей книги, в Москве произошел «бунт фанатов», который обнажил то, что предпочитали не замечать СМИ и футбольные функционеры - нацизм в русском околофутболе и фанатском движении вообще.

Они сами

Сожалея о смерти Егора Свиридова и Юрия Волкова, не будем забывать о смерти дворника-киргиза на Юге Москвы. Чем провинился этот несчастный киргиз перед Россией? Тем, что он чистил дворы московского «спальника»? Нет, его убили, потому что он был «чуркой». Если мы вспоминаем о москвиче Егоре Свиридове, из-за гибели которого мы получили нацистский путч, давайте вспомним, как звали киргизского дворника, который стал жертвой этого путча - Алишер Шамшиев, 1973 года рождения, уроженец города Ош.

Участники «бунта фанатов», скандировали «Русские, вперед!», «Россия для русских!», «Москва для москвичей!», что дало повод СМИ и экспертам утверждать, что фанатами руководят крайне правые организации. Но это ошибочное мнение.

Ни одна партия, будь она самой лихой на поприще национализма, не может похвастаться тем, что определяет политическое лицо русского футбольного фанатизма. А футбольные хулиганы не играют заметной роли в политических организациях. Совмещать политический активизм с участием в движении фанатов очень тяжело. Футбольный фанатизм, как и активистская деятельность, требует полного погружения, это - стиль жизни, «среда обитания», которая поглощает личность полностью. Что будет делать настоящий фанат 4 ноября: пойдет на «русский марш» или отправится на выездной матч любимой команды? Ответ очевиден.

Праворадикальное крыло фанатизма появилось само по себе, а не в результате политического воздействия на фанатов со стороны националистических организаций, - факт. Это не значит,

что в движении ультрас нет людей из ультраправых групп, которые находятся в движении именно для того, чтобы привлекать фанатов к акциям политического толка в качестве пехоты. Не исключено, в ряде случаев эти люди были застрельщиками политических выступлений ультрас, как на трибунах, так и вне стадиона. Почти все интернет-магазины, которые торгуют одеждой немецкого бренда Thor Steinar, модного среди ультрас, держат ультраправые. Вместе с заказом человек получает календари с портретами Дмитрия Боровикова, Алексея Воеводина и других «героев белого сопротивления».

Но если фанаты раскроют, что человек, который выдает себя за футбольного хулигана, на самом деле - крайне правый «агент под прикрытием», они с позором прогонят его из своей среды. Например, группировка Mad Crowd («Бешеная толпа»), а ее Боровиков и Воеводин создали именно для проникновения и вербовки фанатов в ультраправое движение, на зенитовском вираже не прижилась. И во многом благодаря действиям моего друга Макса Пацифика. «Но они все равно остались около стадиона, - говорит Макс. - И какое-то время в их рядах были совсем не ублюдки. Не так все просто, ведь в сети этой идеи периодически и хорошие парни попадают. Если бы там не было таких людей, то мы бы с "Коалицией" прямо на трибуне их грохнули».

За последнее время от околофутбола были отлучены те фанаты, которые поставляли боевиков прокремлевским молодежным движениям. Так, официальные структуры фанатов «Спартака» сделали заявление об «отчислении» из движения таких одиозных фигур, как Колючий (Роман Вербицкий) и Киллер (Василий Степанов). Они оба состояли в спартаковской группировке «Гладиаторы» и привлекали своих товарищей к нападениям на национал-большевиков и активистов Авангарда красной молодежи. Так, в августе 2005 года у станции метро «Автозаводская» в Москве по нацболам стреляли из ракетниц и пневматических пистолетов, упавших добивали бейсбольными битами. В результате трое национал-большевиков попали в больницу с многочисленными переломами. История повторилась в тот же год в декабре - в вестибюле той же станции метро. На десятерых активистов АКМ, которые шли на свое собрание в горком КПРФ, напали двадцать молодых людей в спортивной одежде, крича: «Коммунисты - сволочи!» Кроме того, «Гладиаторы» охраняли лагерь «Наших» на Селигере.

Уже несколько лет не появляется на стадионах и около них Алексей Митрюшин, в прошлом один из лидеров группировки Gallant Steeds (ЦСКА), сначала он неплохо устроился в «Идущих

вместе», потом перебрался в «Наши», а в настоящий момент - он один из руководителей движения «Местные». На плаву остается Команча (Александр Шпрыгин), который успешно совмещает позицию главного динамовского фаната с местом в исполкоме РФС, где он, кроме всего прочего, борется с расизмом (если посмотреть его фото, сделанные раннее, создается ощущение, что он борется с самим собой). Именно с именами этих четверых людей обычно связывают привлечение фанатов к разборкам с теми, кто неугоден властям.

Остается, правда, загадкой, кто организовал нападение на лагерь экологов в Химкинском лесу 23 июля 2010 года. На фанатских форумах писали, что эту «акцию устрашения» провел «объединенный отряд фанатов "Спартака" и ЦСКА». Во всяком случае, вызывает вопросы поведение одного из официальных лидеров спартаковского движа - Ивана Катанаева. «Человек, который в Интернете известен под ником Combat 18 и соответствующим стилем поведения в недавнем прошлом, приезжает в Москву из Питера, где он в маске шел с файером по мосту в сторону стадиона и получил за это жалкие двое суток, надевает шикарный костюм и отправляется на прием в РФС (Российский футбольный союз - Д. Ж.), чтобы пожаловаться "уважаемым людям" на то, как его жестоко повязали», - возмущается Пацифик.

Примеры сращивания фанатизма и политической работы на заказ были и, наверное, будут. Но в целом ультрас считают кощунством использование знамени любимого клуба не по назначению, даже для продвижения идей, которые, в общем и целом, они разделяют.

Нет ни одного крайне правого лидера, который бы был одновременно авторитетным футбольным фанатом. Стоит только националистическим вожакам, будь то Дмитрий Дёмушкин или Александр Поткин (Белов), заявить о своей солидарности с фанатами и готовности поддержать их, как фанаты отвечают: спасибо, не надо. Так, 11 декабря объединение болельщиков «Спартака» «Фратрия» поспешило заявить о своей непричастности к беспорядкам на Манежной площади.

«Все мероприятия с участием «Фратрии» - на Кронштадтском бульваре, на похоронах Егора - прошли без эксцессов. Везде, где были именно футбольные болельщики, происшествий не было.

На Манежной площади собралась толпа народу, но никаких организованных объединений болельщиков ни «Спартака», ни ЦСКА, ни «Динамо», «Локомотива», «Торпедо» или других клубов не было. Никто из нас не призывал идти на Манежку», - сказал Евгений Селеменев, председатель Совета «Фратрии».

Желание Евгения откреститься от событий на Манежной площади вполне понятно. И «Фратрия», будучи официальной структурой фанатов «Спартака» (как и официальные фанатские структуры других клубов), не стала бы призывать к политическим бунтам. Но отрицать участие фанатов в беспорядках на Манежной глупо. Просто они пришли туда сами, а не потому, что им кто-то приказал. Политическая идеология ультрас развивается стихийно и импульсивно - под воздействием настроений, которыми заражено общество.

Сплошная «наша раша»

Россия - расистская страна. И причин тому множество. Нынешний расизм - зеркальное отражение советского интернационализма. Советские школьники могли искренне сожалеть о смерти лидера Партии труда Анголы, первого Президента этой африканской страны Антониу Агоштинью Нету, собирать денежные пожертвования в фонд помощи никарагуанским сандинистам и т. д. Сейчас на такой альтруизм способны немногие. Советский человек очень быстро перековался в бытового расиста, как и его дети. «И мы не терпим то, что отличается от нас, этнические ли это группы или какие-то социальные. И это поддерживается всей системой воспитания, образования, всей системой культуры. Робкие попытки завести альтернативные дискуссии об этом заглушаются, они существуют только в узких кругах интеллектуалов. В системных науках этот расистский дискурс господствует. С положительным знаком или с отрицательным - неважно. Одни говорят, смотрите, они совсем иные, и они нам мешают жить. Другие говорят, смотрите, какие они замечательные и экзотичные, как они замечательно живут. Это одно и то же, это тот же самый расизм. Расистские явления есть во многих странах, в Европе, в Америке. Но я не знаю другой страны, кроме России, где народ был бы так расистски настроен», - настаивает директор Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, вице-президент Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС), вице-президент EART (Европейской ассоциации исследователей трансформации) Виктор Воронков.

В любой западноевропейской стране, если бы какой-нибудь телеканал выдал в эфир телешоу, в котором представители какой-либо национальности были показаны так оскорбительно карикатурно, как таджики в «Нашей Раше», то на следующий же

день у офиса этого телеканала прошла бы массовая манифестация протеста. И не исключено, что она вылилась бы в погром редакции. А в России все смеются над тем, как два парня армянского происхождения куражатся над таджиками. «Эти джамшуты и равшаны» - так теперь отзывается об иммигрантах русский обыватель. И власть негласно поощряет эти настроения. Ей выгоднее, чтобы народ смеялся над таджиками, а не над ее политикой.

В Советском Союзе расизм существовал тоже, но это был расизм особого рода. Советские люди жили в изоляции от остального мира и привыкли все чужое воспринимать как враждебное. И этот изоляционизм послужил хорошей почвой для нынешнего расизма, наши люди не привыкли чувствовать себя частью мира. Конечно, расизм населения подпитывают и те проблемы, с которыми столкнулась Россия за последние двадцать лет.

Фанаты вовсе не идут впереди политического процесса. В принципе, в политике они - те же обыватели, только более агрессивные и активные. «Засильем черных на рынках» возмущались многие, а они это возмущение перевели в область практики, когда в конце октября 2001 года разгромили рынок в Царицыне. Почти всем составом в акции участвовала хулиганская группировка фанатов ЦСКА - «фирма» KIDS.

После убийства Егора Свиридова я оказался в сволочной ситуации. С одной стороны, я никогда не был на стороне власти, никогда ее не поддерживал, но с другой - быть на стороне нацистов и расистов категорически не хочется. Равно как и нет никакого желания оправдывать молодых кавказцев, которые действительно ведут себя нагло. В общем, опять приходится быть на своей собственной стороне.

Внучата, но не Ильича

Я не знаю, каким парнем был убитый Егор Свиридов. А обстоятельства его убийства знаю с чужих слов. В любом случае, это плохо, когда человек уходит из жизни в двадцать семь лет. Очень плохо. Но почти на девяносто процентов я уверен, что Егор не мог бы быть моим товарищем. Не мог быть именно потому, что он был фанатом «Спартака», причем не мирным «Кузьмичем», собирателем программок и коллекционером атрибутики, а бойцом Union - очень агрессивной «мясной» группировки (для тех, кто не в курсе - спартаковцев и их фанатов называют

«мясниками»). Так, в апреле 2005 года в Сокольниках Union сумел взять верх над самой сильной на тот момент фанатской хулиганской «фирмой» - «армейцами» из RBW (Red Blue Warrios), а 31 марта 2007 года перед матчем «Зенит»-«Спартак» Union погнал объединенный отряд сине-бело-голубых хулиганов.

То есть Егор был активным участником спартаковского околофутбола, а в этом околофутболе заправляют нацисты.

28 октября 2006 года фанаты «Спартака» в Ярославле на матче своей любимой команды с местным «Шинником» на тринадцать секунд подняли классическое нацистское знамя - красное со свастикой в белом круге, а 20 апреля 2009 года в Казани во время гостевого матча «народной команды» с местным «Рубином» красно-белые поздравили с днем рождения Адольфа Гитлера: они развернули баннер, на котором было написано «С юбилеем дедушка 120», а посередине нуля опять-таки нарисована нацистская свастика.

Баннер не заметили во время встречи ни представители команд, ни ответственные лица. Гендиректор и главный тренер красно-белых Валерий Карпин заявил, что акцию не могли провести болельщики его команды: «Это отморозки, дебилы. Как угодно их можно будет обозвать, и будет правильно». Все правильно, но баннер-то развернули на гостевом секторе, в красно-белой массе.

Может быть, сам Егор не был нацистом. Может быть, он не был на тех выездах. Но он не мог не знать, что делали на них его товарищи. Ведь у спартаковцев один за всех и все за одного. Или это просто красивый клич?

Но расизм и нацизм - проблемы не только спартаковского движа. Когда 12 марта 2008 года «Зенит» играл домашний матч против «Олимпика» из Марселя, где собрано много чернокожих футболистов, на зенитовском фанатском вираже были замечены (и показаны по ТВ) люди в колпаках Ку-клус-клана. Правда, старый фанат «Зенита» Пацифик полагает, что это - «глум», мол, «люди просто пошутили».

Однако тот факт, что в «Зенит» не приглашают чернокожих легионеров по причине того, что фанатский хард-кор сине-бело-голубых разделяет расистские убеждения, подтвердил в одном из интервью вратарь команды Вячеслав Малафеев. Так или иначе, «глум» повторился, когда в августе 2009 года на «Петровском» в составе молодежной сборной Италии появился чернокожий Марио Балотелли - на вираже вывесили баннер с надписью на итальянском языке: «Balotelli, noi non aspettiamo qui!» («Балотелли, мы тебя здесь не ждем!»).

Правда, фанаты «Спартака» протестовали против прихода в

клуб чернокожего бразильца Соареса Веллитона более прямолинейно - они растянули баннер с надписью «Monkey, go home!». Видимо, Веллитона этот баннер вдохновил, и он два раза подряд стал лучшим бомбардиром российского чемпионата. По мнению Пацифика, выходка спартаковцев - это «вообще ни в какие ворота не лезет - откровенное оскорбление». Но таких фанатов, как Пацифик, становится все меньше.

В московском «Локомотиве» три года отыграл чернокожий Питер Одемвингие (его отец - нигериец, а мама - татарка). Когда стало известно, что он переходит в английский клуб «Вест Бромвич», фанаты «железнодорожников» вывесили баннер, на котором был изображен банан и написано «Спасибо, "Вест Бром"!». «В России чернокожие игроки подвергаются по отношению к себе неприкрытому расизму. От этого тошнит», - заявил Одемвингие в интервью английской газете Daily Mail.

В низших лигах положение не лучше. Немало нацистов гоняет за московское «Торпедо», фанаты псковского клуба «Псков-747» растягивали баннер с надписью «Да - расизм!». Иногда, правда, движение раскалывается. Так, среди фанатов петербургского «Динамо» есть как нацисты, так и антифа.

Сейчас почти на каждом фанатском секторе красуется имперский триколор (черно-желто-белый) с кельтским крестом посередине - символ, который используют неонацисты всего мира. И весь этот расизм и национализм в околофутболе (да и в околохоккее) - не результат политической работы на трибунах ультраправых активистов, фанаты сами дошли до такой жизни.

Конечно, на секторах ультрас далеко не все нацисты. Но чаще всего те ультрас, которым не нравится расизм, отстаивают аполитичность своего движения. «Мы призываем сказать решительное "нет" политике на трибунах, независимо от того, поддерживаете ли вы партию власти, оппозицию или иные политические течения. Пусть ваши политические взгляды останутся за трибуной, ведь на трибуне нас объединяет любовь к команде», - пишут, например, современные фанаты «Зенита» в манифесте «Фанаты за традиционный футбол».

Что касается российских антифашистов, то они проникают в околофутбол очень медленно. Они есть, но их мало. Как правило, появление антифашистской группировки на трибуне - это попытка ультралевых активистов заявить о себе на поприще околофутбола, отвоевать часть территории публичного пространства у ультраправых. Левые идеи в чистом виде в отличие от национализма в России сейчас мало популярны и поэтому органическим образом на трибунах они не зарождаются, а привносятся извне. То есть для антифашистов околофутбол -

это продолжение их политики другими средствами.

Наиболее яркий пример околофутбольного антифашизма - фанаты петрозаводской команды «Карелия», которая выступает в первенстве коллективов физкультуры (любительская лига). Фанатский вираж «Карелии» стал местом тусовки для антифашистов всего Северо-Запада. 14 августа 2010 года ультраправые активисты и ультрас «Зенита» совершили «массовый прыжок» на фанатов «Карелии», когда те приехали в город Пушкин (Царское Село), где их клуб играл в финале кубка коллективов физкультуры.

Некоторое время назад интеллектуалы из числа фанатов «Зенита» пытались обосновать петербургский сепаратизм. Недаром один из ведущих сайтов зенитовских ультрас называется Ландскрона - по имени шведской крепости, которая находилась в устье Охты в Средние века. Но эта попытка успехом не увенчалась.

Надо признать, что крайние националистические идеи сейчас более востребованы не только в околофутболе, но и во всем нашем обществе. Нацисты на трибунах не составляют большинство, но они активны, и поэтому заметны.

Опасное ханжество

Сразу после «бунта фанатов» все, так или иначе, заговорили о проблеме иммиграции. Но на самом деле не эта проблема является причиной фанатского бунта. Убийцами фанатов «Спартака» Егора Свиридова и Юрия Волкова стали не иммигранты, а граждане России -уроженцы Северного Кавказа.

Можно сколько угодно призывать не делить россиян по национальностям, но с помощью ханжества проблемы не решить, а проблема есть, и она стоит очень остро, и заключается она в конфликтных отношениях между кавказцами и русскими.

Самое печальное, что русским нацистам противостоят не сплоченные силы социалистов и антифашистов, а тоже нацисты - только кавказские. Я не общался с фанатами «Спартака» из Нальчика, которые вывешивают баннер с Че Геварой. Не знаком и с фанатами дагестанского футбольного клуба «Анжи», которые адресовали фанатам московского «Спартака» баннер с надписью «Сдох Гитлер - сдохнут его внуки», с перечеркнутым спартаковским ромбиком со свастикой внутри, намекая на акцию поклонников «народной команды» в Казани по случаю юбилея Гитлера. Но я знаю, что большинство кавказцев-мусульман,

которые приезжают в Россию, ведут себя нагло, считая себя выше местного населения - свиноедов, шлюх и алкоголиков. Говорить о причинах этого поведения можно долго, но это поведение - факт. С ними сталкивался каждый, кто ходит по улицам Москвы, Петербурга и других городов.

Во многом это их поведение объясняется тем, что Кремль, понимая, что война за контроль над Кавказом проиграна, заискивает перед ними. Так, в октябре 2010 года первый заместитель главы администрации президента Владислав Сурков, чеченец по происхождению, на встрече с активистами чеченского «патриотического движения» «Рамзан» так расчувствовался, что заявил: «Я смотрю на собравшихся в этом зале молодых людей и думаю: красивый мы все-таки народ. Красивый и сильный. Мне очень приятно находиться среди вас». После этого Сурков заговорил о месте Кавказа в России. По его словам, «Кавказ - это фундамент, на котором стоит Россия».

Хочу напомнить, что Сурков с членами «Рамзана» встречался после того, как в Москве ударом ножа чеченец убил фаната «Спартака» Юрия Волкова. Убийца был арестован, но затем отпущен из-под стражи, после чего он скрывался в Чечне. Но Сурков ни словом не обмолвился об этом.

На ханжество со стороны Кремля «промосковские» чеченцы отвечают таким же ханжеством. Так, на встрече с Сурковым они пообещали вдобавок к движению «Рамзан» создать не менее патриотическое движение «Путин». 4 ноября активисты «Рамзана» провели в Грозном «Русский марш», неся транспаранты «Россия - это наш дом!».

Если бы перед кавказцами власть так не лебезила, они бы вели себя в русских городах иначе.

Владимир Путин на встрече с фанатами (которая состоялась после событий 11-15 декабря 2010 г.) сказал, что он и «десяти копеек не даст за здоровье того, кто на Северном Кавказе будет оскорблять Коран», но, мол, у русских тоже есть свои традиции, и их надо уважать. Правда, Путин не уточнил, какие традиции сейчас есть у русских. Власть сделала все, чтобы выжить все русские традиции с корнем. Заработать деньги любой ценой - вот этот принцип утверждается в нашей стране, и он открывает широкие двери той самой коррупции, о которой так много писали после убийства Егора Свиридова.

Нацисты, побуянив, вновь ушли в «автономное плавание», которое сводится к нападениям небольшими группами на «лиц неславянской внешности», а те, кто много лет пытается вывести людей на улицы, чтобы обозначить протест против авторитарной политики власти, отныне рискуют получать за это уголовные

наказания. Им это президент Дмитрий Медведев уже пообещал, выступая на совещании в Рязани, где обсуждались дополнительные меры по обеспечению правопорядка. Он велел «жестко пресекать все несанкционированные митинги, демонстрации и пикеты, даже посвященные вполне безобидным или мемориальным мероприятиям», а их участников - «подвергать безусловному задержанию». «События последних дней показали, что несанкционированные митинги могут приобретать радикальную направленность, нарушать права и свободы граждан, угрожать в массовом порядке жизни и безопасности людей», - сказал президент, которого некоторые наивные люди считают либералом. То есть милиция получила добро на «жесткие пресечения». Учитывая, что и до этого митинги разгоняли не ласково, то я боюсь теперь даже представить, что будет 31 декабря с активистами «Другой России» и с левыми активистами в следующий День гнева.

А Владислав Сурков вообще в беспорядках, устроенных националистами, обвинил либералов и антифашистов. «Это ведь как бы "либеральная" публика упорно вводит в моду несанкционированные акции, а нацисты и жлобы этой моде следуют. Одиннадцатое происходит от тридцать первого! - заявил Владислав Сурков. - А еще до погрома на Манежной был погром в Химках, если кто забыл… Другие люди, а жлобство то же!». Мол, либералы и антифашисты подали нацистам пример. То есть жемчужные прапорщики вообще перестанут чего-либо стесняться. Сказано же: надо «жестко пресекать» и «безусловно задерживать» всех, кто бузит.

Правда, либералы, которым Путин предложил сбрить «бороденки», сами виноваты в том, что власть поставила их в один ряд с нацистами. В свое время либералы сделали все, чтобы в России не появилось цивилизованной националистической оппозиции. В 90-е годы, когда либералы с важным видом разгуливали по коридорам власти, трясли «бороденками» с трибуны Государственной думы и контролировали ведущие СМИ, любой, кто смел заикаться о национальных интересах России, сомневаться в правильности политики толерантности, получал с их подачи клеймо фашиста и оттеснялся на край политической жизни.

Можно как угодно относиться к ИБП и ее идеологии, но нельзя не признать, что эта партия первой попыталась закрыть в русском национализме пресловутый «расовый вопрос». Если человек признаёт русскую культуру и русский язык своей культурой и своим языком, значит, он русский, утверждали нацболы. Французские правые, тот же Серж Аоуб, делают

аналогичные заявления только сейчас. «Вопрос расы и этноса не играет ключевой роли. Главная проблема - расстановка и соотношение сил», - говорит бывший лидер группировки

Национал-революционная молодежь. А наши националисты кричат «Россия для русских!», и это самый приличный их лозунг. Остальные воспроизводить в печатном виде не хочется.

Если мы говорим о демократии как о лучшей форме правления по сравнению с диктатурой, то мы должны согласиться с тем, что и националисты имеют полное право на легальное существование, как во Франции, например, если они не призывают к резне и погромам. А если национализм загонять в подполье, то он будет вырываться наружу в виде оголтелого расизма и нацизма, как это случилось недавно в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Ростове.

Исходя из всего этого, можно сделать самый мрачный прогноз - никакого братства народов в ближайшее время не будет. Национальные противоречия в ходе совместной производственной деятельности не стираются, ибо нет производства, разрушено оно. Так что нас ждет фашистская анархия - война между бандами, организованными как небольшие армии, со своей жесткой иерархией. Банды, конечно, будут создаваться по признаку национальности, по территориям. Только что в этой ситуации делать левым? Если появится новый батька Махно, то понятно что.

ACAB
Вместо предисловия

Вонючая одиночка - маленькая, как спичечная коробка: метр шириной, два длиной - подходящее место для того, чтобы предаться воспоминаниям. Время здесь тянется невыносимо медленно, минуты ползут, словно полупарализованные черви. Сиди и вспоминай свою жизнь, ковыряйся в мозгах.

Правда, в одиночке я сидел не один, а в компании с наркоманом, укравшим мобильный телефон, он уже находился в камере двое суток, тяжело дышал, пытался заснуть, потом вскакивал и, стуча в дверь, кричал:

- Начальник! Начальник! Открой, начальник! Человеку плохо!

Он не врал, дышать в камере было нечем, вентиляция не работала. «Да, мучительной же смертью помирал аббат Аббон, - вспомнил я сюжет «Имени розы» Умберто Эко. А еще вспоминались подводники «Курска». Наверное, это очень страшный конец, когда жизнь уходит постепенно, по мере сокращения в воздухе кислорода. А Путин на вопрос Ларри Флинта «Что случилось с лодкой?», ответил с мудацкой улыбочкой: «Она утонула». Интересно, если я задохнусь здесь, в этой вонючей, пропахшей мочой камере, что скажет ментовское начальство моей маме, моей жене, моим сыновьям? «Жвания? Он задохнулся!»…

Нет, так они, конечно же, не ответят. Задохнулся? С чего вдруг? У меня наверняка обнаружится сердечная недостаточность, и ментов совсем не будет волновать то, что я никогда не жаловался на боли в сердце. А может быть, они скажут, что я улучил момент, забежал на второй этаж, выбросился из окна и разбился насмерть. За годы работы в прессе я узнал много вариантов ментовского отмаза от смертей заключенных и задержанных.

Наркоман вновь и вновь, крича, барабанил в дверь.

За дверью молчали.

- У суки! А, какие же они суки! Козлы! -ругался мой сокамерник. - Правда, сегодня еще нормальный мент дежурит, а вчера дежурил козел, в сортир не выпускал, пришлось в бутылку ссать.

В углу камеры, рядом с дверью, стояла бутылка с мутной желтоватой жидкостью. В камере все сильнее пахло мочой.

- А этот дежурный выпускает? - спросил я, для меня это было важно: мне предстояло провести в камере десять часов как

минимум.

- Этот выпускает, но редко.

Дверь камеры наконец открылась. Младший лейтенант - небольшого роста бритый крепыш с намечающимся брюхом - нарочитым басом, которым стараются говорить «деды» в армии, спросил:

- Ну?! Кому здесь плохо?

- Мне товарищ начальник, мне плохо! - затараторил наркоман. - У меня хронический гепатит, гепатит С, цирроз печени, а нас двое в камере.

- И что? Гепатит С воздушно-капельным путем не передается. Чтобы заразиться от тебя, он должен тебя в зад поиметь.

- Я задыхаюсь, воздуха нет, а от этого печень режет, а еще я в туалет хочу…

- Ладно, пошли.

- А дверь оставьте открытой, пока я в туалете, а то в камере дышать нечем, - взмолился наркоман.

- Да ты что! А если этот анархист убежит? Кто будет отвечать? Ты или я? Я! - И мент не только захлопнул дверь, но и закрыл ее на засов.

В два часа ночи моего сокамерника увезли в какой-то пункт, откуда либо отпускают на волю, либо отправляют в СИЗО. Я остался в одиночестве, и меня никто не отвлекал от воспоминаний. Сидя на грязной лавке, я силился вспомнить, когда впервые попал в «обезьянник». «Силился» - это не фигура речи. В душной камере, где я оказался после того, как меня с группой анархистов задержали на вполне легальном шествии в честь 90-й годовщины Октябрьской революции, мысли ворочались в голове, словно толстяки в постели.

Понятно, что впервые я угодил в милицию как футбольный фанат. Но когда именно? Нет, не вспомнил. Не вспомнить мне это и сейчас. Вспоминается то один, то другой привод, но какой из них первый - нет, не помню. Люди в сером появились в моей жизни, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Но если в юности я попадал в милицию за фанатизм, то теперь - за политические убеждения. Бог меня спасает пока от длительного общения с ними, с ментами, но все же они часто ко мне возвращаются, эти гребаные менты. Я не жалуюсь, я сам себе выбрал жизнь, в которой они то и дело выскакивают, как черти из табакерки.

Через два дня после того, как меня выпустили из душной камеры 57 отдела милиции, находящегося на проспекте Культуры, средства массовой информации сообщили, что в маленьком Тосканском городке Ареццо полицейский застрелил

фаната римского «Лацио», двадцатишестилетнего Габриэле Сандри, ехавшего в Милан на матч своей любимой команды с местным «Интером».

Каждый из нас, кто ездил на выезды, участвовал в фанатском движении, легко мог оказаться на месте Габриэле. Конечно, советские менты стреляли только в редких случаях, а дубинки им выдали после того, как я отошел от фанатизма и стал анархистом. Но советские менты все равно чувствовали себя великолепно, когда им в руки попадал кто-нибудь из нас. Им не надо было соблюдать права человека. Они, менты, просто нас пиздили. Им было наплевать, что мы - подростки, что наши организмы еще до конца не сформировались. Они просто нас тупо пиздили, выгоняли со стадионов, несмотря на то, что с нашими билетами все было в порядке, держали в отстойниках… В нашей среде ходили легенды о фанате, забитом ментами до смерти. Она, эта легенда, напоминала байки о черном альпинисте или белом спелеологе, но была недалека от истины.

Полицейского, виновного в смерти Габриэле Сандри, обвинили в предумышленном убийстве, а сам полицейский каялся, заявляя, что он случайно стал виновником смерти человека. В России такое невозможно. За годы «суверенной демократии» менты оборзели вконец. Сходите на «Марш Несогласных», «Русский марш» или шествие анархистов, и вы убедитесь в этом на собственной шкуре. Чтобы почувствовать на себе стиль работы русских «стражей порядка» даже не обязательно принимать участие в акции. Достаточно просто пройти мимо места ее проведения. Так, в апреле 2007 года в Петербурге ОМОН бил не только тех, кто возвращался с Пионерской площади, где проходил митинг «несогласных», но и тех, кто просто выходил из здания Витебского вокзала и павильона станции метро «Пушкинская». Но наказание за это никто не понес. Служебная проверка, проведенная в связи с протестами журналистов (им перепало тоже), пришла к заключению, что ОМОН действовал в рамках закона, более того - руководители «спецоперации по наведению порядка» получили благодарности и награды. Россия даже не полицейское, а ментовское, вертухайское государство. Как была она зоной, так и осталась. И я стал понимать это давно, когда только начал носить шарф с цветами любимой команды…

Вспоминаю Киев, который сейчас стал столицей относительно свободной (по сравнению с «московским улусом») страны, но раньше это был город, опасный для фанатов и неформалов вообще. Ранней весной 1987 года мы отправились туда всей нашей ленинградской армейской «фирмой». Наш

любимый СКА уверенной поступью шел к бронзовым медалям чемпионата 1986/87, и мы решили его поддержать на выездном матче с киевским «Соколом». Причем мы не просто поехали, а полетели на самолете. Киевляне приняли нас настороженно. Хлопцы враждовали с фанатами ЦСКА, но дружили с «зенитчиками», им потребовалось какое-то время на то, чтобы решить, драться с нами или нет: с одной стороны, мы из дружественного им Ленинграда, а с другой - болеем за армейцев, такие же красно-синие «кони», как и ненавистные им фанаты ЦСКА. Киевляне подумали и решили не драться с нами, а радушно принять. Правда, пить горилку до матча мы отказались, это было наше армейское правило - не пить перед игрой. Я его ввел, потому что не раз видел, до чего доводит пьянство фанатов «Зенита»: до чего угодно, только не до стадиона.

Не успел я зарядить «Ар-р-р-мейцы с Невы!», как на меня набросились человек пять ментов. Они вытащили меня и Алексея Малышева, который за меня вписался, на запасной выход и стали избивать. Двое ментов меня согнули почти пополам, а третий мент сзади бил по почкам кулаком, другие упражнялись в ударах ногами, норовя угодить в пах. Рядом кричал Малышев, его тоже били. Затем нас вытащили в фойе ледовой арены, где какой-то пузатый милицейский чин, полистал наши паспорта и приказал подчиненным: «Отвезти их в приемник как бродяг».

- Мы не бродяги, я работаю техником в геологическом институте, а чтобы приехать сюда на хоккей, взял отгулы, - сказал я, чувствуя, как во мне буквально плещется и закипает ненависть к этой ментовской роже. «А что, если сейчас всадить ему в челюсть? Что он сделает? Нассыт ли в свои серые штаны от неожиданности или, наоборот, - рассвирепеет?» - такие мысли пульсировали в моей голове. Но руки заломали подручные пузатого чина, тот, что держал меня слева, исподтишка загибал мне еще и кисть, было жутко больно.

- Я сказал - в приемник! - заорал пузатый. Его подчиненные потащили нас в пикет оформлять протокол. Все закончилось тем, что меня и Малышева просто вытолкали со стадиона. Как потом выяснилось, то, как нас выносят с трибун, увидел начальник СКА, майор, не помню его фамилию, он знал меня и других ребят. Его возмутило зрелище, и он пошел разбираться. В Ленинграде и в Москве в годы перестройки менты вели себя поскромней. Видимо, до Киева «ветер перемен» долетел позже.

В общем, нас просто выгнали со стадиона. Но мы сумели пройти обратно через служебный ход с киевской командой из низшего дивизиона и досмотрели матч, сидя в служебной ложе.

Вспоминаю ментовский удар, который я получил в Лужниках

летом 1984 года. Закончилась финальная игра Кубка СССР. «Зенит» проиграл 0:2, и я будто потерял близкого человека. «Зенит» шел к той финальной игре с 1944 года. Весь наш город жил ожиданием, когда хрустальный кубок вновь приедет на берега Невы. Шансы взять кубок были очень велики, так как другой финалист, московское «Динамо», находился в разобранном состоянии. Это сейчас на любой московский матч «Зенита» выезжает по десять тысяч человек. В середине 80-х все было иначе: за командой моталась небольшая кучка фанатов. Но на финал Кубка СССР отправилось не меньше тридцати тысяч ленинградцев, а то и больше. Были пущены дополнительные поезда, но и все равно многим пришлось добираться на электричках. И такой провал… Я испытывал боль, как от вонзающегося в тело ножа, когда динамовцы Валерий Газзаев и Александр Бородюк забивали голы в ворота Миши Бирюкова. Раздавленный поражением, уходя с трибуны, я крикнул: «Зе-е-е-нит!», и тут же получил удар в затылок, такой сильный, что закружилась голова, потемнело в глазах. Придя в себя, я повернулся и увидел мента, совкового такого, усатого.

- Чего орешь?! В пикет захотел?

Я ничего не ответил, просто посмотрел на него, усатого, мол, я запомнил тебя, и, потирая затылок, медленно спустился с трибуны и ушел прочь со стадиона.

Я запомнил того мента, и он в моей памяти олицетворяет то, что принято называть совком. Точнее, даже не сам мент, а те порядки, которые он охранял. В середине 80-х годов в Москве на стадионах нельзя было кричать, размахивать флагами, хлопать в определенном ритме, можно было только аплодировать.

Я крикнул, за что и схлопотал крепкий подзатыльник.

Вспоминаю «зенитчика» Адвоката, с которым я пробивал выезд в тот же Киев на «Зенит» летом 1984 года. Адвоката закрыли на три года только за то, что случайно сбил фуражку с ментовской башки. На одном из домашних матчей он начал размахивать «зенитовским» флагом, что было в те годы запрещено, менты из оцепления сумели добраться до него и стали винтить. Адвокат, падая, инстинктивно махнул рукой и… сел на три года.

В начале 90-х я случайно встретил Адвоката на Сенной площади, где была барахолка. Адвокат растолстел, полысел, сразу было видно: парень хлебнул лиха, и чтобы выжить, занимается чем-то таким, о чем всем не расскажешь. Мы перемолвились парой фраз, выяснили, что на футбол ни один из нас больше не ходит, и расстались.

Иногда меня спрашивают, почему я всегда против власти,

мол, если в двадцать лет ты не был революционером, у тебя нет сердца, но если в тридцать лет ты не стал консерватором - у тебя нет мозгов. Мне уже давно не тридцать лет, а консерватором я так и не стал. И мозги вроде на месте. Не знаю, революционер я или нет, но то, что я бунтарь, - это точно. Да, окраска моего протеста то и дело меняется, я был анархистом, троцкистом, национал-большевиком, а сейчас даже сам не знаю точно, кто я. Чтобы как-то определить свое мировоззрение, называю себя правым анархистом. Но никто не может мне сказать, что когда-нибудь, пусть вынужденно, я помогал власти, оправдывал ее действия. Я всегда против власти. Всегда. Почему? Причин много. Но одна их них - ментовская. Власть охраняют менты, вот в чем проблема. Те самые менты, которые не считают для себя позорным бить подростков по шее. Они сделали все, чтобы я возненавидел государство и его слуг еще тогда, когда я гонял за «Зенит», а затем за СКА. Для них я был тогда изгоем, криминальным элементом, отбросом общества. А для меня фанатизм был движением молодежного протеста, вызовом благопристойной публике. И власти.

Я не жалею, что когда-то пришел на стадион и сел на фанатский сектор. Конечно, я вижу все недостатки фанатской субкультуры. Недостатки - это мягко сказано. Пороки! Фанатизм абсурден сам по себе, по своей сути. Какие-то парни бегают по полю, получая за это миллионы, а ты тратишь свои силы и здоровье, рискуешь порой, поддерживая их. Это - абсурд. Но и сама жизнь - это абсурд, нелепость. И чтобы легче переносить абсурд нашей жизни, мы должны ее чем-то раскрасить, придать ей видимость смысла. Фанатизм был моей первой попыткой в деле этой раскраски.

ГЛАВА 1 ОТКРЫТИЕ ТРИБУНЫ

В Советском Союзе жить было очень уныло. Скука. Серые улицы, серые лица, серые менты, серый асфальт. Сейчас, когда мне на глаза попадаются фотографии того времени, меня начинает подташнивать от одного воспоминания о той жуткой скуке и серости. И еще цинизм. Поздний совок им был буквально пропитан.

Вступая в комсомол, я, восьмиклассник, иллюзий не испытывал. Мне нужно было стать членом ВЛКСМ, чтобы при распределении из морского училища, куда я собирался поступать, меня направили на суда заграничного, а не каботажного плавания. По этой же причине, будучи курсантом, я занимался комсомольской работой.

Было уныло. А хотелось чего-то такого, интересного, увлекающего, словом - приключений. Вот я и поступил в морское училище. Загранка… Кто жил в совке, тот помнит, что значило тогда это слово: это был пропуск за рубеж, в другой мир, в мир, который жил по другим законам и где продавали модные вещи. Не скрою, я хотел носить модные вещи, а не те, что заполняли прилавки советских универмагов.

Я ожидал, что со мной будут учиться такие же, как я - романтики, искатели приключений, надеялся оказаться в матросском братстве. Меня ждало разочарование. Моими товарищами по учебе оказались обычные гопники из спальных районов. На уроках парни галдели, харкали друг в друга, матерились, выпускали кишечные газы, чтобы потом закричать на всю аудиторию: «Товарищ преподаватель! Разрешите открыть окно, а то этот курсант испортил воздух! Нечем дышать». Оклеветанный курсант, конечно же, начинал протестовать: «Это не я, товарищ преподаватель! Он сам напердел!» Остальные ржали. А я от стыда готов был провалиться на этаж ниже, особенно неудобно было перед молодыми преподавательницами: они, бедняжки, не знали, как себя вести в этой ситуации, краснели, тупили взор. Курсанты понимали только такие средства воспитания, как крик, кулак, строевая подготовка. За три года учебы в мореходке я подружился только с двумя парнями, но наши пути разошлись, как только мы получили дипломы матросов-мотористов.

Летом 1983 года я окончил первый курс мореходки, и родители отправили меня в путешествие по Волге, путевку купила мама в профкоме геологического института, где она работала. В туристической группе было много девушек, а я, по

правде говоря, за год учебы в морском училище от девичьего общества отвык. До Куйбышева (ныне - Самара) мы ехали на поезде, и за время дороги я познакомился с ребятами, с которыми мне предстояло провести лето. Все были приблизительно моими ровесниками -старшими школьниками или пэтэушниками. Лишь один парень выбивался из этой компании - модный такой, высокий блондин. Он был в джинсах - в настоящих blue jeans!

- Меня зовут Андрей. Андрей Самусов, - представился он. - Но для друзей я - Сэм.

- Дмитрий Жвания.

- Митя значит…

Сэм оказался студентом третьего курса медицинского института. Как он оказался в школьной туристической группе, я так и не понял. Всем своим видом он показывал, что ему скучно в нашей компании.

- Да, угораздило! Девицы - все наверняка целки, к гадалке не ходи. Нет, Митя, ты посмотри на них! Развлечься будет не с кем… Ничего, вернемся в Питер, я познакомлю тебя со взрослыми телками, студентками. Чего они только не вытворяют! Ты просто обалдеешь, обещаю. А эти… прыщавые целки…

Не знаю почему, но Сэм предпочитал общаться именно со мной, остальных ребят держал на дистанции. Может быть, потому, что я тоже был в ультрамодных blue jeans - сестра Лиана купила, когда ездила на гастроли в Париж. Так или иначе, мы с Сэмом скорешились.

- И чего я поехал! - сетовал Сэм уже на турбазе в Куйбышеве. - В разгар чемпионата!

- Какого чемпионата?

- Митя, ты лох или прикидываешься? Футбольный чемпионат, «Зенит» играет.

- А… - Я всегда переживал за хоккеистов, а футбол смотрел изредка по телевидению, и то только матчи сборной СССР, тбилисского «Динамо», за которое болел с раннего детства, и матчи за европейские кубки.

- Чего «а»?! Ты хотя бы раз был на стадионе, на футболе?

- Только в Сухуми, на матчах местного «Динамо», когда в этой команде мой брат играл, Гурам Габескирия. А в Питере я на хоккей, на СКА хожу…

- За «коней» болеешь?

- В смысле?

- В том смысле, что твой СКА - это «кони». Как и ЦСКА. Ненавижу «коней»! Тебе, Митя, надо на «Зенит» сходить, после этого о СКА и вспоминать не будешь. Не слышал песню: «Ты можешь болеть за московский "Спартак" А можешь болеть за

коней. Но лучше болей за "Зенит" (Ленинград), Не то огребешь пиздюлей!»?

- Нет, не слышал. Да пойми, я только по воскресеньям могу куда-нибудь выбираться.

В будние - в училище до вечера. После занятий - уборка помещений, патрулирование территории или работа всякая комсомольская…

- Комсомольская? Ну ты даешь! Ха-ха, рассмешил. Не думал, что ты - совок… Положи с прибором на этот комсомол, Митя! Ладно, вернемся в Питер, я тебя познакомлю с реальными людьми, с реальными ту сами. Сходим в «Сайгон», где волосатые собираются, в «Рим» на Петроградской… Слушай, а в рок-клубе ты был?

Я сокрушенно помотал головой, понимая уже, что не имею никакого представления о реальной жизни.

- Эх… - только и произнес Сэм.

Информация о «реальных тусах» меня очень заинтересовала, ибо я хотел оказаться в каком-нибудь сообществе, братстве, словом, среди людей, которые были бы не такими скучными, как окружающие меня совки. И вскоре я сам завел с Сэмом разговор о тусовках, дабы понять - к какой из них присоединиться.

- Я уже тебе говорил, хиппи собираются в «Сайгоне», в кафе на углу Невского и Владимирского проспектов. Но не думаю, что эта компания тебе подойдет, они за ненасилие, им шпана в рыло бьет, а они лишь вытираются… Кроме того, хиппи хайры отращивают, а тебя в мореходке почти наголо бреют. В рок-клубе можно панков встретить, они просто все отрицают. Есть фашисты, в основном - студенты филологического факультета. Ходят они в черных рубашках с вышитыми буквами РОА - Русская освободительная армия. Я кое-кого из них знаю, мог бы тебя познакомить, но…

Я и без Сэма понял, что мне еще очень далеко до сверхчеловека, и перебил его:

- Не-а, фашисты меня не прикалывают.

Еще в школе я прочел несколько книжек о революционерах, изучил, что писали в учебниках об анархистах. Большое впечатление на меня произвел фильм о создании ЧК «20 декабря», в котором анархисты показаны не как опереточные грабители, а как революционеры, в общем, я мечтал присоединиться к каким-нибудь бунтарям: «ты стал бунтарем и дрогнула тьма, весь мир ты хотел изменить» и все такое.

- А анархисты есть в Питере, Сэм?

- Анархисты? Так футбольные фанаты и есть анархисты, они против ментов, против властей. Я же тебе говорил - иди на

стадион, Митя!

Сэм мне рассказал историю футбольного фанатизма. Я узнал, что первые фанаты появились у московского «Спартака», было это в 1979-м. Их жестко прессовали менты: скоро Олимпиада, а тут какие-то клоуны в красно-белых шарфах и шапочках. Оппоненты звали спартачей «мясом», из-за того, что история их клуба связана то ли с профсоюзом пищевой промышленности, то ли с каким-то мясокомбинатом. Затем стали появляться другие грядки. Фанатов ЦСКА прозвали «конями» - якобы потому, что первое тренировочное поле команды было разбито на территории, где ранее располагался ипподром; фанатов милицейского общества «Динамо» - «мусорами», почему, объяснять не надо; фанатов «Торпедо» - «торпедонами»…

В Питере фанаты появились в 1980-м, когда «Зенит» впервые в своей истории боролся за бронзовые медали чемпионата страны. На стадионе имени Кирова они собирались, сообщил Сэм, на 33-м секторе.

- Вернемся в Питер, я тебя туда отведу, познакомлю с лидерами фанатов - Шляпой и Блондином, оба они - мои приятели.

Сэм научил меня «зенитовским» зарядам типа «Во всем Союзе знаменит ленинградский наш "Зенит"!»

- Значит, заводящий громко кричит: «Во-о-о всем!»… А сектор подхватывает: «Союзе знаменит…» Понял?

- Ага.

- А еще фанаты переделали «Гимн великому городу» Соловьева-Седова: «Город над вольной Невой, где болеют за "Зенит" родной, слушай, Ленинград, я тебе спою про "Зенит", про команду твою».

- Круто!

- А когда «Зенит» пропускает гол, фанаты кричат: «Гол забили нам в ворота, очень мы огорчены. Но не зря мы здесь собрались: эй, "Зенитушка", дави!» Да и еще: хлопать надо не как лохи: та-та-тата-та, так «мясники» хлопают, а по-зенитовски: раз, два, три - зе-ни-ту-шка дави. Понял? - продолжал Сэм лекцию. - Фанаты ездят на выездные матчи команды, чтобы поддержать ее на чужом стадионе. Я тоже ездил.

- Куда?

- Ну… в Москву…

Как только вернусь в Ленинград, пойду на первый же домашний матч «Зенита», твердо решил я. Но ждать этого три недели было просто невыносимо. Мне хотелось начать фанатеть здесь и сейчас! Я нашел голубой полиэтилен и наклеил на него логотип «Зенита», который сделал из белого лейкопластыря.

Вышло вроде ничего. Мне не пришлось долго убеждать школьников, с которыми я отдыхал, что фанатеть за «Зенит» - это круто. Кое-кто из них ходил на футбол и, так сказать, был в курсе. С палубы теплохода «Казахстан», на котором мы плыли по Волге, мы заряжали: «Во всем Союзе знаменит…» Команда теплохода быстро вычислила зачинщика, то есть меня, и создавала мне всяческие проблемы, дело доходило до угроз физической расправой, а я в ответ лишь смеялся им в лица, точнее - в морды. Провинциальные лохи, чего с них взять. Как они вообще живут на белом свете, когда в их городе нет команды высшей лиги!

Сэм удивлялся тому, с каким энтузиазмом я отозвался на его предложение стать футбольным фанатом. В итоге команда теплохода пожаловалась руководителям нашей туристической группы, педагогам, и те вызвали меня на ковер.

- Дмитрий, почему вы так цинично и вызывающе себя ведете? - спросила меня строгая дама с тонкими губами, воспитательница нашей группы.

Я не успел ответить, как заговорил невзрачный мужчина средних лет, в каком качестве он ездил с нашей группой, никто из нас не знал, но все догадывались:

- Презрение к окружающим - отличительная черта фашистов. А мы только что побывали в Ульяновске, где родился и вырос Владимир Ильич Ленин - создатель нашей Коммунистической партии, первого в мире государства рабочих и крестьян, а теперь плывем в Волгоград, где наша армия разгромила фашистов… Ваше поведение я расцениваю как вызов не только окружающим, но и нашей славной, героической истории. Думаю, в Ленинграде вам придется расстаться с комсомольским билетом, я об этом позабочусь.

- Но я прославлял ленинградский «Зенит» и все… При чем здесь фашизм? - меня аж в жар бросило от слов невзрачного мужчины.

- Поведение, поведение, Дмитрий. Все дело в вашем поведении… - похоже, мужчина имел ответы на все вопросы. - Если мы вас не остановим сейчас, вы погубите свою жизнь.

Сейчас в такой ситуации я бы почувствовал себя героем романа «1984», но тогда я об Оруэлле и слыхом не слыхивал, меня просто ошарашило то, какие далекие выводы эти люди сделали из моего, в общем-то, патриотического поведения… Мне стало трудно дышать от возмущения! Как они посмели обвинить меня в фашизме! И за что? За то, что я… прославлял футбольный клуб из Ленинграда. А этот мужичонка мне как раз напомнил фашиста, эдакого эсэсовца с лицом доктора-садиста.

- Я не фашист… Что я вам сделал?! Знаете, вы сами ведете

себя, как фашисты.

Мужичонка ухмыльнулся, а дамочка еще больше поджала губы.

- В Волгограде мы вас, Дмитрий, отвезем на психиатрическое обследование, а затем отправим вас в Ленинград на поезде. А пока мы запрещаем вам подниматься на палубы, сидите в каюте.

На разбирательстве присутствовал капитан теплохода, мне показалось, что и его ошарашило то, какой оборот приняло дело.

Я решил, что назло буду гулять по палубам, ведь, в конце концов, мои родители заплатили деньги за то, чтобы я нормально отдыхал, а не сидел взаперти. Когда дамочка попыталась прогнать меня с палубы, я ей привел именно эти доводы. И добавил: «Вы мне никто!» Однако от зарядов за «Зенит» пришлось отказаться. Сэм ходил с озабоченным видом и бросал мне иногда: «Говорил я тебе, подожди с фанатизмом до Питера».

В Волгограде меня никто на психиатрическое обследование не повез. Наверняка это была просто дежурная угроза. Я вместе с ребятами побывал на Мамаевом кургане, посмотрел на дом Павлова, погулял по набережной.

Затем мы поплыли обратно, от Сызрани до Ленинграда ехали на поезде. Да, кстати, Сэм ошибался насчет девчонок из нашей туристической группы. Они оказались далеко не монашками. Потом мне мама сказала, что в профком пришло письмо от руководителей туристической группы, но профорг его маме не показал, дабы ее не расстраивать.

Я вернулся из путешествия, совершенно четко осознавая себя футбольным фанатом, и с нетерпением ждал домашней игры заочно любимой мною команды.

И вот - наконец: в конце лета 1983 года «Зенит» принимал «Торпедо» из Кутаиси. Это была хорошая проверка для меня: по вполне понятным причинам я всегда симпатизировал грузинским командам. Но в этот раз мне нужно было желать грузинам поражения, ведь я стал фанатом «Зенита». Как на грех, на стадионе я встретил грузинского родственника – он напоминал Адриано Челентано, каким мы его знаем по комедийным фильмам: в белом костюме, в белой шляпе… Родственник, конечно же, был уверен, что я пришел поддержать кутаисцев. Когда же он убедился в обратном, он мне сказал с презрительной такой интонацией: «Жвания, грузин! А болеешь за кого?! Эх!» Но его мнение меня волновало мало. Я, как завороженный, смотрел не столько на поле, сколько на фанатский 33-й сектор.

В середине сектора компактно сидела группа человек из пятидесяти, в сине-бело-голубых свитерах, с шарфами той же расцветки. Время от времени в самой гуще этой группы

поднимались люди и начинали размахивать клубными знаменами. Тут же на них реагировали менты, но ребята, что сидели по бокам, препятствовали их продвижению внутрь сектора, происходила сутолока, а знамена исчезали, чтобы появиться вновь в самый неожиданный для ментов момент.

Впрочем, фанатским оказался не только 33-й сектор, я заметил фанатов за воротами - на 40-м секторе, на 47-м, на 21-м. В перерыве я встретил Сэма.

- А что, фанаты собираются не только на 33-й секторе, но и на других? - спросил я.

- Настоящие - только на 33-м. На других сидит левата.

- Что за левата?

- Левые фанаты - это те, что только на домашние матчи ходят.

- А…

Я ждал, что Сэм меня познакомит с легендарными Шляпой и Блондином. Но Сэм сказал, что не успел созвониться ними, а просто так на 33-й сектор идти не следует.

Идя на следующий матч, я все же купил себе билет на сектор 33. Не помню, с кем тогда играл «Зенит», да это и неважно. Важно, что я помню свои ощущения. Я обнимал за плечи совершенно незнакомых мне ребят и раскачивался, распевая «Мы - твои верные друзья, будем вдохновлять тебя всегда. В непогоду, зной, мы душою и сердцем с тобой». Мы оказывали ментам пассивное сопротивление, когда те лезли вглубь сектора, чтобы отнять развевающиеся знамена. Именно на секторе я научился применять очень эффективный прием против этой публики в одежде мышиного цвета: не нужно махать руками, кричать, просто бей их ботинком в голень, незаметно, исподтишка, и - делай это с лицом растерянного лоха.

Мне показалось, что 33-й сектор - это и есть то самое братство, о котором я мечтал. Со Шляпой и Блондином Сэм меня так и не познакомил, да я и не уверен, что Сэм сам их знал лично. Вскоре до меня дошло, Сэм - не фанат, а так… активный болельщик, не более. Кроме того, даже если Сэм и хотел меня познакомить с Блондином, он бы не смог этого сделать - когда я стал ходить на стадион, Блондин, кажется, служил в армии.

Я очень волновался. Вероятно, так же волнуются девушки перед первым разом. Не знаю, может быть, так же, как я тогда - на стадионе «Жальгирис» в Вильнюсе. Все очень просто: от первого раза, от того, как поставишь себя на первом выезде, зависит твоя репутация в движухе. Нельзя облажаться, нельзя.

В училище я познакомился с пареньком, который тоже решил найти себя в фанатизме, он учился на курс младше. В самом

начале сезона 1984 года он пробил свой первый выезд, съездил на матч с ЦСКА, который проходил на закрытой арене армейского спортивного комплекса. Я с завистью слушал его рассказы о приключениях в Москве.

- «Кони» нас вычисляли еще на вокзале, поэтому до их конюшни мы добирались без роз. Только на секторе их надели. Но в Москве, ты прикинь, менты запрещают фанатеть. Можно только в ладоши хлопать, как на детском утреннике.

После матча (который «Зенит», кажется, проиграл) фанаты ЦСКА выпалили моего приятеля и разбили ему губы. Но этим обстоятельством паренек даже гордился - не всем на первом выезде удается поучаствовать в трайблах. Речь идет о Вадике Смолине, недавно он отметил двадцатипятилетие своего участия в фанатском движении. Кстати, внешне он мало изменился. Может, фанатизм сохраниться помогает…

И вот мой первый выезд.

Мы стояли на трибуне за воротами, сине-бело-голубая кучка. Фанат Длинный (он действительно был очень высоким и, наверное, поэтому болел не только за футбольный «Зенит», но и за питерский баскетбольный «Спартак») заводил: «Во-о-всем!» И мы подхватывали: «…Союзе знаменит ленинградский наш "Зенит"!»

Одно дело на своем стадионе, обнимая товарищей, раскачиваться, распевая: «Ша-ла-лай-ла э-э-у «Зе-нит!» Совсем другое - делать это на вражеском стадионе. Ты, твоя банда против десятков тысяч людей - это ощущение трудно передать. Думаю, каждый мальчик мечтает однажды превратиться в одного из трехсот спартанцев. Так вот: я был этим «спартанцем» много раз.

- Сворачиваем розетки, розетки сворачиваем! - командовал Фильтр, и мы сворачивали шарфы, а потом по команде раскручивали их броском вверх. В нас летело все, что оказывалось под рукой литовских болел: недоеденное мороженое, огрызки яблок и прочее говно. Я стоял в последней шеренге нашей банды, да еще и с краю, и мне досталось неслабо. Нас оцепили менты и солдаты внутренних войск, менты местные - литовцы, а солдаты - русские и азиаты. Литовские менты улыбались, видя, что показывают нам жители Вильнюса, а те изображали фрикции. Проще говоря, они обещали нас выебать. В ответ на это Фильтр засовывал палец в рот и оттопыривал им изнутри щеку: это, мол, мы вас, лабусы, в рот поимеем. Русские солдаты и выходцы из Средней Азии, глядя на Фильтра, лыбились: гы-гы-гы.

Матч закончился. С каким счетом - не помню, да это и неважно. Важно то, что я сумел бросить вызов многотысячной

вражеской толпе. Да, я боялся, но не показал этого. Страха не имеют только шизоиды. А вот не показать свой страх - это да, это дорого стоит.

Литовцев выпускали со стадиона, а нас держали на трибуне, пока все они не выйдут. Вдруг я увидел: на трибуну поднимается моя мама:

- Пропустите, пропустите, там мой сын! - говорила она милиционерам довольно спокойным голосом, пробираясь ко мне. Но было заметно, что мама волнуется.

- Я заберу своего сына? Вон он - в синей куртке…

Милицейский майор посмотрел на меня, шестнадцатилетнего, и, видимо, убедился, что я не представляю никакой угрозы спокойствию Вильнюса, пожал плечами и ответил маме:

- Забирайте.

Я не был рад тому, что меня забрала мама, которая на всякий случай поехала вслед за мной в Вильнюс. Выглядело это не очень героически - уходить с сектора в сопровождении мамы. Но что было делать?

На выходе за нами увязались здоровенные литовцы лет на десять-пятнадцать старше меня, видимо, это были поклонники не только «Жальгириса», но и тяжелого рока: на голове прически в стиле «Deep Purple» и мудацкие усы подковой. Они стали сзади подсекать мне ноги, но я делал вид, что не замечаю их выходок. В конце концов до них дошло, что я не самый подходящий объект для выяснения отношений, и отстали.

Мы с мамой остались в Вильнюсе еще на день, гуляли по средневековым улочкам, пили кофе и ели мороженое в почти что европейских кафе, которыми в Ленинграде тогда и не пахло.

В те времена нельзя было называть себя фанатом, не «пробивая выезды». Чтобы завоевать на секторе уважение, нужно было ездить и ездить. Так как я решил во что бы то ни стало стать правым фанатом, я начал мотаться за командой. Правда, при ближайшем знакомстве зенитовский фанатизм оказался не таким небесно-сине-бело-голубым, как я себе его представлял вначале.

Бредя из Лужников после проигрыша «Зенита» в финале Кубка СССР, я обратил внимание на компанию из двух парней и двух девушек. У одного из парней, не то чтобы худого, а изможденного, была как-то странно согнута правая рука - кисть будто висела. Второй парень чем-то напоминал эстонского певца Тыниса Мяге. На голове одной из девушек была бумажная зенитовская кепка, она сидела на корточках, как умеют сидеть только жители Средней Азии, показывая всем проходящим бледные ляжки и белые трусы. Другая девица, довольно высокая,

стояла, ее шикарные золотистые волосы слегка трепал ветер. Я грустно кивнул ребятам, мол, привет, товарищи по несчастью.

- Привет! Тоже из Питера? - отозвалась та, что с золотистыми волосами.

- Да. Вы сегодня в Питер возвращаетесь?

- Сегодня. Только у нас денег нет, мы на «собаках» добираться будем. А у тебя билет?

- Нет, еще не купил.

Я подошел к компании.

- Ка-а ка-а-ка бан, - представился изможденный, который вдобавок оказался еще и заикой, и протянул мне кисть для рукопожатия. Я пожал ее - в моей ладони оказалось что-то безжизненное, холодное, костистое - какой-то маленький трупик.

- Юра, - поздоровался второй парень.

- А я - Ира, - сказала та, что с золотистыми волосами, и мило улыбнулась. Ее подругу в зенитовской кепке звали Лена.

Юра обнял Лену за талию, и я подумал: «Неужели этот Кабан - парень этой златокудрой Иры?» Но оказалось, что Кабан познакомился с Юрой, Ирой и Леной за пятнадцать минут до меня и занимался тем, что разводил ребят на деньги. Юра и девицы впервые приехали на выездной матч: их принесла в Москву волна энтузиазма, который охватил Ленинград, когда «Зенит» впервые после сорокалетнего перерыва вышел в финал Кубка СССР по футболу. Проще говоря, фанатами они не были.

- У-у-у т-те-е-бя есть де-е-ньги? До-о-бавь на-а бу-у-хло, а? - спросил меня Кабан.

- Не-а, денег у меня только на обратный билет.

- Да-а ты-ы ч-ч-что, ка-акой по-о-езд! Би-и-летов не-ет! Да-а-аже на-а до-до-допо-о-ол-ните-е-е-льные п-п-п-о-о-е-зда. По-по-ехали с нами на «соб-б-а-аках, а д-д-е-еньги про-про-про-пьем!

В принципе, я ничего не имел против того, чтобы залить горе. Горечь от поражения была такой, что я чувствовал неприятный привкус во рту

- Ну ладно, давай выпьем.

Кабан воодушевился. Да и те трое - Юра и девушки поддержали мое решение.

По дороге на вокзал мы зашли в магазин и купили несколько бутылок какого-то пойла, кажется, крепленое вино «Кавказ», и самой элементарной закуски в виде плавленых сырков и ливерной колбасы. Решили, что оттопыриваться будем в электричке.

Но в электропоезд до Калинина (ныне Тверь; первый этап возвращения из Москвы на «собаках») набилась куча пассажиров, и мы вынуждены были отложить наш банкет. Потное мужичье,

бабы с котомками и кутулями, дети. Пассажиры либо тупо глядели в окно, будто изучали безрадостный подмосковный пейзаж, либо о чем-то говорили, в вагоне стоял приглушенный гул. В мои ноздри влезали различные запахи: нестиранных носок, плохого табака, дешевого парфюма, вареных яиц и, конечно, вареной колбасы, купленной провинциалами в столице. Я смотрел на стертые лица пассажиров и не мог, как ни старался, заметить на них отражение мысли или эмоции. Какая-то биомасса перемещалась из пункта А в пункт Б.

Я очень переживал проигрыш «Зенита». Мне казалось, что несколько часов назад в Лужниках произошла трагедия, проиграл «Зенит», который в последний раз брал Кубок СССР в 1944-м, сразу после снятия блокады. Мы сидели подавленные и молчали. Я, правда, чтобы дать понять, что не первый раз выехал за командой, начал было рассказывать о приключениях в Вильнюсе. Но Кабан меня перебил:

- Э-э-это все ху-ху-хуйня! Вот м-мы с-с Хай-растом в До-о-нецке бу-бу-бухали!

И дальше мы выслушали маловразумительный рассказ, как Кабан со своим другом Хайрастом напились в Ленинграде и решили: а не поехать ли в Донецк, где будет играть «Зенит»?

И поехали. Конечно же, они не запомнили, как добрались до шахтерского города. На матч они, кажется, не попали, или их не пустили, так как они еле держались на ногах.

Кстати, многие фанаты первой волны считали это доблестью - напиться на выезде до чертиков и ничего не помнить, на стадион не попасть. Сейчас вроде все иначе: ребята знают, зачем едут, и это правильно. Меня сильно разочаровывало, а порой и злило, поведение фанатов «Зенита» на выездах. Я никак не мог понять, зачем ехать в другой город за тридевять земель, чтобы нажраться бормотухи и валяться потом в грязи, как свинья? Когда я взялся за организацию в Ленинграде движения фанатов СКА, и мы пробивали первые выезды за любимой командой, я постоянно твердил ребятам: бухать перед матчем - западло, мы приехали сюда, чтобы поддержать команду, а если потребуется - защитить честь армейского клуба, бухать будем потом, на обратной дороге. И пока я ездил за СКА, наши выезды проходили совсем иначе, чем выезды фанатов «Зенита». Мы были маленькой, но дисциплинированной бандой.

Но по дороге из Москвы после финала Кубка я еще только знакомился с нравами фанатов, я еще многого не знал.

- Кабан, прости, что спрашиваю, а что с рукой?

- Да-а уп-уп-па-ал с пя-я-того эт-эт-т-та-а-ж-жа.

- О боже, как это случилось?

И Кабан рассказал, как он с приятелем у себя дома, а жил он в трущобах на улице Шкапина, нажрался таблеток - барбитуры. Их начало глючить. Кабан принял своего кота за гигантского тигра и, чтобы спастись, сиганул в окно с криком «Тигры!!!» Когда приехала Скорая, Кабан лежал в грязной снежной куче, набросанной дворниками, и продолжал кричать: «Там тигры! Тигры!» Если бы не эта куча, он бы разбился насмерть, так как на улице Шкапина под домами газонов нет. Кабана увезли в травматологическое отделение ближайшей больницы, а когда его кости кое-как срослись, перевели в дурдом. В итоге Кабан получил инвалидность и как калека, и как шизофреник. В общем, служба в армии ему не грозила. Зато он получал пенсию: гроши, конечно, но все же их хватало на то, чтобы регулярно погружаться в глубокий запой.

В фанатской среде Кабан слыл за юродивого. Его нельзя было бить, хотя он этого часто заслуживал. Чуть что - за него заступались люди из основы под тем предлогом, что Кабан старый фанат, мол, он одним из первых пробил выезд в Донецк или еще куда-то.

Однако Кабан все равно недолго прокоптил на этом свете. Если среди фанатов он пользовался иммунитетом, то обычным гопникам и привокзальным «синякам» на заслуги Кабана было наплевать. В общем, в начале девяностых окоченелый труп Кабана с ножевой раной обнаружили в загаженной подворотне на Шкапина.

По правде сказать, я не особенно радовался компании Кабана. Мне, конечно, было далеко до умников из университетов и победителей школьных олимпиад, все же учеба в морском училище давала о себе знать, но близкое общение с представителями дна общества на меня действовало угнетающе. Кабан, этот восставший из ада, испортил мне настроение, которое и так было мрачнее некуда.

В переполненной электричке мы доехали до Калинина, где и зависли на ночь, - первая электричка до станции Бологое (второй этап путешествия на «собаках») уходила только в четыре с лишним утра.

Мы все впятером отправились на городской пляж, на берег Волги, чтобы устроить наконец пикник и, может быть, искупаться. Городской пляж оказался весьма чистым, песчаным, со скамеечками. Мы удобно расположились, разлили коричневатое алкогольное пойло в два стакана, больше не нашли, и решили пить по очереди. Первым, конечно, наполнил себе стакан Кабан.

- А т-т-е-еперь з-з-за нее! З-з-за у-удачу, а ин-ин-иначе нам уд-удач-чи не в-видать! - произнес Кабан тост, принятый среди

фанатов.

Выпил стакан залпом и вытер губы кистью. Он бы, наверное, и облизал кисть, если бы на коже осталось немного пойла.

Я тоже выпил, и меня чуть не вырвало, мой желудок запротестовал, толчками прогоняя обратно жидкость, которая в него только что заливалась. Из глаз брызнули слезы. Чтобы не опозориться, я быстро занюхал запах бормотухи плавленым сырком.

Юра налил вино в опорожненные стаканы и дал их девчонкам. Ира и Лена выпили и не поморщились, а Юра допивал остатки вина прямо из горлышка бутылки. Следующая порция прошла легче. Кабан опять завел речь о поездке в Донецк вместе с Хайрастом.

- Кто-нибудь будет купаться? - спросила Лена. Все, кроме Кабана, заявили, что будут.

Девицы разделись, но оставили на себе трусы и лифчик. На Ире были синие трусы, как от купальника, и какой-то бежеватый лифчик из плотной ткани, сколько ни мочи - прозрачным такое белье не станет, а вот исподнее Лены было белым и тонким. Мы купались, Юра и Лена вели себя в воде так, будто перед этим они внимательно изучали киношные сцены совместного купания любовников.

Я вылез первым, Кабан сидел на скамейке с блаженной улыбкой. Вылезла Ира, и мы все втроем смотрели на влюбленных. Наконец на берег выбежала Лена, сквозь ее мокрые трусы была отчетливо видна черная растительность на лобке, а сквозь мокрый лифчик проступали большие темные соски на грудях бутылочной формы. Но ее это нисколько не смущало, как, впрочем, и ее кавалера. У нас еще оставалось вино, и мы выпили за будущие победы «Зенита».

- В-в-ы э-эт-т-то… н-на м-матч н-наших ду-ублер-ров с «м-м-я-а-сом» п-пойд-дете? - спросил нас Кабан. - П-п-рих-ходите! П-п-после м-матча б-бухнем.

Я сразу даже не сообразил, о чем Кабан говорит, а потом вспомнил - чемпионат-то продолжается, грядет игра со «Спартаком».

Полупьяные, мы добрели до вокзала, электричка была уже подана, мы вошли в первый вагон и легли на деревянные отполированные скамейки, я тут же заснул. Проснулся я оттого, что поезд резко затормозил, вагоны как бы стукнулись друг от друга. Кабан лежал на лавке напротив меня, на спине и храпел. Кое-где виднелись головы пассажиров. Я, сколько ни старался, заснуть уже не мог. Встал и решил пойти в тамбур покурить. Проходя мимо спящей Иры, я еще раз обратил внимание на ее

золотистые волосы: «Какие красивые!»

Правда, Ира показалась мне немного странной. Чисто одета, но на штанине синих брюк из легкого материала, на коленке, аккуратно залатана дырка. Я удивился, потому что сам бы уже, наверное, не надел брюки с заплаткой на колене, хотя в нашей семье лишние деньги не водились. Ира мало разговаривала, в основном молчала, но охотно ответила на мой вопрос, где она живет и кем работает. Жила она на Театральной площади, с тетей, а работала в регистратуре поликлиники. Было ей девятнадцать лет, на два года старше меня. В отличие от подруги, Ира показала себя весьма стеснительной барышней. Во всяком случае, трусы и лифчик она отжимала в кабинке для переодевания, в то время как Лена сделала это, отойдя от нас шагов на пять.

Юры и Лены на лавках я не обнаружил. Зато обнаружил их в тамбуре: Лена сидела на корточках и делала Юре минет. Но я не стал выскакивать из тамбура, как ошпаренный, а встал у противоположных дверей и закурил. Юра кончил, когда я болгарскую сигарету «Opal» докурил где-то до половины. Лена встала с корточек, ребята поцеловались в губы, и вышли из тамбура.

В Ленинград мы вернулись вечером на следующий день после финала. Распрощались, как старые друзья, и договорились вместе пойти на матч дублеров. За время дороги я сблизился с Ирой, она мило мне улыбалась, дремала на моем плече, или делала вид, что дремала, а на самом деле приглашала меня к поцелую… Не знаю… Я мало общался с девушками и еще не научился правильно понимать их сигналы. Но, так или иначе, я ждал матча дублеров еще и потому, что хотел встретиться с Ирой.

Дублеры играли на запасном поле стадиона имени Кирова. Мы - я, Юра, Лена и Ира - встретились на станции метро «Петроградская». Кабан сказал, что придет на матч самостоятельно, а потом мы все вместе пойдем и культурно отдохнем.

Кабан нас увидел первым, он был не один, а с двумя парнями: рыжим мордатым детиной и сухопарым мужичком в сине-бело-голубом свитере. Я крикнул «Кабан!» и помахал ему рукой. Но к нашей разнополой компании направилась вся троица.

- Ой, какие мы красивые! - рыжий и, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, конопатый, говорил в ернической манере, как хулиганы из советского кинематографа. - А что, если вы накинете фанатам на бухло, по рублю? Вы же накинете, правда?

- У нас нет денег… - начал было Юра.

- Не пизди, слышь, ты! Кабан сказал, что вы придете с деньгами. Так ведь, Кабан?

Кабан кивнул и подобострастно посмотрел на рыжего из-под очков с толстыми линзами.

Я, честно сказать, никак не ожидал такого поворота событий и, чтобы скрыть растерянность - молчал. Мне было стыдно перед девчонками и я не знал, как действовать в сложившейся ситуации. Что это - шутка или реальный наезд? Неужели Кабан, которого мы по дороге из Москвы поили и кормили, оказался таким чмо, что навел на нас взрослых парней?

В принципе, к разборкам такого рода я привык в морском училище, и сам по себе расклад меня не пугал. Просто я не ожидал такой подлости от человека, с которым вместе проделал нелегкий путь.

- Кабан, - наконец произнес я, - ты же нас сам позвал на матч дублеров. После матча скинемся все вместе и выпьем…

- Ха-ха, слышали, Маркиз, Петруха?! - Кабан закрутился, как Квазимодо, подобострастно посматривая из-под очков то на рыжего, которого он и назвал Маркизом, то на мужичка, похожего на спивающегося сотрудника НИИ. - Он хочет, чтобы мы все скинулись, он хочет бухнуть с нами, с правыми фанатами, ха-ха.

- Не-а, чувак! Мы скидываться не будем, вы будете нас поить, потому что вы - ле-ва-ки! Понятно? - заявил рыжий Маркиз.

Я понимал: в принципе, бояться нечего. Рыжий, конечно, здоровый, я его не повалю. Но если завяжется драка, тут же прибегут менты, и, естественно, повяжут тех, кто взрослее. Менты стояли у входа на поле и заинтересованно поглядывали на нас. Но уповать на ментов - не фанатское дело. Я пребывал в нерешительности, единственно, что я решил точно, что ни за что не отдам два рубля, которые положил в карман джинсов.

- О, да у тебя «стрелка»! А ты разве достоин ее носить?! - Маркиз взял за значок зенитовского логотипа, приколотый к Юриной рубашке. Юра, ни слова не говоря, достал из кармана брюк три рубля, и зеленая купюра тут же оказалась в руке рыжего Маркиза.

- Вот так-то лучше! Кабан, Петрович, поехали на Красного курсанта, а то магазин закроется. А «стрелку» ты мне все же дай. Поносить.

Окончательно раздавленный Юра отстегнул значок от рубашки и отдал его. Троица ушла, точнее, ушли Маркиз и Петрович, а Кабан семенил за ними, как искалеченная собачонка.

Смотреть матч дублеров не было уже никакого настроения. Но мы все же его посмотрели. У меня ничего не отобрали, но я все равно чувствовал себя униженным и оскорбленным. Девушки

молчали. Женский инстинкт, наверное, подсказывал им, что они связались не с теми парнями - с какими-то несерьезными малолетками.

После этого случая я с Ирой больше не встречался: я ей не звонил, но и она никогда не набирала номер моего телефона. С Юрой я поддерживал приятельские отношения еще какое-то время, и он как-то признался мне, что Лена ему изменяет. Юра запил и вскоре выпал из моего поля зрения, я пробивал выезды один за другим, у меня появился новый круг знакомых. С Леной я как-то случайно встретился в перерыве домашнего матча, она была пьяная, в белой юбке, заляпанной винными пятнами. Ее обнимал и лобзал какой-то взрослый парень, лет двадцати семи, явно бывший зэк - лицо прочифиренное, на руках - наколки. Я кивнул Лене, но она сделала вид, что не узнала меня.

Кого я много раз видел после того случая на запасном поле, так это Маркиза. Мы стали даже приятелями. У обутого Юры был выбор. Он мог, как и я, на следующий день пойти на 33-й сектор, как я ему предлагал. Но он пошел на 40-й. Он испугался и в итоге расписался в своей фанатской немощи. Он сдался без боя. А фанатское сообщество слишком брутально, чтобы уважать тех, кто сдается.

Так получилось, что до своего первого выезда в Киев на матч местного «Динамо» с «Зенитом» я не мог себя причислять к фанатам, так как у меня не было прозвища, данного каким-нибудь авторитетным ультрас. Это сейчас фанаты сами себе придумывают погоняла. И, естественно, никто себя не обижает. Так, среди нынешних фанатов СКА есть паренек, который сам себя назвал Паханом. А раньше, когда фанатское движение только зарождалось, так было не принято. Прозвище мог дать только авторитетный фанат, а еще лучше -один из лидеров движа. Если в компании фанатов выяснялось, что кто-то сам себя как-то прозвал, его могли высмеять, а то и унизить. Среди фанатов прошлого и настоящего я знаю только одного человека, кого в фанатской среде знают под его собственной фамилией, это - мой товарищ по мореходке Вадик Смолин.

Мне мое прозвище никогда не нравилось. Но избавиться от него, поменять его на другое я не мог, не имел права. Так получилось, что для фанатов я - Ара. Дело было на выезде в Киев летом 1984 года. Когда я и Адвокат приехали в «мать городов русских», на перроне вокзала нас уже встречала группа киевлян, фанатов местного «Динамо», среди них затесался известный фанат «Зенита» Кастет, который приехал в Киев за несколько дней до матча, и видно было, что он провел их, распивая спиртные напитки. Выглядел Кастет как загулявший цыган:

всклоченные черные волосы, над губой - мушкетерские усы, а не юношеский пушок, треники с пузырями на коленях, стоптанные сандалии, застиранная футболка, говорил Кастет хриплым голосом.

С киевлянами фанаты «Зенита» дружили, и мы всей компанией пошли в винный магазин, закупили много бутылок какого-то местного плодово-ягодного напитка. Сели в живописном киевском дворике, откупорили емкости с мутной коричневатой жидкостью.

- Слушай, Дима… как твоя кликуха? - спросил Кастет.

- Нет у меня клички…

- Не порядок! Сколько у тебя выездов?

- Этот четвертый.

- А куда успел съездить?

- У меня Вильнюс и две Москвы: на финал Кубка и на «Спартак», когда «Зенит» 3:2 выиграл.

- Не много, но пора тебе получить погоняло. Сейчас мы тебе его дадим, а ты, как водится, проставишься в честь этого. Ладно?

- Не вопрос.

Киевляне (у одного из них была кличка Юра-Петя) одобрительно замычали.

- Дай-ка, Дима, паспорт, - попросил Кастет.

Я вытащил паспорт и протянул его Косте.

Он долго его разглядывал, листал страницы - как заправский мент.

- Ара! Будешь Арой! - вынес он вердикт.

Киевляне опять одобрительно замычали.

«Почему Ара?» - недоумевал я. «Ара» - по-армянски «парень», а в моем паспорте было четко написано: грузин. По-грузински «ара» - нет, отрицание. Но вряд ли Кастет был силен в таких тонкостях грузинского языка. Наверное, он исходил из того, что все кавказцы - ары, не знаю. Мне пришлось проставляться, и не помню, как мы добрались до дома киевского фаната, который меня приютил.

Так или иначе, прозвище прилипло ко мне. Самые большие проблемы из-за него возникли у меня во время выездов в Грузию: в Кутаиси и Тбилиси.

- Слушай, ты же грузин, а не армянин. Так почему твои друзья зовут тебя Арой, а?!

Зато потом, я когда полностью переключился на фанатизм за СКА, трактовал свое прозвище в выгодном для себя ключе. Мол, Ара - это от того, что я завожу на секторе: «А-р-р-р-р-мей-цы с Невы!»

Затем я неплохо показал себя на минском выезде. Сама игра

прошла уныло, а мы не смогли поддержать «Зенит» как следует. Зато перед матчем и после него нашей выездной бригаде удалось отличиться. Команда остановилась в гостинице рядом со стадионом. Мы проникли туда, оккупировали один из номеров, начали распевать фанатские песни, и нас пришлось выгонять с помощью милиции. Зачем мы это сделали, в чем был смысл акции, я не знаю. Да и какая разница. Я же сказал - фанатизм абсурден, как и вся наша жизнь. А после матча я подрался с местными мужиками, которые оказались ветеранами войны в Афганистане. Вначале все шло хорошо. Выходя со стадиона «Динамо», мы, я и Комиссар (парень, с которым я учился в одном классе и которого вовлек в фанатское движение), познакомились с двумя парнями. Те вели себя довольно дружелюбно и предложили выпить за знакомство, за «Зенит» и минское «Динамо». Мы не стали отказываться. Мы купили три бутылки местного пойла под названием «Белая вежа», выпили за Зенит», за минское «Динамо», за Белоруссию, за Ленинград. И вдруг мужиков понесло, один из них схватил меня за шарф и стал стягивать его на моей шее, говоря: «Я, блядь, не для того в Афгане под пулями ходил, чтобы ты от всякой хуйни страдал, фанат, блядь!» Комиссар решил, что для него будет лучше, если он убежит, и дал стрекоча. Мужик продолжал сдавливать мне горло, я стал задыхаться. Второй мужик стоял рядом с товарищем и лыбился. Еще немного, и я бы потерял сознание, но мне удалось улучить момент для удара коленом в мужицкий пах. «Афганец», естественно, немного согнулся, я его оттолкнул и побежал что было сил. «Афганцы» устремились за мной, крича проклятья в мой адрес, а я завернул за угол, где, на мое счастье, стояло такси. Я буквально впрыгнул в салон, как это делают в детективных фильмах, и крикнул «На вокзал! Я опаздываю!» Такси сорвалось с места как раз в тот момент, когда из-за угла выбежали те два мудака - воины-интернационалисты.

Но когда таксист привез меня на вокзал, я понял, что мои проблемы не закончились. Я обшарил все свои карманы, но лишь в одном из них обнаружил всего пятьдесят копеек одной монетой. А таксист насчитал, что я наездил на два рубля (хотя ехать было меньше километра).

Я начал объяснять ему, что я воспользовался его услугами, чтобы уйти от погони. Но он не стал меня слушать, а свистнул других таксистов, которые припарковали свои тачки на привокзальной площади.

- Не хочет платить! - объявил он.

Я попытался вылезти из машины, но за шею меня крепко схватил один из таксистов, который успел залезть на заднее

сиденье. Второй водила, что стоял снаружи, ударил меня в лицо, правда, удар получился несильным, прошел по касательной и лишь немного разодрал ухо. Я выставил колено вперед и больше не позволял бить меня в лицо: когда мужик нагибался, чтобы нанести удар, я отбивался от него ногой, причем довольно успешно - несколько раз зарядил ему в область гениталий. Но сзади меня крепко держали за шею. В принципе, я мог крикнуть «Милиция! Помогите!», и меня бы таксисты отпустили, так как, в принципе, я ничего не нарушил и был готов заплатить за проезд пятьдесят копеек, а на два рубля явно не наездил. Но для фаната не дело звать на помощь ментов. И я просто вцепился зубами в руку того мужика, что обхватил меня сзади. Тот заорал: «Бля-я-ядь!», отпустил меня. Я вырвался наружу и побежал, правда, в машине пришлось оставить свой чемоданчик. Я вбежал на перрон, где стоял поезд. Молоденькая проводница согласилась бесплатно довезти меня до Орши. В Орше я просидел до утра. А потом залез в поезд Брест-Ленинград и доехал до родного города на третьей полке.

После этого минского выезда я вошел в число правых фанатов. Но осенью 1984 года, когда «Зенит» завоевывал золотые медали, я понял, что не хочу и не буду фанатом этой команды. К тому времени я окончательно созрел для того, чтобы стать армейцем.

ГЛАВА 2 КРАСНО-СИНИЙ ПАРТИЗАН

Пробивая выезды за «Зенит», я быстро растерял восторженность неофита: братство фанатов в реальности оказалось не таким уж братским. Многое в фанатском движении мне не понравилось: пьянство, некоторые правые фанаты выглядели, просто как бомжи, оказалось, что доверять можно только тем, с кем ты сдружился, остальные могли легко подставить. Кроме того, «Зенит» шел к золотым медалям, и болеть за него стало модой, мейнстримом, а я всегда хотел быть не таким, как все.

Войдя в околофутбольное движение, я быстро просек, что в этом движении есть изгои - фанаты ЦСКА, а к самой армейской команде в болельщицкой среде отношение более чем просто отрицательное. «Конюшня»!

Сэм, знакомя меня с основами фанатизма, прочитал мне стишки, сочиненные, видимо, большим интеллектуалом и мастером изящной словесности. Но они, стишки эти, - иллюстрация тогдашнего отношения к ЦСКА со стороны фанатов других команд:

На развилке трех дорог
Стоит терем-теремок,
А на тереме доска:
То конюшня - ЦСКА.

Другое творение еще более высокохудожественное:

Что на поле за тоска?
То конюшня - ЦСКА.
Чтоб таких козлов найти,
Надо землю обойти.
Я всю землю обошел
И в конюшне их нашел.

Замечу, что придумали эти стихи фанаты «Спартака». Нынешние красно-белые «гладиаторы» по части креатива превзошли родоначальников своего движа. На армейско-спартаковском дерби с их трибун только и слышишь:

ЦСКА - команда гондонов,
Больше вам не стать чемпионом!
Отсосете хуй вы у мяса

Красно-синие пидорасы.

Гондоны, пидорасы - вот как надо позорить принципиального соперника! А то терем-теремок, конюшня…

ЦСКА не любили за то, что этот клуб получает молодых талантливых игроков, призывая их как бы в армию, и якобы губит их футбольные таланты. Хоккейный ЦСКА не любили за то, что он обирал все остальные хоккейные клубы: как только в любой провинциальной команде начинал хорошо себя показывать какой-нибудь игрок, он сразу оказывался в ЦСКА.

Но эти расклады меня не волновали. Мне хотелось злить окружающих, противопоставлять себя их представлениям о добре и зле, поддерживать то, что остальные осуждают. И фанатизм за ЦСКА помогал реализовать эти цели.

Осенью 1983 года я, еще только начиная фанатеть за «Зенит», не сильно радовался победе ленинградской команды над ЦСКА на стадионе имени Сергея Мироновича Кирова (ныне срытого под корень). Парни в красных футболках со звездой на груди и синих трусах вызвали у меня симпатию. И, помнится, подумал тогда: живи я в Москве, обязательно фанател бы за ЦСКА. После игры я взял автограф у легенды армейского футбола Александра Тарханова.

Но фанатеть за ЦСКА, живя в Ленинграде, нелегко, да и не очень, на мой взгляд, естественно. Да и зачем, если в твоем городе есть своя армейская команда? Пусть не футбольная, пусть хоккейная. Но, в конце концов, я всегда любил хоккей!

Кроме того, мне очень нравилась армейская символика. Щиток со звездой, серпом и молотом, синие свитера хоккеистов со звездой на груди, красные шлемы… В юности, да и в любом возрасте, наверное, информация воспринимается на уровне символов, знаков. Символика армейского клуба отсылала в легендарные времена Буденного, Фрунзе, Ворошилова (о реальной роли Льва Троцкого в создании Красной армии я тогда еще не знал).

В конце сезона 1983/84 я пришел в Спортивно-концертый комплекс на матч СКА. Кажется, армейцы играли с «Химиком», который в те годы был лихим середнячком. Я сидел на центральной трибуне. Зрителей было немного, атмосфера была как на похоронах, трибуны молчали. В ворота армейцев залетали шайбы одна за другой. На боковой трибуне я заметил человек пять в красно-синих шарфах, они изредка заряжали «А-р-р-р-мейцы с Невы!» Это был отважный поступок - надеть в Питере красно-синий шарф, я позавидовал смелости парней и решил, что они будут моими новыми товарищами.

Затем, в самом конце сезона 1983/84, СКА дал бой ЦСКА, который за весь чемпионат не потерпел ни одного поражения. Московские армейцы шли на рекорд, достойный книги Гиннесса. И проиграли они только СКА, который прочно прописался в группе аутсайдеров. Играли в Спортивно-концертном комплексе. Наши победили 3:1. Ворота армейцев с Невы защищал Сергей Черкас. За СКА шизовали все те же пятеро (или шестеро) парней. Но после матча началась давка, все были возбуждены, на радости пихались и толкались, и пока я пробирался к ребятам, они ушли со стадиона, так что знакомство с ними мне пришлось отложить до следующего сезона. Только потом я узнал, что прозвище лидера той небольшой армейской грядки Артын. Фанаты «Зенита» отзывались об этом парне уважительно, мол, боец, ничего не скажешь. Он ездил на выездные матчи «Зенита». Мы могли познакомиться с Артыном в Вильнюсе, на матче, который стал началом моей выездной истории. Но я его в ажиотаже не заметил, а узнал только на фотографии нашей трибуны.

На первый матч хоккейного сезона 1984/85 я шел с совсем другим настроением, чем на последние матчи предыдущего сезона, я был уверен в себе, ведь за прошедшее время я накатал несколько выездов, меня несколько раз задерживала милиция, я познакомился с ментовскими кулаками, получил прозвище, словом, продвинулся по фанатской части.

«Может, и хорошо, что я не познакомился с Артыном весной, когда был еще леваком. Сейчас-то я настоящий фанат, и мне будет легче поставить себя в новой компании», - думал я, идя на матч СКА, первый в новом сезоне.

Но на стадионе я не обнаружил Артына и его парней. Не появились они и на следующих матчах. И я понял, что мне выпал шанс создать свой красно-синий сектор, создать с нуля армейское движение в Ленинграде.

- Да ты чего? В «кони» подался?! - возмущался Вадик Смолин, который к тому времени уже успел себя зарекомендовать как перспективный зенитовский фанат. - Зачем ты тогда за «Зенит» выезды пробивал, а? Я тебя не понимаю! Ты уже почти в основе движухи… Нет, ты понимаешь, что теперь у тебя появится куча проблем? А в футболе ты теперь будешь за кого болеть, за «конюшню», за ЦСКА, за старших братьев, да?

- За СКА (Ростов), - попробовал отшутиться я, но приятель шутки не принял.

- Да парни не поймут тебя… А если ты придешь на «Зенит» в красно-синей розе, тут же получишь в рыло. И я за тебя заступаться не буду, ты уж прости.

- Послушай, не надо драматизировать, ладно! Я с детства

люблю хоккей и болею за СКА. Фанатизм за «Зенит» - для меня эпизод, и все. Я хотел стать фанатом, а в городе нет другой «грядки», кроме зенитовской. А насчет того, кто кому даст в рыло, мы еще посмотрим! Придет время, и вы не посмеете сунуться на наши матчи в своих цветах. В Питере хоккей был, есть и будет красно-синим.

Вадик жил в Колпине, в небольшом промышленном пригороде Ленинграда. В хоккее Колпино представляла команда первой лиги «Ижорец» (от Ижорского завода), она показывала тогда неплохой хоккей.

- Ха-ха! Скоро «Ижорец» будет играть в вышке, - заявил приятель. - А «Ижорец», между прочим, профсоюзная команда, а не «конская», и все фанаты «Зенита» будут его поддерживать, вот увидишь! И на СКА вообще ходить никто не будет. Кроме тебя.

- Кроме меня, - мне надоел этот спор.

И действительно, наша армейская грядка росла очень медленно. После того, как «Зенит» стал чемпионом, никто, кроме меня, не хотел болеть за хоккейный клуб, который часто проигрывал. Но затем ко мне присоединились ребята из той банды, что я видел на том героическом матче СКА-ЦСКА, это были пятнадцатилетние мальчишки, у них уже были прозвища: Противогаз, Провокация, Агитация…

Конечно, чтобы заявить о себе как об армейском фанате, я должен был пробивать выезды за СКА. Без выездов нет фанатского движения. Я решил, что поеду в Воскресенск. Этот заурядный промышленный город Московской области пользовался дурной славой. В среде фанатов гуляла молва, что местные гопники мочат всех, кто посмеет сунуться в их гребаный городишко. Ходили легенды, что они повесили на розах то ли московских «коней», то ли «мясников». Вместе со мной в Воскресенск приехали зенитовские леваки, которые после матча «Зенита» с московским «Торпедо» решили прогуляться еще и на выездной матч армейцев.

Денег у нас не было, и мы решили одолжить несколько рублей у хоккеистов, которые остановились в местной гостинице. Мы попросили администратора позвать кого-нибудь из игроков СКА, он это сделал, и в холл спустился нападающий Слава Лавров.

- Слава, не одолжишь рубля три, а то мы на билеты все деньги потратили, а хочется есть, - сказал один из парней, который, как он уверял, был шапочно знаком с Лавровым.

- Зачем вы билеты-то покупали? Мы бы вам дали бесплатно, на нас оставляют штук десять. Держите три рубля, - сказал Слава, и я невольно сравнил отношение к фанатам со стороны одного из

ведущих армейцев с тем, как относятся к своим суппотерам футболисты «Зенита».

- Ладно, парни, я пойду, а то раскатка скоро, - распрощался с нами Лавров. Как жаль, что этот замечательный человек нелепо погиб под колесами самосвала, выходя со стадиона СКА на Ждановской набережной!

Три рубля быстро ушли на утоление голода, но мы так и не наелись. Пришлось воровать. Тогда, чтобы вынести что-нибудь из магазина, не нужно было обладать особой ловкостью: в магазине самообслуживания достаточно было засунуть незаметно продукт под одежду. Мы даже умудрились украсть соленые огурцы из кадушки - просто один парень попросил их взвесить, а другой взял мешок с прилавка и вынес его из магазина.

Матч проходил в душном Дворце спорта, забитом до отказа весьма неприглядной публикой, проще говоря - мужичьем. В начале матча я завел: «Ар-р-р-мейцы с Невы!» - и тут же получил удар ботинком в шею. Повернулся и увидел искаженное в гримасе лицо дегенерата неопределенного возраста. Он заорал на меня: «Закрой пасть, блокадник!» Мент стоял рядом и, наблюдая за этой гнусной сценой, ухмылялся в усы. «Зенитчики» стушевались, и мы весь матч просидели молча. Я, правда, растянул перед собой красно-синий шарф и, терпя тычки, просидел так до конца матча. Не убрал я наши цвета! СКА проиграл тогда. Зато мой выезд в Воскресенск весной 1987 года был не просто победным, а бронзовым! Армейцы выиграли 4:2 и обеспечили себе третье место.

ГЛАВА 3 ЗАЩИЩАЙ СВОИ ЦВЕТА

- Вот тебе в подарок на день рождения, - сказал Рулет, мой друг, который гонял за московское «Динамо», и протянул мне красно-синий армейский шарф машинной вязки.

- Спасибо! Откуда он у тебя? Где достал? - я был просто счастлив. Наконец-то у меня будет настоящая армейская роза, а не самовяз!

Рулет замялся.

- Нашел после нашего матча с ЦСКА, какой-то наш московский «конь» потерял…

Но эта информация ничуть не уменьшила моего счастья. Я так давно мечтал о настоящей розетке, что меня в принципе совершенно не волновало, где ее добыл московский динамовец Рулет, ясно, что он не отнял ее у какого-нибудь армейского малолетки, это было исключено, потому что московские динамовцы поддерживали дружеские отношения с нашими московскими одноклубниками.

В середине 80-х обзавестись хорошей фанатской атрибутикой было очень и очень трудно. Самым мистическим образом с прилавков исчезали самые обычные товары, например, пряжа или шерсть. А если сырье для вязки и появлялось в продаже, а точнее, по выражению того времени, - «выбрасывалось», то самого неподходящего для какого-либо фанатизма цвета - серого. Я регулярно обходил трикотажные магазины в надежде увидеть на прилавке красные и синие клубки, но удача, видимо, от меня отвернулась. Ничего не оставалось делать, как сшить хлопчатобумажный красно-синий шарф. Но хоккей - зимний вид спорта, и ходить зимой в шарфе из хлопка было некомфортно. Чтобы показать, что я фанат армейской команды, я сплел из мулине что-то типа красно-синей косицы. Но выглядело это украшение как-то по-хипповски, фенечка какая-то, и мне это не нравилось - не для ультрас тема.

Наконец-таки в Доме мод, что над станцией метро «Петроградская», я увидел мотки пряжи красного и синего цветов! Но синяя пряжа была настолько темной, что воспринималась как черная. Но делать было нечего, и я купил три мотка красной пряжи и столько же синей. Моя мама вязать не умеет, и я обратился за помощью к соседке. Та связала мне огромный шарф, в который можно было завернуть всего себя, но связала каким-то особым способом, и шарф был меньше всего похож на фанатский.

Я замечал, что у большинства фанатов ЦСКА розетки тоже кустарные - связаны мамами или бабушками. Но меня это не

успокаивало, я хотел иметь настоящий фанатский шарф. А тут такой подарок на день рождения! Я обнял Рулета в знак благодарности.

Вскоре мне дали адрес трикотажной мастерской, где на заказ вязали свитера (пусера - как тогда говорили). Находилась она на Благодатной улице, недалеко от Парка Победы. Ее обнаружил фанат «Зенита» Фюрер (Дюрер), который жил поблизости. Сам он заказал себе там сине-бело-голубой пусак, а я поспешил, естественно, заказать красно-синий. В общем, последний сезон перед армией я встретил в классном фанатском прикиде, что наполняло все мое существо гордостью и счастьем.

Мы хотели выделиться, чтобы подчеркнуть: мы - истинные болельщики, настоящие фанаты, те, для кого поддержка любимого клуба не просто рядовой поход на стадион, а образ жизни. Фанатский прикид выделял нас из серой совковой толпы. Отчасти это был вызов уравнительной системе. Повязывая на шею шарф с цветами родной команды, мы как бы заявляли окружающим: вы все серые, одинаковые, вы такие, какими вас хотят видеть начальники, а мы нет; вы - мертвые, а мы - живые.

Сейчас все иначе - существуют магазины фанатской атрибутики, на стадионе - бесконечные лотки с шарфами, повязками, кепками, шапочками, футболками с эмблемами команд. Только покупай! Только потребляй!

Помню, я вырезал из солдатского шеврона красную звезду и приклеил ее на синюю футболку. Поучилось вроде неплохо - как у футболистов легендарной «команды лейтенантов». Сейчас так никто не будет заморачиваться. Нужна футболка с эмблемой любимой команды? Иди и купи. И люди покупают. Каких только персонажей не встретишь на стадионе и в его окрестностях в день матча! Укутанные в клубные шарфы, в клубных футболках, в шляпах цветов команды, в шлемах с рогами. И с пивом. Настоящая клоунада.

Наверное, эта повсеместная клоунада настолько неприятна нынешним фанатам, что они предпочитают вообще ходить без цветов. Ведь фанатизм - во многом это бунт против законов общества потребления. И фанатам не может нравиться, что символы, за которые они готовы рисковать очень многим, стали предметами купли-продажи. Кроме того, фанатское движение немыслимо без внутренней структуры и иерархии. Раньше право на ношение розетки нужно было заслужить, пробивая выезды и отстаивая честь клуба и «грядки» в драках с противниками. А сейчас клубный шарф может купить любой лох. И поэтому нынешние фанаты ищут иные способы указать на свое место в движе.

Обычно ребята объясняют то, что они не ходят в атрибутике команды, без розетки тем, что не хотят «светить щи перед полисом».

«Фанатская атрибутика нам в большей степени не нужна. Палево. Зачем ментам лишний раз на глаза попадаться? - просвещал какого-то журналиста некий футбольный хулиган по имени Артем. - Для нас в футболе главное -околофутбол. Бои с противником. Задача - найти противника и доказать свое превосходство. То есть победить его в честном бою. Поэтому и одеваемся мы в повседневное, но определенных марок. Burberry, Lacoste, Tom Tailor, Fila. Именно эти марки показывают, что ты можешь принадлежать «фирме». Мода на них, как и все остальное, пришла из Англии. Это своего рода униформа, позволяющая слиться с толпой, но не мешающая нам вычислять друг друга в толпе».

Менты, конечно, тугодумы. Но те из них, что занимаются профилактикой околофутбола, наверняка давным-давно просекли: если парень идет на стадион в шарфе от Burberry, да еще в белых кроссовках, то это их клиент. Так что для маскировки сейчас лучше одеваться в стиле отчаянной «кузьмы»: розетка, футболка, колпак. Если так вырядиться, никто тебя не заподозрит в желании подраться, устроить побоище. Но я уверен, что дело не в маскировке, а в желании футбольных хулиганов противопоставить себя толпе. Просто раньше толпа на стадионе была серой, а сейчас она - цветная.

Кроме того, не будем забывать о моде. Артем прав: нынешние русские фанаты стараются быть похожими на английских футбольных хулиганов. После того, как появились фильмы «Фабрика футбола» и «Хулиганы», мода на кажуальный стиль (кэшлс) усилилась. Куда не плюнь, везде кажуалы на тревожных щах! Цвета на себя надеть для них - позор. Нет, я все понимаю: «кузьмичи» и гопари, конечно, достали. Только не надо пиздеть, что Stone Island ты нацепил, чтобы тебя менты не вычислили. Скажи честно: хочу, мол, походить на героев «Фабрики футбола». Все же легко объясняется.

Доходит до абсурда. «Мясной» писатель Дмитрий Лекух заявил в интервью: «По затратам, скажем так, финансовым, культура «кэшлс» - дело вполне себе нетривиальное. «Выезда» и по России денег стоят вполне приличных, я уж не говорю про европейские. А их за сезон не один и не два набирается. Да и обязательную «униформу» таких «хулиганских» брендов, как Stone Island и Burberry, как вы понимаете, далеко не каждый может себе позволить. А фейки (подделки) в этой среде считаются настолько плохим тоном, что ношение их чем-то напоминает «потерю лица»

каким-нибудь средневековым японским самураем. Чем это заканчивалось для самурая, напоминать, надеюсь, не стоит». Пижонство какое-то. По этой логике выходит, что на стрелки фанаты должны на «феррари» и «доджах» приезжать…

Может, слова Лекуха переврали или вырвали из контекста, не знаю… Ведь то, что Дмитрий говорит по поводу отношения футбольных хулиганов к дорогим шмоткам, противоречит тому, как он оценивает фанатизм в целом. Например, в интервью газете «Завтра» он заявил: «Чем мне нравится этот движ - он создает коллектив, но убивает толпу. В бригаде, в фирме, чтобы попасть в основу, надо быть личностью и вызывать уважение у таких же личностей. Локальная вещь на стрелках - действовать сообща, так как говорил Суворов: «Сам погибай, а товарища выручай». При этом оставаться уважающей себя личностью». Золотые слова.

Но выходит, «в бригаде, в фирме, чтобы попасть в основу, надо быть личностью», а потерять лицо можно лишь из-за ношения фейковой шмотки? Странная логика. Я-то думал, что фанат теряет лицо, если ментам товарищей сдает или, бросая моб, бежит от противника, спину показывает. А, оказывается, все дело в шмотках. Надел фейк - потерял лицо. Тогда при чем тут кодекс чести самураев? Здесь уместнее говорить о правилах «хорошего тона», принятых в элитных ночных клубах, а не на фан-секторах стадионов. Может, я чего не догоняю, отстал от жизни, но я не понимаю этого. Гордиться тем, что на тебя джинсы за четыреста евро, мне кажется, для фаната негоже как-то. А за сто евро джинсы надеть, значит, опозориться, что ли? А за пятьдесят евро, значит, вообще - публично обосраться, все равно что громко выпустить кишечные газы на концерте камерной музыки? Я считаю, что покупать шарф за девяносто евро (именно столько стоит шарф Burberry модной расцветки в duty free, а в бутиках в два раза дороже) - пошло. Этот атрибут гардероба столько не стоит. А что, в джинсах за четыреста евро драться удобней? Не знаю. Я ношу джинсы за пятьдесят евро и не страдаю от этого, честное слово.

Я согласен с мнением на эту тему ребят из московской армейской фирмы Red Blue Support: «Чтобы быть HOOLS, не надо одевать вещи с лейблами «лонсдейл» или «умбро» и других марок известных в фан-кругах. Дела говорят за человека, а не его одежда, в такой одежде в вас могут опознать злостного подонка-хулигана даже самые непродвинутые постовые. На секторе и на выезде вы должны выглядеть пристойно, вы представляете не только свою фирму или компанию, но и все движение в целом. Так что следите за своим внешним видом, чистая более или менее стильная одежда вот и все, что от вас нужно».

Правильная позиция. Да, в 80-е годы рядом с некоторыми фанатами стыдно было находиться, выглядели они отталкивающе - грязные, отвратительные, опухшие, вонючие, злые. Очень хорошо, что фанаты отошли от этого стиля - «вечно пьяного быдла». Но, идя на стадион, одеваться так, словно направляешься в ночной клуб для золотой молодежи, мне кажется, просто глупо.

Наши нынешние ультрас не без гордости говорят, что российский движ очень похож на британский в общем и целом, а также внешне - те и другие кажуалы. «С Дуги Бримсоном мы искали ответ на вопрос: почему так близки британская и русская футбольные субкультуры? - рассказывает опять же Лекух. - И пришли к такому выводу: мы - бывшие империи, которые испытали поражение».

При чем тут поражение империй? Не при чем абсолютно. Однако что есть, то есть: русские и англичане немного похожи. Я мог в этом убедиться лично, все же в общей сложности прожил в Лондоне почти два месяца, работал с англичанами. А похожи англичане и русские тем, что оба народа долгое время жили в состоянии несвободы. Русские - народ крепостной, ими повелевали помещики, а потом чиновники, поведение англов же долгое время определяли нормы консервативной протестантской морали. Из-за этого как в Англии, так и в России бунт против системы, традиционных устоев (а русский фанатизм и английский футбольный хулиганизм - не что иное, как

проявление такого бунта) приобретает гротесковый, неадекватно буйный характер.

Не случайно, русские не просто сбросили царя, но и привели к власти большевиков, а те стали строить «государство рабочих и крестьян», а в бунташные 60-е годы XX века именно в Англии был нанесен самый мощный удар по моральным устоям буржуазного общества. Политические и социальные устои капитализма в 60-е годы атаковали во Франции и в Италии, а в Англии - моральные. Все знают выражение swinging London (веселящийся, свингующий Лондон). В английской столице родились мини-юбки, мода на мужские длинные волосы, первобытные наряды, освещенные мюзиклами Hair и Jesus Christ Superstar, употребление наркотиков - от марихуаны до кислоты, индийские духовные практики, буддизм и, конечно, бал правила «свободная любовь», проще говоря, ребята трахались, не спрашивая имени партнера или партнерши.

С фанатской модой на дорогие бренды история приблизительно такая же, как со свободной любовью в swinging London. Это преодоление комплексов. В протестантской Англии считалось неприличным одеваться с вызовом, подчеркивать

нарядами свой достаток. Все одевались на один манер. Протестантские торговцы и лавочники не украшали свои лавки и кабачки рекламами - это, мол, нечестно в отношении конкурента. Если Бог на твоей стороне, он воздаст тебе за твои труды и без всякой рекламы. Костяк околофутбольных «фирм» в Англии составляют вовсе не безработные люмпены и не отчаявшиеся пролетарии, как принято думать, а представители среднего класса, околофутбол для них - нечто вроде экстремального спорта. Хиппи тоже были выходцами из среднего класса, так что бунт хиппарей и бунт футбольных хулиганов имеют общие социальные корни. Я не идиот, чтобы считать, что эти субкультуры чем-то похожи. Хиппи одевались в лохмотья, отращивали волосы и занимались любовью, а не войной. Хулиганы коротко стригутся, одеваются в дорогие шмотки, а поход на футбол для них - это военная операция. Но то и другое - протест против серости и усредненности, против буржуазно-пуританского дерьма.

Нынешние российские фанаты - это, как правило, дети тех, чья молодость пришлась на поздний совок. Что такое одежда модного бренда для обитателя совка, наверное, объяснять не надо. Люди отдавали месячный заработок, сто двадцать-сто тридцать рублей, за джинсы! Коммуникация с обществом через вещь, будь-то джинсы или модная курточка, - это оттуда, из позднего совка. При Брежневе молодежь не могла одеваться во все фирменное. Она лишь мечтала об этом. Одна модная вещь в гардеробе - и то хорошо. Дети той молодежи, то есть молодежь нынешняя, унаследовали комплексы родителей. Думаю, отсюда такое зацикливание на дорогой одежде, желание подчеркнуть: я, мол, в реальном Burberry, а не в каком-то фейке. Недаром Дуги Бримсон, который успел побывать в Советском Союзе, о России буржуазной сказал следующее: «У вас тоже поперло то самое говно, что затопило нас, - капитализм, общество потребления, толпы сытых животных на улицах, которым на фиг ничего не надо… И я сейчас все время думаю: а к чему приведет сочетание потрясающих людей, замечательной страны и всего этого шлака?»

Однако английская околофутбольная субкультура не единственная в мире. Традиции испанских или итальянских ультрас сильно отличаются от правил английских хулиганов, в романских странах фанаты с гордостью носят клубные цвета. Ладно, об этом Дуги Бримсон пишет, и я не буду пересказывать его книжки.

В Барселоне мое внимание привлек фанат «Эспаньола». На шее - клубный шарф, на голове - бейсболка с эмблемой клуба, разгуливал он в спортивном костюме с эмблемой «Эспаньола» на

груди, а края брючин были как будто бы изодраны псами.

- Да, так и есть, - объяснили мне потом, - он намекает на то, что полицейские на него натравливают собак, когда он дерется с противниками «Эспаньола».

Конечно, человек, который с ног до головы одевается в цвета любимого клуба (как когда-то Вороной, фанат ЦСКА), со стороны выглядит немного смешно. Во всем должно быть чувство меры. Я, например, всегда ходил в армейской розе, а на матчи надевал трикотажный красно-синий свитер (пусер). Не хочу сказать, что такое поведение - пример для подражания, но меня, признаюсь, раздражает, когда фанат чурается надеть шарф цветов команды, чтобы не прослыть скарфером (шарфечником). Я не лезу в чужой монастырь со своим уставом, я понимаю, что сейчас фанатизм совсем другой, чем двадцать пять лет назад, призывать вернуться в «старые добрые времена» - глупо. В те времена было много чего недоброго, откровенно отвратительного, например, повальное пьянство в фанатской среде (кроме нашей питерской армейской банды). Но мы носили цвета, в цветах мы и дрались. Тогда не было разделения движа на «топ-фирмы», обычный суппорт и т. д. Мы просто были фанатами, на первом месте для нас была поддержка любимого клуба, а не подавление комплекса мужской неполноценности. Вот и все. Отсюда и наше отношение к атрибутике - трепетное.

Меня радует, что современные российские фанаты переняли от испанцев и итальянцев такой способ поддержки любимой команды и заявление о той или ной своей позиции, как вывешивание баннеров. Это красиво, часто креативно. Приятно видеть, что на матчах СКА перила украшают красно-синие баннеры с надписями типа: «Красная армия всех сильней» или «Армейцы с Невы». Мы себе не могли позволить такой роскоши. Мастерских по изготовлению баннеров не было. Да и просуществовал бы такой неофициальный баннер недолго: его бы конфисковали менты, как только бы мы его растянули.

Каждая армия, воинская часть имеет свое знамя. Знамя - это святое. В армии караульный пост № 1 - у полкового знамени, и никогда иначе. Если футбол и хоккей - это формы войны, то вполне естественно, что каждый клуб имеет свое знамя. Для фаната клубное знамя - святыня.

Но в те времена, когда я был фанатом, добыть клубные знамена было очень и очень непросто. Их не продавали. Значит, надо было добывать другим способом. Фирменные знамена мы воровали с небольших стадионов: их украшали знаменами спортивных обществ страны, когда на них проходили какие-нибудь легкоатлетические спартакиады. Нужно было незаметно

выдернуть флаг из флагштока и быстро смотаться со стадиона. Но спартакиады проходили нечасто, информация о них широко не распространялась. Так что с фирменными знаменами наблюдалась напряженка.

Выход из ситуации мог быть один - шить знамена самим. Хорошо, если дома у фаната была швейная машинка, а его мама умела шить. Наша семья швейной машинкой не обзавелась, а моя мама не овладела навыками кройки и шитья. И я искал другой выход из положения.

Однажды в морском училище, в котором я учился, мне на глаза попался один из флагов расцвечивания - красно-синий, называется он «ЭКО», если его поднимают на рее парохода, это означает, что судно изменяет свой курс в право. «Символично!» - подумал я. Эти знамена хранились в классе морской практики, в сундуке. Однажды я остался убирать этот класс, отыскал флаг и спер его. Так что первое армейское фанатское знамя в Ленинграде имело морское происхождение. С этим полотнищем я пробивал свой первый выезд в Ригу осенью 1985 года. Помню, я свесил его над проходом, откуда выходила наша команда.

Затем, когда наша банда начала расти, ребята где-то добыли совершенно эксклюзивный флаг - СКА Ленинградского военного округа. Это было огромное красное полотнище (полинялое, правда) с синим треугольником, в середине которого находилась буква Л с маленькой звездочкой в виде короны. Потом мы добыли фирменные знамена ЦСКА и просто закрасили Ц. В конце бронзового сезона, то есть весной 1987 года, на нашем секторе колыхалось штук семь знамен.

Когда я решил завязать с фанатизмом, я отдал все знамена ребятам. Но они куда-то задевали наши святыни. В середине нулевых в Москве, перед матчем ЦСКА-СКА, в магазине для болельщиков я купил традиционное цээсковское знамя, с буквой Ц на звезде поступил, как в былые годы - просто закрасил ее фломастером. Я вывешивал это знамя на играх. Для того, чтобы поддержать СКА, так и чтобы напомнить молодым ребятам, откуда есть и пошел армейский фанатизм на Неве.

Но, к сожалению, с этим флагом случилось несчастье. Его сперли «мясники»! Произошло это на выездном матче плей-офф в «Сокольниках», который СКА бездарно проиграл и вылетел из розыгрыша. Я вывесил флаг на перилах второго яруса, но ОМОН заставил подняться нас на второй ряд, и я не мог контролировать знамя. Но особенно не волновался из-за этого. Я не думал, что кто-нибудь из спартаковцев тайком сорвет наш флаг. Когда я был активным фанатом, так было не принято делать. Почетно было «обуть» фаната принципиального противника, то есть отнять (или

получить в «подарок») шарф или знамя с помощью весомых аргументов, или отобрать фанатские атрибуты оппонентов в драке. Но вести себя, как бомжи, которые воруют сохнущее на веревке белье, было не принято, это точно. И вдруг во втором периоде я увидел, как на противоположной трибуне над моим знаменем глумится пузатый «мясник». В перерыве я попытался выйти с нашего гостевого сектора и решить вопрос, но менты не пустили.

- Вы нас оттеснили от перил и не уследили, как они срывают наше знамя, а теперь не хотите, чтобы я сам разобрался в ситуации! - негодовал я.

По правде сказать, я был зол и на ребят, которые начали было меня осуждать, мол, Ара не уследил.

- А вы на что? Это разве не ваше знамя, а? На флаге было написано: «Ара - суперстар!», что ли?!

- Ара, но твой косяк!

- Ладно, пусть это будет исключительно моим косяком. А чтобы вы сделали в такой ситуации?

- Забились бы с «мясом».

- Так давайте, забейтесь, а пойду я.

- Уже поздно.

- Так тогда не надо пиздеть! На словах все герои!

Меня разозлили менты, которые мало того, что прозевали, как «мясные» сорвали наш флаг, так еще потом спокойно глядели, как пузатое быдло оскорбляет его, а меня не выпустили с нашего сектора, чтобы я, в конце концов, просто вернул свое имущество. Разозлили меня и молодые фанаты СКА. Что я им должен доказывать? Я приехал на выезд с сыном, своим ходом. В «Сокольники» мы пришли сами, сами и ушли из этого свинарника. Как фанаты старой школы. Никто нас не охранял. Их привезли на автобусе под конвоем ментов и увезли. А разговоры разговаривать, мол, надо было забиться с «мясом», любой дурак может. Вместо того чтобы помочь мне разобраться в ситуации, они стали вести себя, как будто только и ждали косяка с моей стороны.

И я решил разобраться сам. Вначале на форуме спартачей я обнаружил фото того, кто глумился над нашим флагом, и описание им своего «подвига». Оказывается, его знакомый подсадил на плечи своего ребенка, и тот при полном попустительстве ментов сорвал наше знамя. Таким образом, толстяк по имени, как выяснилось, Алексей, получил флаг в подарок от своего дружка, пришедшего на матч со своим отпрыском. Он очень радовался тому, что мы не сразу и заметили, что наш флаг сорвали. «Увидели тока тогда, как я на

секторе, стал ей ботинки чистить!!!» - ликовал этот «мясной» идиот на форуме.

Я послал ему личное сообщение, в котором предложил решить вопрос в честной драке, без ножей и других аргументов, кто победит, тому и флаг. Но пузатый ответил в истеричной манере: «Я вашу тряпку привязал к выхлопной трубе и разорвал ее! А если будете меня вычислять, то знайте, у меня есть травматический пистолет, я вас положу, суки, если прыгнете на меня!»

После этого стало понятно, что с пузатым говорить не о чем. Нужно просто мстить. С сыном мы отправились на матч петербургского баскетбольного «Спартака», чтобы заполучить баннер местной «мясной» компании. Не секрет, что когда СКА играет домашние матчи со «Спартаком», треть красно-белого гостевого сектора составляет питерское «мясо», которое вывешивает свой баннер с надписью Rebels. Так что акция в Питере обязательно отозвалась бы эхом в Москве. Но буквально за день до баскетбольного матча зенитовские хулиганы отняли у «мясных» «повстанцев» этот баннер.

«Месть - это то блюдо, которое надо подавать холодным», - говорит один из персонажей в тарантиновском фильме «Убить Билла». И я подал это блюдо холодным, почти замороженным.

Когда в следующем сезоне СКА играл со «Спартаком» в Ледовом дворце, в первом перерыве ко мне подошел армейский фанат Малдер и спросил меня:

- Не хочешь подрезать «мясной» баннерок?

Я, конечно, хотел. Но прекрасно понимал, чем может обернуться для меня акция в стенах Ледового дворца - лишением аккредитации на текущий сезон и все последующие. Но с другой стороны, если бы отказался, то прослыл бы болтуном, а то и трусом в глазах Малдера, а он не последний человек в движении: гоняет за СКА с конца 90-х. Причем Малдер предпочитает пробивать опасные выезды, любит рисковать. Так, он в одно жало ездил на выездной матч со «Спартаком» и даже по мере сил пытался поддерживать армейцев. «Сокольники» или стадион в подмосковном Чехове - это вам не Ярославль, где гостеприимные местные любят фотографироваться с приезжими фанатами, просят обменяться шарфами. После того, как я вновь стал ездить на выезды, я часто пересекался с Малдером трижды в спартаковских «Сокольниках», в Чехове, Подольске. Кроме того, в отличие от большинства фанатов Малдер - образованный парень, с которым интересно поговорить.

У Малдера был свой зуб на «Спартак». В том сезоне, в котором у меня «мясные» украли флаг (2008/09), он работал

онлайн комментатором хоккейных матчей с участием СКА. Ведя трансляцию домашнего матча плей-офф со «Спартаком» на официальном сайте Континентальной хоккейной лиги, когда москвичи на весь стадион заряжали «Отсоси у красно-белых!» и «Соси СКА!», Малдер не выдержал и написал: «Хочется взять огнемет и уничтожить это быдло на гостевом секторе!» Этого было достаточно, чтобы «Спартак» подал протест в КХЛ, и Малдер лишился работы. То, что фанаты их команды заряжают исключительно матерные кричалки, «мясное» руководство не беспокоит. Зато оно сразу возмутилось, когда Малдер не сдержался и выплеснул свои эмоции в том месте, где этого делать, конечно же, не следовало.

Кстати, в Москве, в «Сокольниках», после того, как «Спартак» третий раз подряд обыграл СКА в плей-офф и выбил армейцев из розыгрыша Кубка Гагарина, на стадионе запустили песню «Сосиска». Конечно, это был явный одобрительный намек на пошлые кричалки красно-белых фанатов.

В общем, на предложение Малдера я ответил согласием. Благодаря моей аккредитационной карте, во втором перерыве мы прошли в подтрибунные помещения. Но когда мы пришли под сектор, баннера не было. Он куда-то исчез. Малдер спросил мента, куда, мол, делся баннер. Мент ответил: гости сняли. Мы очень расстроились. Баннер словно испарился, «мясники» сняли его и даже больше не поднимали. Весь матч они размахивали классическим красно-белым спартаковским знаменем. «Спартак» забил гол в овертайме и выиграл. «Мясная» трибуна заликовала. Малдер, который в ходе третьего периода изрядно накачался виски, перелез через ограждение, протиснулся сквозь ментов, чье внимание было приковано к ликующим «мясникам», и вырвал у зазевавшегося спартача их флаг. Я ждал Малдера под трибуной, он передал знамя мне, и я успешно скрылся с трофеем за пазухой.

Правда, наш поступок не нашел понимания среди молодых фанатов СКА, мол, такие акции надо согласовывать, а то ответственность за них несем мы, представители хулиганской фирмы, а не вы, старые фанаты.

Раньше такого обсуждения не могло быть в принципе. Пусть это покажется пафосным, но мы были одной командой. Никто бы из нас не стал перекладывать на другого ответственность за потерю флага, это было общей трагедией. Наша банда очень выгодно выделялась на фоне правой основы фанатов «Зенита». Правая основа зенитовского движа были те еще парни.

ГЛАВА 4
ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ, ГРЯЗНЫЕ, ЗЛЫЕ

Я проснулся и обнаружил, что лежу на ступенях лестницы в подъезде.

«О, боже! Где я?» - задал я себе классический вопрос, и, словно ядовитые испарения, в мое сознание начали возвращаться обрывки воспоминаний о вчерашнем вечере. Я пришел на матч дублеров «Зенита» и харьковского «Металлиста» - в спорткомплекс на улице Бутлерова, встретил Хроника, Верблюда, Клоуна…

По правде сказать, фанатов, и меня в том числе, игра дублеров особенно не интересовала. Мы приходили на их матчи, чтобы встретиться друг с другом, пообщаться, обсудить новости «грядки» и, конечно же, сообща выпить.

Так и в этот раз: после матча дублеров «Зенита» и «Металлиста» мы в ближайшем универсаме купили пойла и решили распить его в парадняке. Что было потом - помню плохо. От чемпионства «Зенит» отделял всего один шаг - надо было дома победить харьковский «Металлист», и фанаты «Зенита», конечно, обсуждали предстоящее событие. Зато из высшей лиги вылетал ЦСКА. Это очень радовало всю компанию, но не меня, питерского армейца. Помню, я заявил:

- Высшая лига без ЦСКА - это несерьезно.

Меня стали подкалывать, но не зло.

Я крикнул: «Красно-синий - самый сильный!» На меня зацыкали, мол, не ори, а то нас отсюда вытурят. И все - больше ничего не помню.

Я сидел на ступеньке в оцепенении, не желая верить в то, что со мной могло такое произойти. Всякое бывало, конечно, но допиться до того, чтобы вырубиться в парадной - до такой стадии я никогда прежде не опускался. Я пошарил по карманам в надежде найти сигареты, не нашел, хотя пришел на матч с почти полной пачкой «Ту-134». Рядом с моей ногой валялся большой окурок «ту». Я взял его, опалил фильтр пламенем зажигалки, которая нашлась в кармане куртки, и закурил. Табачный дым немного взбодрил меня, точнее - вывел из ступора. Я услышал храп. Кто-то спал одним пролетом ниже. Я встал, перегнулся через перила - лежал Верблюд.

Верблюд. Я его никогда не видел трезвым. Если бы он не пил, то внешне походил бы на героев русских сказок: светлые, немного вьющиеся волосы, довольно высокий, кажется, голубоглазый. Но в

том то и дело, что Верблюд беспробудно пил и часто попадал во всякие переделки, причем не фанатские, а алкоголические. И вид имел соответствующий: передних зубов нет, губы перебиты, нос сломан. Но похож он был не на бойца, а на голимого синяка, которого по пьяни бьют собутыльники.

На выезде в Вильнюс в 1984-м Верблюд стоял в первых рядах нашей банды и время от времени заводил нас, сменяя на этом поприще другого старого фаната - Длинного, когда тот терял голос.

Я не знаю, где и кем работал Верблюд, говорили - на каком-то заводе (если это так, то вряд ли он был главным инженером). Не помню, как мы познакомились. Кажется, на выезде в Минск осенью 1984 года, когда «Зенит» на крейсерской скорости шел к золотым медалям.

- Давай вставай! Пошли! - я попробовал растолкать Верблюда, но тщетно - он пробормотал что-то нечленораздельное и вновь захрапел. Мне совсем не хотелось сидеть в подъезде и дожидаться, когда Верблюд очухается. «Ему не привыкать», - решил я, вызвал лифт и спустился вниз. Выйдя на свежий воздух, я глубоко вдохнул сырой воздух и почувствовал легкий укол на периферии легких. «Конечно, если выкуривать по пачке за вечер, то можно вообще без легких остаться», - я был противен себе. Моросил дождь, слякоть… Обычная для Ленинграда ноябрьская погода. Я побрел к метро, готовя себя к унизительной процедуре. У меня не осталось ни гроша, и мне предстояло попросить у кого-нибудь пятачок. Я молил Бога, чтобы у входа в метро оказался какой-нибудь паренек приблизительно моего возраста, он бы меня понял и дал бы пятак. Но у входа на станцию метро «Академическая» толпились великовозрастные тетки - они ждали открытия станции, и я решил, что лучше унизиться перед контролером на входе, чем перед какой-нибудь бесформенной толстожопой дурой. Двери отворились, и толпа повалила на эскалатор. Я подошел к женщине в красном войлочном колпаке, что сидела в будке из прозрачной пластмассы.

- Пустите меня, пожалуйста, а то я деньги потерял.

Женщина в красном колпаке посмотрела на меня и, наверное, все поняла:

- Ладно, иди.

- В следующий раз я два пятака брошу…

- Иди, иди, пока милиционера нет рядом.

Мое ночное исчезновение переполошило моих родителей. Они не знали, где меня искать. Когда я уезжал на выезд, они хотя бы приблизительно понимали, где я. В этот раз они не знали, что и думать. От отчаяния папа и мама поехали на такси к одной

моей приятельнице, с которой я познакомился летом в школе комсомольского актива, куда меня в приказном порядке отправило начальство морского училища. Девушка жила недалеко от станции метро «Академическая», мои родители обнаружили ее адрес в моей записной книжке и вполне логично предположили, что после футбола я мог забыть обо всем в ее нежных объятиях. Мои мама и папа той ночью оказались недалеко, но не от истины, а от того места, где я спал на бетонных ступеньках.

- Твои предки думали, что я шлюха, да? Да? Если приехали ко мне ночью, чтобы найти тебя? - выговаривала мне девица потом. - А я не такая… И ты это прекрасно знаешь! Я еще девственница и горжусь этим!

- Да, да, я знаю, ты говорила, и я очень ценю твою порядочность - это такая редкость сегодня, - пробовал оправдываться я, понимая, правда, что потерял все шансы получить что-либо от этой высоконравственной барышни.

Верблюда я встретил вечером следующего дня на матче основных составов, он проходил в Спортивно-концертном комплексе имени Ленина.

- Ара, ты меня бросил в парадняке! - прошамкал он. - Как ты мог? Так у фанатов не принято…

Я хотел было сказать, что будил его, а он отмахивался от меня, но не стал ничего говорить. От одного вида Верблюда я почувствовал, как откуда-то из глубин желудка в горло поднимается едкая кислая муть. Я кивнул головой и прошел мимо Верблюда. Матч я смотрел на обычной трибуне, на фан-сектор не пошел - не было настроения. «Зенит» выиграл и стал чемпионом. Город гулял всю ночь, все мои приятели-фанаты упились. Фюрер залез на статую Барклая де Толли и декламировал стихи в честь «Зенита». А я поехал домой, как только закончился матч. Я свое отгулял накануне.

«А фанаты - быдло и козлы!» - распевают нынешние ультрас, шутя, конечно, - чтобы высмеять стереотип. Не знаю, когда именно сложился этот стереотип, но двадцать с лишним лет назад такое представление о фанатах было верным. Во всяком случае, те фанаты, по которым судили о движении в целом, вели себя, как настоящие гопники. Но это вовсе не значит, что все они на самом деле гопниками были.

В зенитовской основе одним из самых заметных персонажей был Клоун. Я даже не знаю, чем он привлекал к себе внимание. В принципе - субъект неприметный. В советские годы такие, как он, обычно тусовались у пивных ларьков. Но Клоун не был гопником, он смахивал на спившегося интеллигента: усы, на голове

дурацкий «петушок» с надписью Adidas, заношенные штаны, ботинки фабрики «Скороход». Мне Клоун казался мужиком средних лет, но самом деле ему было двадцать восемь - алкоголь старит. Работал Клоун грузчиком.

Он никогда не участвовал в драках, разборках, прыжках, противостоянии с милицией. Но тем не менее пользовался на «грядке» большим авторитетом. Ему прощалась все, даже когда он в состоянии алкогольного помутнения начинал оскорблять других фанатов. Лишь однажды он поплатился за свое шутовство.

Как-то он встретил другого уважаемого фаната по кличке Петруха.

- О, Петруха! Хуй тебе в ухо! - закричал Клоун и тут же получил удар в челюсть - Петруха не принял шутки-прибаутки в отношении своего уха. А Клоун, выйдя из нокаута, отправился в травматологический пункт. Он несколько недель ходил с повязкой на голове, которая придерживала его челюсть, но выделываться не перестал.

Его наглость людей порой обезоруживала. По дороге из Минска мы застряли в Орше и пошли пить пиво в какой-то местный бар под открытым небом. Все были с жуткого бодуна.

Клоун успел сделать всего два-три глотка терпкой желтой жидкости, как его стошнило прямо на стоявшего рядом мужика. Почти сразу Клоун вылил на жителя Орши второй фонтан. От неожиданности мужик не мог ничего сказать, из его рта вылетало только:

- Да ты… ну ты…

А Клоун, проведя ладонью по усам, заявил:

- Блядь, чувак, ну ты и встал - блевануть негде!

Мужик оторопело оглядел Клоуна с головы до ног и отошел, приговаривая себе под нос: «Бывают же уроды».

Клоун исчез из моего поля зрения, как только я расстался с фанатским движением. Но как только я стал оживлять воспоминания о том периоде своей жизни, чтобы написать эти заметки, я его встретил. Двадцать лет спустя.

Он выходил из бизнес-центра, где располагается моя редакция.

- Клоун!

- А, привет! Хорошо, что окрикнул, а то бы я мимо проскочил. Тороплюсь…

Встреча со мной не вызвала у Клоуна бурных эмоций, он прореагировал так, будто в последний раз мы виделись месяц назад, не больше.

- А ты что, работаешь здесь, Клоун?

- Да… привожу сюда документы. Я курьером работаю, в

фирме одной. Грузчиком уже тяжело… возраст.

Не хочу сказать, что Клоун произвел на меня впечатление живого мертвеца, выглядит он неплохо для пятидесяти лет.

- На футбол-то ходишь?

- Да, иногда, но не на каждый матч, дорого. А ты - на хоккей?

- Хожу, на каждый матч, в прошлом сезоне даже пять выездов пробил, - ответил я.

- Да, надо будет на СКА сходить, в Ледовый, там же пивасик продают… - Клоун улыбнулся как-то по-кошачьи.

- Ладно, пока. Встретимся…

Хроник - высокий, худой, с длинными жидкими волосами, с мутным взглядом и тупым выражением лица. Правда, я не берусь утверждать, что это выражение лица было для него естественным, мне кажется, он кривлялся. Зимой и летом Хроник ходил в сером плаще, который, наверное, когда-то носил его дед. Звали его Антон, а прозвали его Хроником не из-за того, что он беспробудно пьянствовал (хотя пьянствовал он постоянно), а из-за того, что страдал почечной недостаточностью, а когда напивался, к тому же становился агрессивным. Ко мне Хроник относился плохо, скорее всего, потому, что в Москве однажды огреб от фанатов ЦСКА, и мои армейские пристрастия его раздражали.

В конце 90-х годов я встретил Хроника в трамвае, он работал в бригаде контролеров.

- О, Ара, ты! Читаю твои статьи в «Комсомолке», интересно… А на футбол чего, не ходишь? - видно было, что Хроник был рад встрече со мной.

- На футбол - нет, не хожу, на хоккей иногда вылезаю.

Хроник понимающе кивнул.

Я вышел на своей остановке. Через год мне сказали, что Хроник умер. Он был моим ровесником.

Сейчас я живу в том же доме на Васильевском острове, в котором раньше жил Фильтр. А Фильтр уже нигде не живет, он умер, кажется, от передозировки героином, а, может быть, он просто спился.

В середине 80-х Фильтр был, пожалуй, самым колоритным фанатом «Зенита». Причем колоритным в буквальном значении этого слова. Он надлежащим образом заботился об атрибутике: носил трикотажный сине-бело-голубой свитер, на шею всегда повязывал сине-бело-голубой шарф - тоже трикотажный, на голове - сине-бело-голубая вязаная шапочка. Цыганская внешность делала Фильтра очень похожим на итальянского фаната.

Фильтр не кичился тем, что пробил множество выездов, причем дальних: он ездил за «Зенитом» в Баку, Ташкент, Тбилиси,

Кутаиси… Я не помню, чтобы Фильтр «одолжил» у новичка шарф, значок или деньги.

Фильтр дружил с фанатами других команд, несмотря на то, что никогда не отказывал себе в удовольствии поучаствовать в стычках с ними. Драки между «грядками» - одно, а личные отношения - другое, наверное, так размышлял Фильтр. Именно он приютил у себя московского армейца Марину, когда тот скрывался от ментов в Ленинграде. К ментам Фильтр относился подчеркнуто пренебрежительно, всем своим видом показывая, что он их презирает. И он не боялся их. Я много раз видел, как он ввязывался с ними в конфликт. В Минске, когда менты нас накрыли в ночном отстое, только Фильтр и попытался оказать им сопротивление, за что и поплатился: минские менты схватили его за цыганские кудри и несколько раз ударили головой о край полки. Словом, Фильтр был смелым парнем, настоящим фанатом. Я бы сказал - классическим ультра.

Нельзя сказать, что Фильтр пил больше, чем все остальные фанаты. Нет, не больше. Но в 90-е годы я, навещая родственников на Васильевском острове, несколько раз встречал его. То, что он спивается, бросалось в глаза. Потом общие знакомые сообщили мне, что с алкоголя Фильтр переключился на тяжелые «черные» наркотики, которые его и погубили.

Поезд отходил от киевского перрона, на подножке вагона, в который залезли фанаты «Зенита», стоял Фашист, тряся перед собой красно-белым шарфом. Фашист был фанатом «Спартака». Но в те годы «спартачи» дружили с «зенитовцами», дружили против фанатов ЦСКА, кстати. Не знаю зачем, но в 1985-м Фашист часто ездил на выезды «Зенита».

В Киеве я позволил ему походить в моей джинсовке и сильно пожалел об этом потом.

Перед матчем я чуть было не угодил в милицию. Фашист где-то потерялся, отстал от нашей компании. Мы в винном магазине попытались взять вино без очереди. Мужики запротестовали, и я стал звать одного из них «выйти поговорить». Как раз в этот момент в магазин вошел мент.

- Та-а-к! Что за шум?

- Товарищ милиционер, вот задержите этого - черного, он без очереди лезет, совсем обнаглел, и матерится еще, - мужики указали на меня.

- Та-а-к! Пошли! - мент крепко взял меня за руку и вывел из магазина.

- Паспорт покажи! - приказал он мне уже на улице. Я с ужасом вспомнил, что паспорт остался в куртке, куртка на Фашисте, а Фашист куда-то запропастился.

Я молчал.

- Паспорт давай!

- У меня нет паспорта, он у моего друга

- Нет паспорта, значит. Сейчас отправлю тебя в спецприемник.

Я начал было отговаривать его от этой идеи, и тут с противоположной стороны улицы раздался крик:

- Товарищ милиционер! Помогите! Пожар!

Мент свирепо выглянул на меня, сплюнул и побежал на крик.

- Ну, бля, считай, что тебе повезло, - бросил он мне на прощание.

Я рванул в противоположном направлении. Киев расположен на холмах, и мне пришлось буквально кубарем катиться по наклонной плоскости, бежать через какие-то огороды (и это в центре тогдашней республиканской столицы!). Я добежал до стадиона, когда он уже бушевал страстями. Матч шел минут десять. Когда я вбегал на сектор за воротами, где расположились фанаты «Зенита», оттуда выносили какого-то парня. Зенитовские фанаты сидели с мрачными лицами и молчали. Я решил, что они так пассивны оттого, что никто не осмеливается взять на себя роль лидера, и решил, что судьба приготовила эту роль мне.

- Город над вольной Невой… - запел я во весь голос. Но на меня зашикали со всех сторон:

- Ара, молчи! Менты лютуют, не разрешают шизовать. Сейчас только что Фашиста унесли с сектора за то, что он заводил…

Фашист оказался в милиции без документов, точнее - свои документы он потерял, а в милиции оказался с моим паспортом.

- Та-ак, Жвания, грузин. Понятно.

Фашист смахивал на Аль Пачино в фильме «Лицо со шрамом», то есть вполне мог сойти за грузина Жвания.

Фашист попал в тяжелое положение. Если менты выяснят, что он не Жвания, а лицо без документов, то отправят его в спецприемник (так они всегда поступали с фанатами, которые попадали в их лапы без документов). Кроме того, на Фашисте висело какое-то мелкое уголовное преступление, и если бы менты узнали, кто он на самом деле, не видеть ему футбола года два. Словом, протокол об административном правонарушении на Киевском республиканском стадионе в ходе матча «Динамо»(Киев)-«Зенит»(Ленинград) составили на меня.

Я оценил ситуацию, и весь матч просидел молча. Другие ребята тоже сидели, словно язык проглотили, но за десять минут до конца игры неожиданно для ментов наш сектор взорвался. Менты переполошились, стали хватать ребят и вытаскивать их с сектора. Обычная фанатовская тактика сопротивления, когда мы

вставали и мешали ментам добраться до того, кого они хотели вытащить, не срабатывала. Киевские менты хватали всех подряд. Схватили Сократеса. Мне повезло.

После матча вместе со всеми оставшимися на свободе я отправился к дверям милицейского пикета на стадионе. Я так осмелел, что даже вошел внутрь. В «обезьяннике» за пластмассовой дверью сидел Фашист. Увидев меня, он начал делать знаки, мол, посмотри на стол дежурного.

- А ты чего здесь бродишь? - услышал я голос за спиной. Обернулся - мент.

- Я хотел узнать, когда отпустят моих товарищей.

На удивление, мент ответил довольно дружелюбным тоном:

- Да сейчас проверим документы и отпустим.

Минут через двадцать из пикета вышел Сократес. Он улыбался, точнее, делал вид, что с трудом сдерживает смех.

- Ара, тебе повезло. На, забери свой паспорт.

Оказалось, что менты положили паспорта ребят стопкой на стол дежурного, где лежал и мой паспорт, изъятый у Фашиста. Менты просто переписали данные задержанных и сказали им, чтобы они забирали свои паспорта. Сократес, еще со времен одесского выезда зная, как выглядит мой паспорт, прихватил с собой и его.

- А что с Фашистом? - спросил я Сократеса.

- Боюсь, что его отправят в спецприемник, а потом с сопровождающим - в Москву.

Делать было нечего, и я со всеми поехал на вокзал, поезд на Ленинград отходил через полтора часа. Каким же было мое удивление, когда через пять минут после нас на вокзал явился Фашист. Он смеялся, обнажая желтые прокуренные зубы.

На свободе он оказался очень просто. Менты, отпустив тех, кого они взяли за десять минут до конца матча, решили взяться за Фашиста.

- А где паспорт грузина? - кричал старший смены. - Где паспорт грузина?!

Дежурный сержант пробовал оправдываться, мол, паспорт лежал на столе и куда-то исчез, наверное, унес кто-то из тех, кого же отпустили.

- Отпускай тогда и Жваню, чего он будет здесь сидеть… без паспорта.

Фашист так обрадовался освобождению, что весь страх потерял. Не имея ни денег, ни документов, он вписался в поезд до Ленинграда, но доехал не дальше Чернигова. Его сняли с поезда и отдали ментам, а те сделали то, что и следовало ожидать - отправили Фашиста в Москву под надзором

сопровождающего.

Но Фашист не сел. Его папа работал в КГБ и отмазал заблудшего сынка. В очередной раз я увидел Фашиста в Москве, куда приехал, чтобы посмотреть матч ЦСКА со «Звездой» из узбекского Джизака (ЦСКА играл в первой лиге).

Причем Фашиста я встретил случайно, возвращаясь с матча: он с какой-то девицей гулял у стадиона «Динамо». Надо сказать, что, будучи фанатом «Спартака», Фашист выбрал не самое лучшее время и место для променада: стадион «Динамо» после игры ЦСКА.

- О, Ара! Ты здесь! - закричал Фашист. Мои армейские спутники, узнав Фашиста, поморщились и с укоризной посмотрели на меня, мол, нашел с кем связаться - с «мясником»!

Фашист обнял меня, и я его тоже. В конце концов, вместе мы хлебнули лиха на выездах.

- Давай купим водки, деньги у меня есть, не беспокойся, и посидим здесь - в парке, за стадионом, - предложил Фашист. Я согласился и, попрощавшись с московскими «конями», пошел туда, куда вел Фашист.

- Слушай, Фашист, давно хотел тебя спросить, а чего ты - Фашист? Гитлера уважаешь, что ли? - поинтересовался я по дороге.

- Да ты чего, думаешь, что я хуев наелся?! Гитлера уважаю… Однажды меня менты винтили на секторе, очень жестко винтили, а я им кричал: «Что вы делаете, суки! Фашисты!» После это ребята и стали звать меня Фашистом.

- А тебе не обидно?

- А мне похуй, зато звучит красиво - фашист!

- Понял.

Девица Фашиста, вульгарная блондинка в короткой юбке, Лимонов таких называет «подзаборными Мэрилин Монро», немного отстала от нас.

- Ара, хочешь, я тебе ее подарю? - Фашист перешел на шепот. - Ебется она - просто супер, а самое главное - классно отсасывает!

- Раз так, конечно, подари.

- Ара, она - твоя! Даю тебе слово Фашиста! Выпьем - она твоя. А то мне она уже надоела. А ты знаешь, что она сейчас - без трусов?

- Откуда мне знать…

- Так я тебе покажу! Настя, чего ты отстаешь? Догоняй нас, а то я соскучился! - Фашист подмигнул мне, мол, приготовься.

Настя нагнала нас, а я сделал вид, что на моей кроссовке развязался шнурок и остановился, чтобы его якобы завязать. Фашист положил руку на ягодицы девицы и специально для меня

приподнял ее юбку. Трусов на Насте действительно не было. Меня это зрелище возбудило.

Фашист купил водки в ближайшем магазине, и мы поспешили вернуться в парк у стадиона «Динамо».

- Ночевать поедем ко мне! И она - твоя! - продолжал заводить меня Фашист. Но меня заводить и не надо было. Я хотел побыстрей покончить с распитием спиртного и получить в руки подарок Фашиста. Но моим ожиданиям воплотиться в жизнь было не суждено. Не успели мы расположиться на скамеечке и откупорить бутылку «Московской», как появился наряд ментов.

- А что мы тут делаем, молодые люди? Распиваем спиртные напитки в общественном месте! Пройдемте с нами.

В итоге мы все втроем оказались в ближайшем отделении милиции. Меня с Фашистом посадили в «аквариум», а Настю менты куда-то увели. Нас отпустили из милиции перед самым закрытием метро, куда делась Настя, мы догадывались. Но больше мы ее не видели, ни я, ни Фашист.

Надо ли сообщать, что в начале 90-х Фашист погиб? Его убили, зарезали в пьяной драке.

* * *

Продолжать вариации на тему «выпил - очнулся на футболе», или - «пошел на футбол - очнулся в милиции» можно до бесконечности. Однако я все же расскажу о фанате ЦСКА по кличке Портвейн, с которым я познакомился, уже придя из армии. Портвейн был лет на пять-семь старше меня, но выглядел он как дерьмо: тощий, плешивый, с гнилыми зубами. Правда, наше знакомство произошло при обстоятельствах, которые меня не красят, а Портвейна показывают в самом выгодном свете. Дело было в Москве, после матча, который футбольный ЦСКА играл на искусственном покрытии «Олимпийского», вот только не помню, с кем. Да и как я могу помнить, если перед матчем мы с фанатом ЦСКА Закиром в ближайшем дворике распили бутылки три какой-то терпкой гадости, кажется, молдавского вермута. Помню только, как после матча меня несла красно-синяя толпа, и я вместе со всеми орал: «Ар-мей-цы Мос-квы!», «Ц-ЭС-КА!» Людской поток в красно-синих шарфах влился в подземный переход… и все, больше ничего не помню.

Сознание ко мне вернулось на Ленинградском вокзале. Зачем я туда приехал, не знаю, уезжать из Москвы я не планировал, так как на следующий день местный «Спартак» играл с нашим СКА.

Я стоял в окружении фанатов ЦСКА, мы о чем-то разговаривали.

- Ара, а ты где остановился-то? - спросил меня парень в синей «аляске».

- Мне надо в Сетунь.

Почему я решил, что мне надо в Сетунь, я не знаю. В Сетуни жили фанаты «Крыльев Советов». Я был знаком с одной фанаткой «Крылышек», но она не давала мне повода думать, что могу нанести ей ночной визит, да еще без предварительного предупреждения.

- В Сетунь ехать - конечно, не ближний путь, но я тебя провожу, - подбодрил меня парень в «аляске». - Кстати, моя кликуха Портвейн, тебя-то я знаю, ребята о тебе рассказывали, мол, питерский «конь» и все такое… Вороной, отвезем Ару в Сетунь? - окликнул Портвейн своего приятеля. И мы поехали в Сетунь.

В электричке я спал, лежа на лавке. Портвейн и Вороной о чем-то болтали, нас потревожили менты, но мы смогли убедить их, что я просто устал за день, выбился из сил и поэтому прилег отдохнуть.

Ехать в Сетунь было большой авантюрой. Я не знал адреса дома, в котором жила фанатка «Крыльев» и, естественно, совсем не ориентировался в Сетуни. Но каким-то чудом мы нашли нужный дом. На горе я забыл и имя девицы - алкоголь отшиб память напрочь. Я позвонил в дверь, лихорадочно перебирая в голове женские имена: «Аня, Таня, Маня…», помню, что на «ня» кончается. Дверь открыла мать девушки, а я так и не вспомнил, как зовут ее дочь.

- Здравствуйте, м-м-м… Дома? - выдавил я.

- Машенька-то? Нет, она гуляет во дворе. Пойдемте, позовем ее.

Мы вчетвером, я, Вороной, Портвейн и мама, как выяснилось, Маши пошли за этой самой Машей и вскоре ее обнаружили сидящей на скамейке с каким-то чуваком.

- О, Ара, ты? Не ожидала… а точно, завтра же ваши с «мясом» играют…

- Пойдемте домой, ребята, чаю попьем, поздно уже, - предложила Манина мама, она улыбалась и вообще - вела себя так, будто приехал если не зять, то - кандидат в зятья.

Чувак, который сидел с Маней на скамейке, быстро слился, Портвейн и Вороной, конечно, не отказались от предложения попить чаю. Я, честно говоря, так и не понял, чего вдруг Портвейн взялся меня отвезти в Сетунь на ночлег, да еще и подписал в это дело Вороного, напрочь отмороженного фаната ЦСКА (парень

одевался исключительно в красно-синих тонах: красно-синяя куртка, красно-синяя вязаная шапочка, синие треники с красными лампасами и… красные сапоги). На что Портвейн рассчитывал? Может, надеялся выпить за мой счет? Не знаю. Так или иначе, ему пришлось довольствоваться чашкой чая, а потом возвращаться домой на другой конец Москвы.

Машина семья, кстати, являла собой довольно редкий феномен. Ее мама была русской, обычной женщиной, а папа - чистокровным евреем по фамилии Кацман. И самое интересное, что он работал простым токарем на ЗИЛе, то есть каждый день вставал в 4-30 утра и шел на завод. Мой ночной визит, конечно, разбудил его, но он не стал выражать недовольство.

- А, питерский. На хоккей приехал? - спросил он так - ради того чтобы просто что-то сказать. Он был похож на еврейского ремесленника, на нашего соседа - сапожника дядю Борю, тот тоже был небольшого роста, с седыми кудрями, с брюшком.

- Да, на хоккей. Простите, что потревожил…

- Да ничего. Ты летом приезжай, на футбол сходим, я с мальчишества за «Торпедо» болею, помню, как играл Стрельцов, молодой Валентин Иванов. Отличные футболисты! Сейчас так не играют. Не умеют просто.

Была в Манином папе какая-то особенная стать, которой обладали те, кого в Советском Союзе называли «передовиками производства». Чувствовалось, что он гордится тем, что всю жизнь отработал на одном заводе, на ЗИЛе.

- Раньше мы с ребятами всей бригадой на футбол ходили, жен брали, вон - с ее матерью ходили на стадион «ЗИЛ», пока она ее не родила, потом ей, матери Манькиной, уже не до футбола стало, да и я за сезон, если на два-три матча схожу, считай, перевыполнил план. Ладно, ребята, я спать пошел. Вы еще посидите?

- Да, папа, минут десять.

Через минуту в кухню заглянула Манина мама, которая выходила, чтобы приготовить ночлег для дочери.

- Машенька, Дима пусть ляжет на кухне, на раскладушке, а утром, когда папа встанет, ты ляжешь на кровать папы, а Дима - в твою кровать.

Положить меня на ночлег в двухкомнатной квартире Кацманов было негде. В одной комнате спала чета Кацманов, а в другой - Маня и ее бабушка по маминой линии. Другого выхода, кроме как устроить мне ночлег на кухне, не было.

Я поставил раскладушку, а Маня пошла за матрацем и бельем для меня.

Маша была обычной еврейской девушкой - чернявенькая, с

выразительными глазами, с подчеркнутой линией бровей, пухленькие губки, фигурка стройная. Словом, не красива, но и недурна. Но было в Маше что-то такое, что заставляло ее хотеть, причем сразу, как только она оказывалась рядом. Я никак не мог взять в толк, в чем проблема. Может быть, я попросил Портвейна отвезти меня в Сетунь, по сути, к совершенно незнакомым мне людям, потому что мое подсознательное помнило об этом «эффекте Марии» после нашей первой встречи перед матчем «Крылья Советов»-СКА? Наверное, в этом все дело. Алкоголь дал волю моим подсознательным импульсам, и я оказался в Сетуни, в семье еврейского рабочего.

Маша вернулась с матрацем и бельем. Мы приготовили мне постель, вдруг девушка прильнула ко мне и начала целовать в губы. Я, естественно, и не думал сопротивляться, облапил ее зад… Скрипнула дверь - это Манин папа зашел в туалет. Выйдя из клозета, еврейский рабочий с укоризной посмотрел на меня, на свою дочь.

- Да я погляжу, ты парень не промах, прыткий жеребец. А, питерский? - в его голосе прозвучала скрытая угроза.

Мне стало стыдно.

- Иди спать, Маня! - приказал отец дочери, и та повиновалась. Но вскоре вернулась в кухню уже в ночной сорочке.

- Папа заснет, и я к тебе приду. Не засыпай, ладно?

Она зашла в туалет, нажала на спуск, чтобы родители и бабушка подумали, что она ходила пописать на ночь.

Мне до смерти хотелось спать. Я устал, как бродячий пес. В первой половине дня я бегал по Москве с московскими «конями», ища люберов - по Москве прошел слух, что те приехали специально в центр столицы, чтобы прыгать на неформалов, в частности, на фанатов. Люберов мы не нашли, зато встретили Закира, с которым я напился, затем - шизование на матче ЦСКА, дорога в Сетунь и поиск дома Мани - все это измотало меня. В коридоре кто-то зашаркал тапочками, я почувствовал, как меня окатила теплая волна… Но это бабушка прошла в туалет. Я лежал на раскладушке, от плиты пахло газом…

Опять шарканье - но на этот раз это мама Марии шла по своим надобностям. Мои глаза слипались, я боролся со сном из последних сил, а мне они были нужны, ведь предстоял матч не с кем-нибудь, а с «мясниками». В итоге я провалился в сон.

Проснулся я от того, что меня трясли за плечо.

- Питерский, питерский, вставай! - это был папа Мани. Я встал, в полусонном состоянии собрал раскладушку и отправился в комнату, где похрапывала бабушка. Маня уже ушла спать на место отца, а я застелил своим бельем ее постель и улегся. Храп

бабушки не помешал мне вырубиться вновь.

Утром я проснулся от поцелуя в губы.

Я обнял Маню, но она приложила палец к губам:

- Т-ш-ш, бабушка на кухне.

Я понял, что ловить мне нечего.

- Что же ты заснул? Я к тебе приходила, а ты лежишь как мертвый…

- Устал, вот и вырубился, думал, ты разбудишь.

- А я подумала, что ты расхотел…

- Да нет, ты что! Я ждал, но… Впрочем, на раскладушке этим заниматься неудобно.

- Чем этим? - Таня изобразила искреннее удивление в голосе и на лице.

- Как чем? Да и предки твои в туалет могли пойти и увидеть нас.

- Я просто хотела поболтать с тобой…

Чувствовал я себя неважно, болела голова, а изо рта несло помоями. Уверен, что целоваться со мной было неприятно, и я оценил самоотверженность Мани, которая нашла в себе силы разбудить меня поцелуем.

Маня не выходила из комнаты, и мне было стыдно подниматься, потому что, несмотря на похмелье, мой организм встретил утро по-мужски.

- Давай, вставай, бабушка завтрак приготовила.

- Отвернись, - попросил я Маню.

- А ты что, голый? - Маня засмеялась.

- Нет, в трусах, но все же, дай мне одеться.

- А, поняла, - как я узнал потом, фанатка «Крылышек» была опытной девушкой.

Мы позавтракали, и я засобирался, так как договорился с Портвейном о встрече в центре Москвы, а потом надо было собрать ребят из нашей «фирмы», которые должны были приехать на матч со «Спартаком».

Маня проводила меня до остановки электрички, и на перроне вновь несколько раз чувственно поцеловала меня в губы.

- Я приду на ваш матч, - сказал она мне на прощание.

Меня это не обрадовало, потому что на московский матч СКА со «Спартаком» собиралась приехать из Ленинграда девушка, за которой я ухаживал, правда, болела она не за СКА, а за «Зенит». Я рисковал оказаться в неудобном положении.

Мы встретились с Портвейном на «Комсомольской» и поехали в Лужники, где нас уже ждали питерские армейцы во главе с моим «заместителем» Агитатором.

- Ну чего, Ара, рассказывай, как ты тут? - спросил Агитатор.

- Да, нормально…

- Где ночевал-то?

- У Мани, в Сетуни.

- Да ты что! Трахнул ее, небось? Дырочка-то у Машки аккуратная, ведро со свистом не пролетит

- А ты откуда знаешь?

- Оттуда, что трахал ее. Когда ты в армии служил, мы на «Крылья» приезжали, и нас познакомил твой приятель из их основы - Рок. Ее бабка в магазин пошла, так она сама меня на себя затащила. Я, правда, быстро кончил. Бабка должна была вот-вот вернуться. Сам знаешь, когда на нервяке всякое бывает… Я хотел минет ей сделать, но она сказала, что в рот не берет, мол, не научилась еще.

- Так она и не научится, если в рот брать не будет, - вступил в разговор Портвейн и заржал.

- Ара, так ты трахнул ее или нет?

- Нет, - мрачно и раздраженно ответил я. Мои романтические иллюзии растаяли. Я думал, что произвел на Маню неизгладимое впечатление, а оказалось, что она просто шлюха.

- И почему? Неужели не дала? - Агитатор не унимался.

- Да когда я мог? Вначале спал на кухне, на раскладушке, а потом в одной комнате с ее бабкой… А бабка все время дома сидела.

- Да надо было с ней в ванной запереться, она только этого и ждала! Маню вся их «фирма» отымела, - Агитатор то ли подкалывал меня, то ли действительно переживал, что лидер его «фирмы» не получил удовольствия. Потом Агитатор рассказал еще несколько историй о похождениях крыловской девицы, и я решил, что имею все основания не обращать на нее внимания, если она заявится на наш матч, а сосредоточиться на той, что должна была приехать из Питера.

Я так и сделал, чем обидел Маню, она растерялась, явно не понимая, что произошло. Однако питерская барышня оказалась порядочной стервой. Будучи фанаткой «Зенита», она дружила с «мясниками» и на матче начала благосклонно отвечать на заигрывания одного из лидеров «мясников», а тот стал подкалывать меня. Долбанная «зенитчица» довольно улыбалась, мол, два кота сейчас подерутся из-за меня. «Вот пизда!» - подумал я. Но потерять лицо перед своими товарищами я не мог. «Мясник» сидел на нашем секторе, несколькими рядами выше. Ряды были разделены между собой железными перилами. Я подлез под одни перила, перелез через другие, до «мясника» оставался еще один ряд, он заметил меня и приготовился к встрече, я был в заведомо менее выигрышном положении, мне пришлось бить его снизу,

стоя на сиденьях нижнего ряда, рискуя свалиться. Однако я сумел попасть ему в рыло, но и он меня ударил сверху, и тут меня схватили менты и утащили с трибуны. Интересно, что «мясника» они пальцем не тронули. В пикете уже сидело несколько фанатов ЦСКА, которые пришли поддержать нас. Они сцепились с «мясниками» уже в фойе ледовой арены, и их задержали. Ни одного «мясника» в пикете не было. Не знаю почему, но в 80-е годы фанатам армейских команд от ментов доставалось больше, чем фанатам других команд. Я просидел в пикете весь матч и не видел, как СКА проиграл 1:5.

Из Питера на тот матч, помимо той зенитовской барышни, приехали еще несколько девиц. У одной из них было лицо с лошадиной челюстью и великолепная задница. Меня привлек второй аспект ее внешности. Я решил, что коли Маня оказалась шлюхой, а «зенитчица» - стервой, то мне ничего не мешает приударить за девицей с красивой попой.

Девице этой явно польстило внимание со стороны лидера «фирмы», она довольно ржала и еще зазывней крутила бедрами. Я уже прикидывал, где она могла бы меня утешить. Почему бы не купить билеты в купе?

На вокзале я увидел Маню.

- Твоя подружка, «зенитчица», поехала куда-то с «мясниками», - сообщила она мне.

- Да и ладно, мне все равно, это не моя девушка…

- Я же вижу, что тебе не все равно. Ты мог меня предупредить, что из Ленинграда должна приехать твоя подружка, я бы не приехала на ваш матч…

- Это не моя подружка…

- Но она тебе нравится. Это же сразу заметно.

- Ты ошибаешься.

- Было бы здорово, если бы это было так.

Я хотел поскорей закончить этот романтический разговор, так как мне не терпелось поскорей заняться нашей девицей с манящей попой.

- Ладно, мне пора, - Маня, наверное, почувствовала мое беспокойство. - Я приеду в Питер, когда наши с вашими будут играть. Встретишь меня?

- Конечно!

Я не врал. Эффект Марии забыть было трудно.

Маня действительно приехала в Ленинград на матч, только до меня ей уже не было никакого дела, она успела стать девушкой одного из лидеров фанатов «Крыльев», чем, похоже, очень гордилась.

А девица с лошадиным лицом меня обломала. Она долго

виляла задом, поощряя меня, а потом заявила, что у нее есть парень, какой-то чувак с Гражданки. А я решил, что конкурировать с гопником из спального района для меня,

первого питерского армейца, просто западло.

* * *

Кто больше всего пострадал от женского коварства, так это Портвейн. Пить он начал, точнее - пьянствовать, после того, как его бросила жена, дочь какого-то штабного генерала. Ее, конечно, не устраивало, что парень, за которого она вышла замуж, вместо того чтобы помогать ее папе на генеральской даче, в сомнительной компании мотается по стране с красно-синим шарфом на шее, а в Москве все время проводит в пивных, расположенных близ стадиона «Динамо». В общем, все завершилось, как в том анекдоте: Портвейн вернулся с выезда на один день раньше (прилетел из Киева на самолете, так как билеты на поезд раскупили) и обнаружил в своей прихожей чужие мужские ботинки, а в своей постели - их счастливого обладателя. Ничем хорошим для Портвейна это ночное рандеву не закончилось. Обладателем ботинок оказался молодой офицер ВДВ, который сумел нейтрализовать возмущенного фаната ЦСКА хорошо поставленным ударом в челюсть.

Генеральская дочь не стала молить мужа о прощении, а, наоборот, выдвинула условие, мол, я разрешу тебе остаться моим мужем, если ты забудешь о футболе и ЦСКА. Портвейн согласен был сделать вид, что измена жены для него - не более чем досадный эпизод, но чтобы отказаться от футбола, забыть о ЦСКА - об этом он и слышать не хотел, и в итоге оказался за дверью квартиры, где вскоре обосновался молодой офицер с поставленным ударом. Передряги в личной жизни заметно отразились на внешности Портвейна, он постарел и полысел. Портвейн родился и вырос в семье профессора. Его родители (папа - профессор, мама - преподаватель), видя, в кого превращается их сын, не спешили начинать операцию по его спасению. Наверное, просто махнули на него рукой, и Портвейн стремительно опускался на дно.

Нельзя сказать, что Портвейн был бесстрашным красно-синим воином, отменными бойцовскими качествами он не отличался, наоборот, постоянно ходили слухи, что его где-то кто-то побил. В общем, авторитетом среди фанатов Портвейн не пользовался. Да и я лично однажды убедился в его трусоватости.

В Москве Портвейн совершил какие-то мелкие кражи и решил, что Ленинград - самое подходящее место для того, чтобы скрыться от правосудия. Мы возвращались из Дворца спорта «Юбилейный» с матча второй сборной СССР по хоккею. В моей сумке лежал парадный флаг ЦСКА (с орденом Ленина), которым я размахивал на стадионе, поддерживая наших хоккеистов.

- Ара, дай мне флаг, - попросил меня Портвейн, когда мы стояли на платформе метро.

Я дал парню флаг, он накинул его на плечи. Тут же к нам подвалил какой-то тип в очках лет тридцати, типичный такой совок.

- Сними знамя, не позорь орден Ленина! - заорал совок на Портвейна.

- Ты чего, мужик? - Портвейн опешил от неожиданности.

- Да ничего, ты знамя позоришь! - продолжал очкастый совок. - Я тебе сказал - снял быстро!

- Эй, чувак, отвали лучше, - вступил я.

Но очкарика неожиданно поддержал пожилой военно-морской офицер, который был явно навеселе, от него разило перегаром.

Гудя, подошел поезд. Разборка продолжилась в вагоне. Очкарика и пьяного моряка поддержали двое мужиков гопнического вида, им было в радость наехать на неформалов. Все четверо стали толкать меня и Портвейна.

- Ты чего, блядь, неформал? - начал быковать один из гопников, хватая меня за ворот пальто. Вместо ответа я ударил его тыльной стороной ладони в глаз, хорошо так приложил, что он отлетел к противоположным дверям, а другой гопарь получил от меня ногой по яйцам, и упал на сидящих старушек. С офицера я сбил фуражку, а очкастого крепко схватил за кадык. Очкастый захрипел, его глаза начали вылезать из орбит. Он попытался нанести мне боковой удар, но я блокировал его локтем. Портвейн стоял с растерянным видом. Я продолжал сдавливать кадык очкастого мудака, я хотел, чтобы он обоссался, ведь от удушья люди обделываются. Краем глаза я заметил, как из другого конца вагона, работая локтями, пробирается здоровенный мужик в синем плаще и берете, надетом на военный манер - он явно замышлял что-то недоброе в отношении нас с Портвейном. Я успел отпихнуть от себя очкастого, который так, сука, и не обделался.

Мужик в синем плаще открыл перед моим носом какие-то красные корочки, крепко схватил меня за рукав пальто и сказал мне:

- Таких, как ты, я убивал в Афганистане!

Я понял, что меня свела судьба с каким-то долбанутым «воином-интернационалистом». У мужика, которого я ударил в рыло, под глазом успела образоваться гематома. На местах для инвалидов причитали старухи, одна из них протянула бедолаге пятак:

- На, сынок, возьми, приложи под глаз, чтобы синяк не разлезся…

Тот благодарно кивнул бабке, взял было пятак, но потом передумал и вернул его обратно.

Поезд доехал до «Технологического института» - наша остановка. Двери открылись, и я двинулся, чтобы выйти из вагона, но «воин-интернационалист» меня не отпускал, я рванулся вперед и вылез-таки из вагона, но за мной, помимо Портвейна, который наверняка был не рад, что стал виновником такого расклада, вылезли и остальные участника разборки. Мужик в берете навалился на меня всей массой, обхватил сзади рукой за шею и начал выкручивать руку. Сзади меня ударили по почкам, я повернул голову и понял, что это меня ударил мужик, которого я приложил по яйцам в вагоне. Я притворился, что сдаюсь, и как только почувствовал, что «интернационалист» ослабил хват, резко повернулся запястье, вырвал руку и что было силы ударил по харе того, кто засадил мне по почкам, у того из носа брызнула кровь, мужик растерянно заморгал свиными глазками. «Интернационалист» умело ударил меня носком ботинка под колено, я упал, и он вновь обхватил меня за шею:

- Здоровый, гад, - прошипел он, отдавая мне должное.

У меня оставался один шанс освободиться от захвата: согнуться почти пополам и бросить «интернационалиста» через себя, что я и сделал. У меня неплохо получилось - пригодились навыки, приобретенные в секции дзюдо. Нельзя сказать, что «интернационалист» перелетел через меня, он перевалился, как мешок, но если бы Портвейн помог мне подняться, мы бы убежали. Но Портвейн наблюдал за этой сценой с обреченным видом, его держал за рукав тот самый очкан, что первым до нас докопался. Портвейн мог легко вырваться, но он не использовал шанс, не решился. Раздался милицейский свисток. Прибежал запыхавшийся мент.

- Что здесь происходит?!

- Товарищ капитан. Эти люди напали на нас за то, что мы развернули флаг с орденом Ленина, и начали нас избивать, - я в принципе не врал, так оно и было.

Мужик в берете поднялся с пола, отряхнулся и прошипел мне:

- Ну ты подлец!

Потом он достал из кармана свои корочки и развернул их.

- Товарищ подполковник, сейчас мы во всем разберемся, но вам придется подняться в пикет, дать показания, - ментовской капитан сразу подтянулся.

- Я бы этим сволочам!.. - распалился военно-морской офицер.

- Товарищ капитан, этот офицер пьяный, они на нас напали, мы защищались.

Но корочки мужика в берете произвели на мента магическое действие. В пикете очкастый, военмор и мужик в берете, который оказался подполковником войск МВД (двое их добровольных помощников исчезли, как только появился мент), дали показания, мол, мы, пьяные, глумились над изображением Ленина, они нас пытались образумить, мы в ответ начали оскорблять их, а потом и вовсе - начали с ними драться. Я пытался протестовать, обличать противников во лжи. Меня распирало от возмущения, и я постоянно вскакивал на ноги. Портвейн сидел понурый, молчал.

А мент лишь отвечал мне:

- Сядь, успокойся, суд разберется.

- Товарищ капитан, отметьте, что этот морской офицер - пьяный, от него пахнет!

- Я же сказал - сядь!

Мент зафиксировал показание троицы, и блюстители чистоты образа Ленина ушли.

- Мы еще встретимся, - бросил мне на прощание подполковник МВД.

Как только троица ушла, мент облегченно вздохнул.

- Да, ребята, попали вы в историю… Молите Бога, чтобы подполковник в суд не пришел. Если он даст показания, вас закроют.

- Так ведь они сами на нас набросились!

- Вот его показания, а суд будет читать их, а не вас слушать, здесь написано, что он показал вам… вот тебе, Жвания, он показал удостоверение офицера Министерства внутренних дел, потребовал успокоиться, а ты начал его обзывать нецензурно, оказывал сопротивление при задержании. Три года тебе светит, Жвания!

Меня переполняла ярость, настолько очевидной была несправедливость, а вранье - явным.

Мент забрал наши с Портвейном паспорта и выдал повестки в суд.

- Я в суд не пойду, а то меня точно посадят. Наплевать на паспорт, у меня есть еще военный билет.

Я все еще надеялся, что судьи примут во внимание мои показания и оправдают меня. В назначенный день я явился в

отдел милиции при метрополитене Московского района, оттуда меня отвезли в суд. Я не знал, что вслед за милицейской машиной на такси ехала мама.

Судья зачитал показания троицы и спросил меня, раскаиваюсь ли я в хулиганстве.

- А почему я должен раскаиваться?! Где те люди, которые меня били? Почему не отмечено, что военно-морской офицер был пьяный? Почему в суд не вызвали людей, которые напали в метро на меня и моего товарища?

- Так, понятно - вы не раскаиваетесь. Приговор - пятнадцать суток исправительных работ.

Я опешил. Не то чтобы меня испугал приговор - я не находил слов от возмущения. В этот момент в зал вошла мама, она сказала судье, что я погорячился, что я работаю, и если я отсижу пятнадцать суток, меня с работы выгонят… Судья смягчился и смягчил приговор - сто рублей штрафа. Учитывая, что я зарабатывал сто двадцать рублей в месяц, для меня это была большая сумма.

Менты, правда, отдали мне флаг, а офицер, который вез меня в суд, посоветовал впредь быть осторожней.

После этого случая Портвейн стал тише воды и ниже травы. Он сидел на квартире нашего общего приятеля Пабло и мрачно бухал. Когда кончалось спиртное, он переходил на корвалол.

- Ара, я виноват в этой истории, я тебе отдам деньги за штраф, но не сейчас, позже, - иногда обещал он мне, но я понимал, что это - бред его пьяной совести. Если бы он в ходе стычки в метро вел себя решительнее, мы бы в милицию не попали. Но иначе Портвейн себя вести и не мог.

Живя в Ленинграде, он надумал завязать крепкие моногамные связи. И вскоре его везде стала сопровождать какая-то девица пэтэушного вида - крашеная блондинка с повадками малолетней бляди. Откопал он ее в компании одного из фанатов СКА, проживавшего в Невском районе.

Как-то я зашел к Пабло, который жил на Бронницкой улице, недалеко от «Техноложки», и застал у него Портвейна с его девицей. Портвейн спал пьяный на кровати, а Пабло и девица смотрели телевизор в ожидании трансляции футбольного матча. Я тоже забежал к Пабло посмотреть футбол, так как не успевал добраться до дома к началу трансляции. Вскоре подтянулся фанат «Зенита» Комиссар с явным желанием выпить.

- Может, скинемся, а? Я сбегаю в магазин… А чего так-то сидеть? Скучно же, - стал он подначивать нас.

Я не хотел выпивать, да и общался со всей этой компанией уже по инерции. Я к тому времени прекрасно понимал, что если

хочу добиться чего-нибудь в жизни, то должен сменить круг общения. Пьянки, тупое времяпрепровождение - все это начало сильно меня тяготить. Я готовился к поступлению на исторический факультет, и мне было жалко тратить часы на бесцельное шатание по улицам, распитие спиртного и прочее. Однако я еще не созрел для того, чтобы раз и навсегда порвать все связи со старой компанией.

Началась трансляция матча, играли, кажется «Спартак»-ЦСКА. Комиссар не унимался.

- У меня есть рубль двадцать! - торжественно провозглашал он.

Мы сбросились, но на две бутылки «Кавказа» полученной суммы все равно не хватало.

- У Портвейна есть рубля два, - заявила его девица. Мы стали будить Портвейна - бесполезно, он спал, как труп. Тогда Комиссар предложил девице:

- Так сделай ему минет! И он от приятных ощущений проснется…

Та пожала плечами, мол, почему бы и нет, расстегнула молнию на джинсах Портвейна и начала его будить. Мы сидели рядом и смотрели футбол, характерный шум стадиона из телевизора время от времени дополняли звуки то ли чавканья, то ли чмоканья.

Через минут семь девица заявила:

- Ребята, он не просыпается!

Я оторвался от матча, по губам девицы была размазана дешевая помада, Портвейн лежал со спущенными штанами, и обслюнявленным вялым членом.

- Ладно, тогда я сбегаю за одной бутылкой, а на оставшиеся деньги куплю закуси, - сообщил Комиссар, оделся и убежал. Минут через двадцать он вернулся довольный, в приподнятом настроении, в каком всегда пребывают любители выпить в преддверье пьянки.

- Взял без очереди, - с гордостью в голосе сообщил он и достал из кармана куртки бутыль. - А вот в продовольственном магазине меня без очереди не пустили, бабки раскричались. Какой счет-то?

- Ноль-ноль пока.

- А Портвейн все спит?

- Да, как видишь.

После стакана бормотухи Комиссара потянуло на женский пол, и он вновь вспомнил о существовании подруги Портвейна.

- Сделай мне минет, а? Я все же в магазин бегал…

- Ладно, давай… пока он не проснулся. Здесь тебе это сделать

или ванной? - девице было лень ломаться.

- Давай здесь, а то я и так двадцать минут матча пропустил, - заявил Комиссар.

Мы с Пабло делали вид, что, кроме футбольного матча, нас ничего не волнует.

Девица управилась с Комиссаром минуты за три, на ее губах опять была рамазана помада. Проснулся Портвейн. Проснись он на две минуты пораньше, быть ему свидетелем сцены, которая бы вряд ли его воодушевила.

- Проснулся, милый! А мы тебя будили и так, и эдак, а ты все спишь и спишь. Ребята выпить купили. Вставай давай, первый тайм уже заканчивается, - захлопотала девица Портвейна.

Портвейн обвел нас самодовольным взглядом, мол, вон как обо мне заботится моя будущая жена…

Вскоре Портвейн все же прознал, чем занимается его невеста, когда он спит пьяный. Однажды он проснулся раньше…

Утешился Портвейн в объятиях одной зенитовской девицы. Правда, сделать это было не трудно - кроме Портвейна, ее никто не хотел - толстая, с огромной жопой, покрытой угрями кожей, где кончается ее грудь, а начинается живот, сразу было и не разобрать… Поэтому Портвейн не удивил нас сообщением, что его новая подружка оказалась девственницей.

Во что вылился роман Портвейна с этой девицей, я не знаю, так как вскоре порвал с этой компанией.

В принципе нарисовать портрет «среднестатистического фаната» середины 80-х довольно легко. Это - пьющий молодой человек, без постоянной работы, а значит - без стабильного заработка, склонный к мелким кражам. То есть это человек, который находится в «пограничном состоянии»: еще шаг, и он окажется на дне или в тюрьме. Многие этот шаг сделали и вскоре оказались на дне, а то и в могиле, вырытой для неопознанных трупов.

Верблюд, Клоун, Фильтр, Портвейн, Фашист не были моими друзьями. Но я не мог не общаться с ними. Если бы я игнорировал их, то меня бы просто отвергла тогдашняя фанатская среда. То есть поддержание знакомства с такими персонажами было просто частью фанатского ритуала.

А дружил я совсем с другими ребятами, которые были младше первого поколения фанатов года на два - на три, но в ранней молодости это - значительная разница. Сократес, Смолин, Копеечник, Доктор, Противогаз, Рулет, Фюрер (Дюрер), Макс Пацифик - были совсем не похожи на парней, вроде Верблюда. Для нас, во всяком случае - для меня, на первом месте было то, что мы называли «движухой» (потасовки, выяснение отношений с

конкурентами), а на втором - игра: футбол, а для меня - хоккей. Конечно, мы тоже выпивали, иногда очень крепко, но для нас это был не более чем ритуал, а не потребность. После каждой такой выпивки мы приходили в себя несколько дней.

Те, кто пришел в фанатизм ради движухи и игры, сумели выжить в суровые 90-е, а кое-кто не только выжить, но и неплохо устроиться в этой жизни. Так, Сократес создал свое адвокатское бюро, Доктор стал хозяином стоматологической клиники, Пацифик из ларечника превратился в хозяина сети магазинов…

Причем и Сократес, и Доктор продолжают ходить на футбол, а иногда и ездить за командой, точнее - летать.

А те, кто пришел в фанатизм ради выпивки, давным-давно сгинули. Тот же Комиссар, которого я свел с фанатами, погиб, он вел автомобиль пьяным и разбился. Мы учились в одном классе, он был примерным учеником, мальчиком из хорошей семьи, занимался спортом. Но никогда не отличался твердым характером, самостоятельностью. Он всегда хотел находиться в окружении сильных, крутых. Это его и подвело: те, кого он принял за крутых, частенько допивались до скотского состояния.

Да, фанатов того времени нельзя представить без алкоголя, без пьянок. Трезвенников среди нас не было, это точно. Однако для нас возлияния и показное хулиганство были просто частью общего эпатажного поведения. Мы, сознательно или нет, бросали вызов той действительности, которая нас окружала. Все были серыми, а мы носили цвета, все старались быть правильными, не высовываться, а мы пили, дрались и хулиганили. В советской системе люди знали, что с ними произойдет через год, два, через десять лет. Это называлось «уверенностью в завтрашнем дне». На самом деле в их жизни просто ничего не происходило, каждый день одно и то же, а летом - отпуск на Черноморском побережье. А в нашей жизни была Игра. Мы никогда не планировали ничего наперед, так как не знали, вернемся ли с ближайшего выезда или нет. Мы жили, рискуя. Кто-то выиграл, кто-то проиграл. А разве должно быть иначе?

ГЛАВА 5
ДОЛОГ ПУТЬ У НАС С ТОБОЮ

Выезд в Одессу в мае 1985 года, пожалуй, стал поворотным в моей фанатской карьере. Если до Одессы я имел репутацию правого фаната, который с какого-то перепуга начал фанатеть за СКА, то после Одессы товарищи стали считать меня отмороженным на всю черешню.

К тому времени я уже полностью переформатировался в фаната СКА, имел репутацию «единственного питерского коня», но продолжал переживать и за «Зенит». На СКА я имел всего один выезд, потому что, кроме меня, за армейцами никто ездить не хотел. И чтобы поучаствовать в выездном суппорте, мне ничего не оставалось делать, как ездить за «Зенитом».

Правда, мои зенитовские приятели опасались, как бы я не появился на их выездном матче в красно-синем прикиде: шарфе и свитере (который тогда назвали странным словом пусер).

- Мы с Сократесом договорились: если ты, Ара, приедешь в Одессу в «конской сбруе», мы силой отнимем ее у тебя, снимем, а отдадим только после того, как вернемся в Питер, - признался мне Вадик Смолин. А я, ничего не зная о заговоре друзей, приехал в знаменитый черноморский город в обычном, как бы сейчас сказали, кажуальном прикиде, а Смолин выдал мне в Одессе футболку с зенитовской стрелкой и с номером 13.

По дороге я вновь побывал Москве, на матче сборной СССР со сборной Швейцарии - шел отборочный цикл на чемпионат мира 1986 года. Наши выиграли 2:0, и я со спокойной душой отправился дальше. В Москве мы пересеклись с молодым фанатом «Зенита» Вадиком Богдановичем, который никогда не имел денег в кармане, за что и был прозван Копеечником. Не было денег у Вадика и на этот раз, но он очень хотел побывать в Одессе. А я купил билет в плацкартный вагон на поезд Москва-Одесса.

- Ара, может, впишешь меня?

- Если только в «гроб». Полезешь?

- Конечно! Конечно, полезу!

Мы отправились на Киевский вокзал. Копеечник под видом провожающего вошел со мной в вагон. Повезло, что у меня оказалась нижняя полка. Пока в вагоне не собрались пассажиры, Копеечник залез в ящик для багажа под моей полкой, я закрыл его, а чтобы он не задохнулся, между полкой и ящиком положил коробок спичек.

Проводница в суматохе забыла о провожающем, который куда-то исчез. Из Москвы мы отъехали часа в два дня, а Копеечник из «гроба» вылез под ночь, когда все уже ложились спать, чем смертельно напугал моих соседок -бабушек-хохлушек.

- Ой, хлопцы! Шо ж вы робите! Ох, напугали до смерти!

Но проводнице бабки не стали жаловаться, пожалели нас.

- Как же ты, хлопец, весь день в ящике-то пролежал и не задохнулся? Бедный! А зачем вы, хлопцы, в Одессу-то едете?

- На футбол.

- На футбол?! И как вас только родители-то отпустили? Или сбежали? Будьте в Одессе осторожней! А то, знаете, там шпаны всякой много.

В Одессе нас уже ждали Сократес, Смолин, Фюрер и другие ребята, которые приехали туда прямо из Питера.

- Поехали быстрей на море, на пляж! Там Чуня голой купается, - шутя торопил нас Сократес, здоровый кудрявый детина.

- Да, не голой она купается, а в трусах, просто трусы просвечивают, - поправил его Смолин. - У Чуни такая огромная пизда!

Сократес, Смолин, Копеечник - с этими парнями я подружился на почве фанатизма. Смолин был моим сокашником, тоже учился в морском училище, жил в Колпине. Еще в нашей компании был парень, который решил взять себе прозвище Дюрер, но он не учел, что большинство фанатов - парни простые, и не знают художника Дюрера, зато им хорошо известно слово «фюрер». Так они и звали этого парня - Фюрер.

Дюрера это очень обижало, и он то и дело корил нас:

- Что вы за жлобы! Я не Фюрер, а Дюрер!

- Да ладно тебе, Фюрер, - отвечали мы.

В 80-е годы Фюрер-Дюрер был очень близок к хиппи, писал стихи, переделывал известные песни под зенитовские гимны, которые, правда, никто и не думал распевать на трибуне. А в 90-е годы Фюрер-Дюрер стал ярым антисемитом, монархистом, участвовал в деятельности ультраправых организаций, был идеологом питерской «Черной сотни». Я несколько раз видел, как он на Невском проспекте, у Гостиного двора читает псалмы перед кучкой последователей. То есть Дюрер превратился-таки в Фюрера, пусть в маленького.

Сократес тоже иногда позволял себе снобистские выходки. Он родился в семье высокопоставленного офицера и учился в ЛИАПе, институте авиаприборостроения. Иногда, как бы шутя, поддевал нас: «В отличие от вас, пэтэушников, я буду иметь высшее образование». С высшим образованием у него получалось не

очень, и он не вылезал из академок, правда, в армию так и не попал.

До матча основного состава оставалось два дня. Однако найти себе временное жилье в Одессе и в те времена, еще до появления кооперативов, было легче легкого. Мы обратились в бюро по размещению на временный ночлег, где меня, Смолина и Сократеса, свели с квартирной хозяйкой, довольно миловидной женщиной лет сорока, которая за умеренные деньги сдавала койко-места в районе легендарной Молдаванки.

Квартира располагалась на первом этаже в старом доме, нас встретила дочь хозяйки. То, что было впереди этой блондинки, иначе как сисярами не назвать. Огромная грудь была почти не прикрыта, точнее - она просто вываливалась из сарафана. Такой размер!

- Хлопцы, если хотите помыться, ванна там, в конце коридора, - сказала сисястая.

Я поспешил принять душ. Ванна была старорежимная, медная. Я разделся. Мое внимание привлек шум с улицы: какие-то детские крики, женские голоса. «Почему здесь, в ванной, так слышно, что происходит во дворе?» - удивился я. Обернулся и увидел, что в стене - огромная дыра, как будто от снаряда. Меня это не столько смутило, сколько озадачило: «Как они здесь моются? На глазах всего двора?» Защелки на двери ванной не было, вошла грудастая.

- Я полотенце принесла.

- Спасибо, у меня есть свое. А вот что делать с дырой?

- Ой, обычно мы полотенцем ее занавешиваем. Да ладно, мойтесь так.

Я быстро помылся, и не стал предупреждать Сократеса о дыре, когда он отправился совершать гигиенические процедуры. Кстати, дочь хозяйки с полотенцами навестила и его, а затем и Смолина.

Вечером мы гуляли по Одессе, осматривали достопримечательности, заходили в погребки, где в розлив продавали неплохое сухое белое вино.

Матч дублеров проходил в Ильичевске, что в нескольких десятках километрах от Одессы. Местные гопы, которые от нечего делать заявились на разбитый стадион, были возмущены нашим появлением.

- Вы чего сюда припиздохали? Сейчас мы вам всем пропишем пиздюлей! - кричали они в наш адрес.

Матч охраняли всего два мента, и они явно не ожидали оказаться в гуще разборки заезжих ультрас с местными гопниками. А мы делали вид, что не обращаем на гопов никакого

внимания: шизовали, поддерживая питерский дубль. Мы любили посещать матчи дублирующих составов, потому что на них можно было делать все, что хочешь, - не то, что на больших стадионах, где за каждым движением фанатов пристально следили менты. Минут за тридцать до конца матча гопники со стадиона ушли. Понятно, что они отправились за подмогой, чтобы нас как следует проводить. Минут за пять до конца игры на стадион прибежал запыхавшийся молодой милиционер.

- Ребята, питерские, там вас на выходе человек тридцать с кольями ждут, а нас тут три милиционера. Если драка начнется, мы ничего сделать не сможем. Мы попросили подкрепления, но когда оно прибудет - неизвестно.

Матч закончился победой нашей команды, но мы вряд ли могли выйти победителями из драки с тридцатью гопниками, вооруженными кольями. Нас было человек пятнадцать, а бойцов и того меньше. И мы, чтобы избежать стычки, решили попросить тренера дубля, господина Л о-хова, взять нас в автобус. Пошел договариваться Фюрер, но вскоре вернулся с кислой миной.

- Говорит, в автобусе места нет, их на Львовском сюда привезли, а не на «Икарусе». Чего будем делать?

- Драться, а что еще? - сказал я.

- Нас же уроют! Может, уйдем огородами?

- Будем драться древками от флагов, - предложил я, и меня поддержали Сократес и Смолин.

Мы вооружились древками, взяли в кольцо девиц и пошли на выход.

- О, питерские, бля, идут! - раздалось из толпы гопников. Их было много, они с вызовом смотрели на нас, лузгая семечки.

И тут произошло то, чего не ожидали ни мы, ни гопники - с визгом подскочили два или три милицейских бобика, а потом подъехал милицейский пазик.

Заметно было, что менты на взводе.

- Эй, вы, чего здесь собрались? Дискотеки сегодня не будет, так что, хлопцы, расходитесь по домам! - кричал один из них, полный мужик лет сорока. - О, Симоненко, и ты здесь! А чего отмечаться в отделение не приходишь? А?! Я тебя спрашиваю! Инспектор тебя ждет, а ты не приходишь. Нехорошо, Симоненко, нехорошо.

- Да я… - начал было Симоненко.

- Да шо ты, шо ты?! - мент не дал Симоненко опомниться. - Ты хочешь опять в колонию, но не забывай, что на «малолетке» сидеть тебе недолго. Тебе скоро восемнадцать, взрослая зона по тебе плачет, Симоненко. Ох, плачет!

Симоненко умолк, а мент продолжал:

- А вы откуда, такие красивые?

- Из Ленинграда

- Из Ленинграда? А чего вас сюда занесло?

- На футбол приехали.

- Вам чего, делать нечего? Ладно, полезайте в автобус, отвезем вас до Одессы.

При входе в пазик у нас проверили документы и действительно довезли до Одессы.

Мы решили отметить наше чудесное спасение в каком-то очередном погребке, и то, как мы добрались до квартиры с проломом в стене, я не помню. Помню, что на Дерибасовской улице заряжали: «Во всем Союзе знаменит ленинградский наш "Зенит"!» А я еще кричал, что команды лучше СКА пока еще не появилось. Рядом с нами крутились какие-то сомнительные личности, но как мы от них избавились, тоже не помню.

И вот наступил день матча основных составов. Все утро мы приводили себя в порядок с помощью сухого вина, ну и привели. Словом, мой уровень восприятия опасности был сильно понижен. Так или иначе, на матч я шел в зенитовской футболке с номером тринадцать, готовый в любой момент дать отпор любой агрессии. Но агрессии не случилось, и я благополучно дошел до трибуны.

Нас, питерцев, собралось человек сорок, мы купили билеты за ворота. Сам матч был очень невыразительным. «Зенит» после чемпионства играл плохо, а местный «Черноморец» никогда не отличался красивой игрой. Зато мы поддерживали «Зенит» так, как будто на кону был Кубок чемпионов. Из старой основы никто не приехал, и я, благо выпил немало, решил взять на себя руководство движухой. На поле я почти не смотрел, так - иногда оглядывался. Я заряжал, дирижировал ребятами во время распевок и т. д.

Кто-то из одесситов, какой-то мужик, крикнул:

- Блокадники, заткнитесь! - и бросил в нас бутербродом.

Мужицкое хамство вывело меня из себя. Перескакивая через ряды, я побежал туда, где сидел хам, по дороге меня пытался завалить другой мужик, но я двинул ему локтем в жало, и полез дальше. Краем уха я услышал: «Так -взять тринадцатого!» На меня навалились два или три мента. Я вцепился в сиденье, еще один мент бил меня ногой то по одной, то по другой кисти - не в силах терпеть боль, я разжал пальцы. Мент сверху пытался обхватить меня за шею, но я все же занимался дзюдо и помнил, как уходить от захватов. Я скрестил руки, схватил себя за ворот футболки, прижал подбородок к кистям и наклонился. Тот мент, что бил меня по кистям, ударил меня ногой в лоб, но лобовая кость - самая крепкая, было больно, но терпимо. В итоге менты меня

просто подняли и понесли, держа за ноги и туловище, им удалось распрямить меня. В меня с трибун летели огрызки, мороженое, плевки, перепадало и ментам, что их, конечно, злило. Менты донесли меня до бобика и, затаскивая туда, специально больно ударили головой о железный косяк.

В бобике уже сидел наш парень, не помню его прозвище. Нас увезли в отделение милиции при стадионе. За решеткой, в аквариуме, сидели пьяные гопки, похожие на зомби из фильмов ужасов. Работал телевизор - показывали футбол, но не тот матч, с которого меня унесли. Гопари мрачно оглядели нас. И моя зенитовская футболка вызвала у них приступ ярости, они начали обзывать нас, из их рта вылетали слюни, они, словно зомби в фильмах в стиле хоррор, тянули к нам руки из-за решетки.

Мент, что принял нас, выглядел усталым, но находил в себе силы шутить.

- О, эти парни давно ждали вашей компании, ребята! - сказал он и криво ухмыльнулся. И уже серьезно: - Документы.

И тут я вспомнил, что отдал паспорт Сократесу, чтобы не мять важный документ в заднем кармане джинсов: Сократес надел куртку с нагрудными карманами, в один из них он и положил мой паспорт.

Мент тем временем вынимал из сумки парня, привезенного со мной, зенитовские знамена.

- О, шелк! Отдам жене, пусть она себе платье сошьет.

- Шелк-то - искусственный, - я поддержал его шутливый тон.

- Верно… Так документы-то давай.

- Мой паспорт остался у моего товарища.

- Вот как. Значит, будем оформлять тебя в спецприемник.

Мент достал какие-то бланки, начал в них что-то писать. В телевизоре кончился футбол. Мент посмотрел на часы, посмотрел на нас и сказал:

- А чего мне с вами возиться? Футбол закончился, а вы одеты так, что можете рассчитывать на радушие одесситов. Забирайте свои знамена и идите. Пошли, пошли…

Он буквально вытолкал нас взашей. С матча возвращалась полупьяная куча народа, а на мне была только зенитовская футболка, на товарище - сине-бело-голубой трикотажный свитер (пусер). Не прошло и трех минут, как мы оказались в гуще враждебной толпы. Одесситы бросали на нас хмурые взгляды.

Я осмелился спросить:

- Какой счет?

- Ноль-ноль, - ответил кто-то.

- Да, чемпионы страны могли бы и выиграть у «Черноморца»…

Товарищ ткнул меня слегка кулаком в спину, мол, заткнись, а то огребем. Но я закусил удила, стрельнул закурить.

В городе во все винные магазины выстроились очереди. У меня не было ни денег, ни документов, и мы с товарищем крутились на одной из центральных улиц Одессы, пока не встретили Смолина, Сократеса и Копеечника.

- Ну тебе повезло! - Сократес, глядя на меня, давился от смеха. - Нас минут через пятнадцать после того, как тебя унесли, всех вывели со стадиона, погрузили в автобус и отвезли в какой-то ДК. Значит, туда мент, подполковник, прибегает и кричит: «Где номер тринадцать?!» Ему отвечают: «Его отвезли в отделение, первым забрали». «Зачем! Его надо было на пятнадцать суток посадить!» Но это еще не все. Начали нас обыскивать, нашли у меня твой паспорт, положили его вместе со всеми паспортами на стол и переписали данные. Потом, перед тем как выпустить, стали выкрикивать фамилии и отдавать паспорта. Кричат: «Жваня!» Мы все еле сдерживаемся. Мент посмотрел на нас и опять: «Чего вы лыбитесь? Где Жваня?!» Я сказал, что у меня твой паспорт оказался случайно, словом, сказал, как было: что ты дал мне его, чтобы не помять в джинсах. Мент отдал. Мол, уматывайтесь поскорей. На, забери свой паспорт!

Я взял документ и положил в задний карман, пусть лучше будет мятым, но при мне.

- Может, купим вина? - спросил Сократес.

Я поддержал его предложение. Взял деньги и пошел в магазин, где в винный отдел очередь только выросла. Я полез без очереди. Мужики недовольно загудели.

- Не борзей! - закричал один.

- Мы на поезд опаздываем, уезжаем из вашей Одессы!

Я все же влез без очереди и купил три бутылки белого сухого вина, которое мы тут же на лавочке и распили. Пошли на вокзал, чтобы проводить товарищей, которые уезжали в Ленинград на вечернем поезде.

Меня встретили как героя. Два раза подряд я побывал в экстремальных ситуациях, и оба раза не сплоховал. В Ильичевске показал, что не боюсь гопников, а на матче основных составов не дрогнул в стычке с ментами. Девушки-фанатки бросали на меня благосклонные взгляды. В то время, чтобы завоевать авторитет в фанатской среде, не обязательно было драться со всем, что движется, достаточно было показать, что не боишься, не дрогнуть. И я в Одессе показал это. Может быть, это произошло благодаря воздействию белого сухого вина, но, так или иначе, я показал, что не трус, и все это видели.

Я, Смолин и Сократес уезжали из Одессы на следующий день,

с нами остался Копеечник.

Рядом с вокзалом за нами увязался полненький мужик небольшого роста, с усиками.

- Я - Саша Маленький. Меня вся блатная Одесса знает, все воры в законе, - он говорил с карикатурным одесским акцентом. - Я вам покажу наш город.

Мы бродили по ночной Одессе, купили у таксиста вина, по дороге побили какого-то мужика, который сказал что-то оскорбительное в адрес одного из нас. А когда Саша Маленький нас достал, мы оторвались от него и пошли ночевать на наши койко-места.

Дверь открыла дочь хозяйки в коротеньком халате, огромная грудь была почти голой.

- Ну что, мальчики, по нулям…

- Ноль, - Сократес схватил дочь хозяйки за одно теплое полушарие, - ноль, - Сократес взял за другое.

- Ой, мальчики, да вы проказники, - обладательница бюста засмеялась, а потом, перейдя на шепот, заявила: - И вы это… помойтесь, а то вспотели…

Вспотели! Я был грязным, как бродячая собака! Принял душ и лег в постель. Мы надеялись, что нас навестит дочь хозяйки, но нас хватило ненадолго - мы все вырубились.

Обратный путь в Петербург казался очень долгим. Деньги закончились, и купить перекусить было не на что. Терпение кончилось в Новосокольниках. В буфете за прилавком стояла толстая продавщица в белом чепце. Как только объявили об отправлении нашего поезда, мы ворвались в буфет и начали стаскивать с прилавка снедь, которая только попадалась под руки. Буфетчица кричала, но мы сделали все так быстро, что менты не успели среагировать. В поезд мы запрыгнули, когда он уже тронулся. И наелись потом до отвала жареной курицей, бутербродами с колбасой и прочим.

Кстати, буфетчица нас запомнила. Месяца через три мы возвращались из Киева, и вновь вышли в Новосокольниках, заглянули в буфет в надежде купить пива (те годы оно было в дефиците), за прилавком стояла все та же толстуха в белом чепце. Увидев парней в сине-бело-голубых шарфах, в футболках с логотипом «Зенита», бабища заорала: «А!!!! "Зенит"! Не-е-ет!!!» И накрыла прилавок увесистой грудью, обхватив его руками. А мы и не думали ничего воровать, просто пива купить хотели. Посетители ничего не поняли, а один мужичонка от неожиданности пролил себе на брюки бочковой кофе с молоком.

В Одессе я выступил неплохо, и нужно было закрепить репутацию, прочно войти в список правых фанатов. Летом 1985

года по окончании морского училища я работал матросом на скоростных судах «Метеор», график был довольно тяжелый: сутки через сутки. С таким графиком не то что на выезд не рванешь, на домашний матч не всегда сходишь. Мое дежурство выпадало на день, когда «Зенит» должен был дома играть с «Динамо». Я пытался отпроситься, договорился со сменщиком, но капитан был непреклонен: нет, и все тут!

«Да и хрен с тобой!» - решил я и просто забил болт на речное пароходство и суда «Метеор». А что мне было терять? Все равно через несколько месяцев в армию. После «домашки» я отправился в выездное турне.

С тем самым парнем, с которым я оказался в одном бобике в Одессе, я забыл его прозвище, а звали его, то ли Игорь, то ли Сергей, пусть будет Сергеем, я поехал в Вильнюс. Помню, что мы добивались одной и той же девушки, Юли, но я потом по своей воле снялся с этого соревнования, ибо до армии оставались считанные месяцы, и я хотел уйти туда с чистым сердцем. А вот Сергей, как я потом узнал, встрял. Юля стала-таки его девушкой, но как только он оказался в Вооруженных силах, изменила ему. Когда до Сереги дошла эта информация, он едва не сбежал из части. Зато я отдавал долг Родине со спокойной душой.

Выезд в Вильнюс, напомню, считался экстремальным. Это был мой второй Вильнюс. Приехали мы за день до игры, чтобы сходить на матч дублеров, который проходил на каком-то лесном стадионе где-то в окрестностях столицы Литвы. Мы были вдвоем, и если бы нас не забрала в автобус команда, сами мы до Вильнюса не доехали бы, это точно. Со стадиона вела одна дорога через лес, в котором с палками и камнями в руках нас ждали здоровенные литовские парни - мы их видели из окна автобуса.

Поздно вечером познакомились с литовцами, далекими от футбола, обычными гопниками. Купили спиртное и пошли на чердак, на котором, как сообщили литовцы, жила их подруга. Это был неплохой вариант, учитывая, что ночевать нам с Серегой было негде. Так почему бы не провести ночь на чердаке, обжитом литовской девушкой?

Литовка оказалась весьма симпатичной и чистенькой, несмотря на жизнь без удобств. Она почти не говорила по-русски.

- Она убежала из дома и живет теперь здесь, - пояснил один из ее приятелей. - Она дает.

Ночью мы вышли прогуляться, и один из литовцев зачем-то разбил прожектор у Дома правительства. Нас забрали в милицию, литовцев посадили в камеры, а с нами стали разбираться. Мы сумели убедить ментов, что не имеем к этим ребятам никакого отношения, и не разбивали прожектор. Менты и сами это

понимали, видя, что мы фанаты, которые приехали на футбол, и отпустили нас. Мы пошли на вокзал, где и дождались утра, когда из Питера приехала основная фанатская бригада. В бригаде я с удивлением обнаружил известного фаната ЦСКА по кличке Марина. Сейчас бы такое погоняло заставило усомниться в гетеросексуальной ориентации парня, но тогда Марина проблем не знал, Мариной его прозвали просто потому, что его фамилия была - Мареничев. В Москве он совершил какое-то серьезное правонарушение, «обул» какого-то «мясника», и ему шили грабеж, и Марина скрывался в Ленинграде. Дело приняло действительно серьезный оборот, если папа Марины, генерал КГБ, не смог отмазать любимого сына. Это сейчас дети высокопоставленных родителей сбивают на машинах старушек насмерть, и ничего. При совке с этим было построже.

В Вильнюс приехала почти вся зенитовская основа. Матч закончился со счетом ноль-ноль. В ходе игры ничего интересного не произошло. Зато после… Нас оцепила милиция и под конвоем довела до вокзала. Вдруг крик: «Наших бьют! В пригородных кассах!» Я и еще человек пятнадцать-двадцать прорываем милицейское оцепление, разделяемся, одна половина вбегает в кассы с одного входа, вторая половина - с другого. Враг в ловушке… Я бежал в первых рядах, но толком так и не успел подраться. Когда я ворвался в пригородные кассы, литовцы уже валялись на кафельном полу. Нас опередили наши товарищи, которые забежали с другого входа. Передо мной на карачках стоял болельщик «Жальгириса», на кафель капала кровь, рядом валялась кепка в стиле «армия Вермахта», и я со всей злости ударил парня по голове ногой, как вратарь по мячу, когда вводит его в игру. Литовец, мотнув головой, упал на спину. Сейчас мне стыдно за этот удар… Я оправдываю себя тем, что они напали на нас, а не мы на них. Пассажиры в ужасе кричали: «Милиция!!!» Милицейские свистки. Мы подобрали избитого, слегка порезанного нашего парня и убежали, пролезли под перронами на дальние пути и спрятались за товарняками.

Однако менты нас обнаружили. Но дело приняло неожиданный оборот. Менты, видимо, решили просто поскорее избавиться от нашей банды: привели на перрон, где уже стоял поезд на Ленинград, и стали нас заталкивать в него.

- А билеты, билеты пусть покажут! - кричал проводник.

- Какие билеты! Пусть уматывают отсюда.

Когда очередь дошла до меня, я заявил, что в Ленинград не поеду, потому что мне нужно в Минск, где «Зенит» будет играть очередной выездной матч. То же самое сказали еще человек двадцать. Менты посовещались и отвели нас на перрон, откуда

отходил поезд в Минск, а когда поезд подали, они попросили проводников поскорей посадить беспокойных пассажиров в общий вагон.

С белорусскими проводниками мы быстро нашли общий язык. Они нас угостили самогоном, и все закончилось настоящим дебошем. Из окон полупустого вагона ребята вывесили флаги, и на каждом полустанке прославляли «Зенит». С нами в Минск ехала молодая фанатка по кличке Падшая женщина, хрупкая девица с порочным выражением лица. Бухая самогон, мы не заметили, что она куда-то исчезла. Пошли искать. Нашли в последнем отсеке. Она лежала на нижней полке животом вверх, полностью голая, грудь маленькая, кожа белая, почти прозрачная, как облатка для причастия, а лобок показался мне слишком выпуклым, огромным островом, его покрывала густая растительность. На одной груди Падшей женщины зубной пастой кто-то написал - «Зенитас - чемпионас!», а на другой - «Жальгирис - парашас!».

- Парни, кто это сделал? - спросил Марина.

Все молчали. Да и кто мог это сделать, если все время мы проводили вместе, распивая белорусский самогон?

В итоге мы пришли к заключению, что Падшая женщина сама разделась и разрисовала свою грудь, ну и вырубилась. В конце концов, на то она и Падшая женщина, чтобы совершать такие поступки. Шмотки Падшей женщины куда-то пропали. Это, конечно, круто - отправиться на выезд с голой бабой, но - стремно. Весть о том, что в последнем отсеке общего вагона спит обнаженная девица, облетела пассажиров всего поезда.

В вагон завалилась группа пьяных дембелей.

- Чуваки, эта ваша подруга там спит?

- Наша.

- Что, она общая? Кто ее парень-то?

- А чего вы хотите?

- Ну мы это… из армии домой возвращаемся, может, познакомите нас с вашей девушкой.

- Чего, парни, ебаться хотите? Так бы и сказали. А что мы получим взамен? - Марина взял на себя переговоры с дембелями.

- У нас вот десять рублей и бутылка водки «Русская»…

- Подходит. Забирайте девушку - через два часа вернете живой и здоровой.

- А одежда-то где ее?

Марина пожал плечами.

- Ну вы, чуваки, бля, даете!

Тем временем Падшая женщина пришла в себя, и, похоже, ничуть, не удивилась тому, что она спала, выставляя напоказ свое

естество.

- Тебя ребята в гости приглашают, - сказал ей Марина. Падшая женщина кивнула, дембеля накинули ей на плечи френч, и ушли с девушкой, которой кто-то из нас успел дать кеды.

Через полчаса тот самый дембель, что договаривался с Мариной, ворвался в наш вагон, крича: «Она ебанутая, эта девица ваша!»

- Что случилось? - спросил Марина.

- Она кусается, дерется… Возвращайте деньги и водку!

- Когда вы ее уводили, она кусалась? Нет! Так какие претензии?! Тем более мы уже все выпили и потратили.

Поезд остановился на какой-то станции, и в наш вагон вернулась Падшая женщина в солдатской рубахе большого размера, она пробежала по платформе. Девица довольно улыбалась.

- Как я их развела, а? У вас есть что-нибудь выпить? Ну, налейте, парни, а то я замерзла.

Мы ей налили водки, кто-то из парней дал ей тренировочные, в которых она потом и разгуливала по белорусской столице.

В Минск прибыли рано утром, еще до рассвета, накрапывал дождь. Чтобы укрыться от непогоды, мы залезли в купейные вагоны, отогнанные в ночной отстой. Я расположился в одном купе с Мариной. Где-то за стенкой попискивала Падшая женщина, то ли ее кто-то трахал, то ли она чихала. А Марина посвящал меня в историю армейского фанатизма:

- Есть нормальные команды, тот же «Зенит» - в принципе команда нормальная, а есть - «мясо». Одного только не пойму, зачем фанаты «Зенита» дружат с «мясниками»? «Мясники» - это же ублюдки, Ара! Они не держат слова. Как-то мы с ними договорились биться десять человек на десять человек. Мы сдержали слово, а их приперлось человек двадцать, да еще и с арматурой. Кто они после этого? И ты знаешь, «Спартак» никогда бы ничего не завоевал, если бы за него не болели люди из Политбюро.

Затем Марина начал читать антиспартаковские стихи:

И говорил Олег Романцев,
Что родом он из мексиканцев.
Какой ты, на хуй, мексиканец!
Ведь ты ж «спартаковский» засранец!

- Классные стихи! Только я не понял, при чем тут мексиканцы? Ведь Романцев не похож совсем на мексиканца…

- Да это так… для рифмы… Играть-то он все равно никогда

не умел. Или вот еще послушай:

Мясник, ты снова рвешься ввысь.
Смотри, мясник, не наебнись,
Ведь в 78-м году
Ты вылетал уже в пизду.

- Здорово, Марина! Просто здорово!

- А как тебе это: «По воротам бил Хапсалис - на трибунах все уссались».

- Просто супер, Марина! Хапсалис - тот еще мазила. А на хоккее вы чего-нибудь распеваете? Как поддерживаете игроков?

- Да те же шизовки, что и на футболе, кричим. Но есть одна специальная песня:

И снова армейцы выходят на лед.
Огромный город победы их ждет.
Дроздецкий Коля свой гол забьет,
И наши армейцы выйдут вперед!

Песню надо было петь на мотив советского шлягера «Наш мир непрост». «Классно переделали!» - подумал я и решил, что для СКА эта песня тоже подходит, достаточно лишь поменять Колю Дроздецкого на Колю Маслова. Мне удалось привить традицию петь эту песню на матчах СКА, а когда в Ленинград вернулся доигрывать мега-звезда советского хоккея Николай Дроздецкий, то можно уже было ничего и не переделывать.

Из-за стенки перестали доноситься писки Падшей женщины. Я и Марина постепенно проваливались в сон. Проснулись мы от криков в коридоре вагона: «Стоять! Всем на пол! На пол все легли! Куда, сука?!» Спросонья я не сразу разобрался, что стряслось, отворил дверь купе и тут же упал от сильного удара в грудь. Падая, ударился головой о столик и потерял сознание. Очнулся я от того, что меня кто-то бил по щекам, этим кто-то оказался мент.

- Давай вставай, вставай, быстро!

Я поднялся. Марины рядом не было, как потом я узнал, он сумел быстро открыть окно, выпрыгнуть и убежать. Ведь если бы его взяли менты, то на свободе он бы оказался не скоро - за грабеж в совке давали большие сроки.

Марина потом объявился в Ленинграде. Не знаю, каким образом, но он потерял штаны и ходил в хлопчатобумажных тренировочных с пузырями на коленках. Он спросил, нет ли у меня штанов, которые я мог бы ему подарить. У меня были

штаны, мне они достались от моего родственника, московского модника, но я в них ходить не решался, это были серые брюки в клетку, а гульфик не закрывался клапаном. Но Марине они понравились.

- На тебе взамен, - сказал он, и снял с себя джинсовую куртку. А джинсовая куртка по тем временам была большой ценностью. В ней я проходил аж до второго курса института.

Что до той облавы в Минске, то нас вычислили работники железной дороги и сообщили ментам. Правда, все обошлось. Менты проверили наши документы и всех отпустили.

- В вагоны только больше не залезайте, сидите в зале ожидания, - сказал, выдворяя нас, добродушный пожилой мент.

Естественно, небольшие проблемы возникли у Падшей женщины: документы она потеряла вместе с вещами. Падшая женщина провела в пикете на час больше, чем мы.

- Парни, дайте закурить, а то я устала, - только и сказала она, когда села рядом с нами. Ее и без того грязные тренировочные были заляпаны пятнами слизи.

В моем послужном списке есть уникальный выезд - Таллин, куда в октябре 1985 года были перенесены два домашних (!) матча СКА. Ни до, ни после этого в Таллине матчи хоккейного чемпионата Союза не проходили. В Эстонию я поехал вдвоем с приятелем, далеким от околоспортивных дел. Он просто поехал со мной за компанию - развеяться перед службой в армии. Мы три дня провели в Таллине, от нечего делать обошли все музеи. На ночлег нас приютила команда, защитник Игорь Евдокимов отдал мне свой матрац, и я спал на полу в его номере.

Первый матч был с московскими «Крыльями Советов». Из Москвы приехал основной фанат «Крыльев» по кличке Профессор, его сопровождали две девицы - просто секси. Не знаю почему, но за «Крылья» фанатело много красивых девиц. Может, их привлекало название команды, где присутствует романтичное слово «крылья»? Не знаю, но факт остается фактом. Профессор в фанатской среде пользовался репутацией интеллигента - носил очки, хорошо разбирался в истории хоккея, очень уважительно относился к соперникам любимой команды. Мы с Профессором были хоро-

шими приятелями, он писал мне письма в армию, потом наши пути разошлись, а недавно мы вновь увиделись, когда он приезжал в Питер на матч «Крылышек» со СКА. Он почти не изменился. Постарел, конечно. Но покажите мне человека, который помолодел за двадцать с лишним лет жизни.

В Таллине я сумел подключить к поддержке СКА целый взвод курсантов военного училища.

- Ребята, вы же будущие офицеры, а СКА - армейская команда. Так что вы просто обязаны подержать ее, а не «Крылья». Я буду заводить «А-р-р-р…», а вы подхватывайте: «…мей-цы с Невы!» Поняли, да?

Курсанты кивали бритыми головами в знак согласия. В итоге они вошли в такой раж, что почти все охрипли. В общем, я сумел организовать отличный суппорт. Профессор и его секси-девицы напрягали все силы, крича «Кр-р-ы-лья Со-ве-тов», но их почти никто не слышал. Мы их перекричали, что и признал Профессор двадцать один год спустя.

Описывать все мои выезды нет особого смысла. Все они похожи друг на друга. И все они связаны с нарушениями закона: безбилетным проездом, драками, мелким воровством. Особым шиком считалось уехать на выезд без гроша в кармане, без билета, спонтанно, просто взять и рвануть в другой город на какой-нибудь матч, неважно какой, даже без участия твоей команды - это вообще: высший пилотаж. Я, правда, предпочитал покупать билеты. Но и мне пришлось «вписываться» безбилетником в поезда по дороге из Киева, Воронежа, Минска. И в этом тоже был свой кайф - проехать из конца в конец огромной страны, преодолеть тысячи километров без билета, на третьей полке.

Вильнюс, Рига, Таллин, Киев, Минск, Одесса, Тбилиси, Кутаиси, Горький, Калинин, Москва - в этих городах (и не один раз) я побывал исключительно благодаря тому, что приобщился к движению ультрас. И еще: разъезжая с фанатами по стране, я научился выживать. Этот навык пригодился мне в армии.

Сейчас я понимаю, что рисковал в один прекрасный момент оказаться в канаве с проломленным черепом или за решеткой, да и тогда я это понимал. Но я не жалею. Не жалею, что прошел через все это, общался с ребятами, которые намеренно вели себя, как последние отбросы общества. Без выездов нет фанатизма. Выезды - это путь в настоящий фанатизм. И я прошел этот путь.

ГЛАВА 6
ТОЛЬКО ПРАВЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО

- Я выбегу из кустов и ударю их главаря в рыло. Вон того, видишь, в синем путяжном пиджаке. Да вон же он - в середине идет. Как только я это сделаю, вы наброситесь на их задние ряды. Понятно, да?

Противогаз кивнул головой, мол, все ясно.

- А ты один-то справишься? Этот чувак в пиджаке здоровый вроде…

- Да сколько раз мы так делали, и всегда срабатывало. Это же леваки! Шушера. Сколько раз мы их гнали! И сегодня погоним!

По центральной аллее парка со стадиона возвращалась толпа малолеток, переворачивая скамейки и урны. Мы еще на выходе со стадиона заметили, что они сбиваются в стаю, и бегом добежали до того места, откуда обычно нападали на леваков. Тактика простая - вырубить вожака и одновременно ударить по задним рядам толпы. Главное, добиться морального перевеса, положить кого-нибудь, чтобы нагнать жути на остальных - и погнать, раздавая пинки убегающим. Нас никогда не было больше десяти-тринадцати человек, а разгоняли мы целые толпы. Мы так развлекались после домашних матчей «Зенита» - били гопников, которые посмели возомнить себя фанатами.

Толпа приблизилась. Я поцеловал армейский щиток, приколотый к джинсовой куртке и с криком «Армейцы с Невы!» прыгнул ногой вперед и врезался в строй зенитовской леваты, задел кого-то, но не сильно. От неожиданности толпа просто расступилась. И я оказался перед их заводилой. Но на его лице, изъеденном жидкой себореей, я прочел не испуг, а возмущение.

Мой удар кулаком пролетел мимо, парень умело по-боксерски увернулся, и попытался нанести мне боковой удар в челюсть, но я в последний момент успел закрыть лицо тыльной стороной плеча. Дело приняло скверный оборот. Леваки, видя, что их лидер не дрогнул, пришли в себя и взяли меня в плотное кольцо.

- Ты чего, конь? Охуел?! - лицо заводилы, которого я должен был вырубить, свело судорогой, отчего два-три прыща лопнули, и из них потек желтый прозрачный гной.

В этот момент наши ребята ударили сзади, но их атака захлебнулась. Парень с себореей на роже попытался ударить меня в пах, но я успел повернуться к нему боком и схватить его ногу, а своей левой ногой нанес ему два резких удара под колено, он

повалился, сдавленно произнеся: «Бля, сука конская». Мне ничего не оставалось делать, как отбросить его и добить. Но добить я его не успел. Кто-то ударил меня в зубы, и удар был таким сильным, что я даже не почувствовал боли. Меня просто послали в нокдаун. Кровь из губ закапала на джинсы и асфальт. Я сплюнул - вместе с кровавой слюной изо рта вылетел кусок зуба. Толпа напирала, эхом в моих ушах раздавалось: «Зенит», «Зенит»! Они победили. Нужно было выбираться из толпы леваков, пока не пришел в себя их главарь. Краем глаза я заметил, как слева, орудуя локтями, ко мне пробирается здоровый Сократес, он взял меня за плечо:

- Ара, уходим!

Но меня держали за куртку чьи-то руки.

- Куда, бля! - заорал кто-то под ухом.

Все еще, не придя в себя, я наугад отмахнулся локтем и угодил в чье-то рыло, наверное, в лицо того, кто держал меня. Так или иначе, я освободился и рывком сумел выскочить из вражеской толпы. Меня подхватили наши ребята, и мы убежали.

- Ара, я же тебя спрашивал, справишься один или нет! - укорял меня Противогаз. Копеечник с сочувствием смотрел на мои расквашенные губы.

- Всегда же справлялся…

- Надо было тебе вдвоем с Сократесом прыгать… ты же видел, какой бык их заводил.

- А вы чего, сзади не смогли продавить их?

- Нет. Мы прыгнули и отскочили. Они дали отпор. А когда мы поняли, что тебя мочат, побежали тебя отбивать, - объяснил Противогаз.

Наш смешанный армейско-зенитовский отряд потерпел первое поражение от леваков. В тот вечер возвращавшиеся с футбола гопари разбили несколько трамваев, витрин магазинов и плафонов освещения на эскалаторе станции метро «Петроградская» и, конечно, перевернули по пути бессчетное количество урн и скамеек. Менты получили повод для репрессий против фанатов. На матчи больше не пускали в цветах, на трибуне запрещали заводить, а к тем фанатам, что успели попасть на учет, домой стали наведываться участковые милиционеры.

Сейчас иерархия в фанатской среде очень запутанная. «Грядка» делится на «фирмы», а фанаты - на ультрас и хулиганов. Мол, ультрас - это те, для кого на первом месте поддержка команды, а на втором - драки с противниками, а хулсы - это те, у кого на первом месте драка, а потом уже все остальное. Причем сами хулиганы тоже распадаются на подвиды: на собственно хулиганов и карланов (так называют тех, кто еще должен показать себя в деле).

Об этом много книг написал англичанин Дуги Бримсон, и я не буду останавливаться на вопросах околоспортивной социологии. Просто хочу сказать, что раньше, когда движение только зарождалось, было все проще и сложнее одновременно. Проще - в смысле деления. Фанаты делились на правых и левых. Правыми считались те, кто ездил за командой, а левыми - те, кто никуда не ездил, а если и ездил, то не дальше Москвы, зато после домашних матчей устраивал погромы.

Но зарекомендовать себя правым фанатом было очень сложно. Учитывалось не только, сколько человек пробил выездов, но и куда он их пробивал. Московские выезды не котировались - слишком близко. Зато достаточно было совершить один вояж в Ташкент или Баку, чтобы стать на секторе легендой. Но и это еще не все. На выезде важно было показать себя должным образом. Тот, кто не делился с товарищами деньгами, покрывал себя позором, и неважно, куда он ездил - хоть на край света. Но и нельзя было допустить, чтобы тебя «обули» - опустили на деньги или шмотки. Когда дело доходило до драк, то важно было показать, что ты не боишься огрести, словом, не показать спины. Само умение драться особенно не ценилось. Хорошо, конечно, если парень умел драться - это учитывалось, но не более. И главное, надо было всячески выказывать презрение к ментам, а в случае задержания - вести себя достойно, не канючить, мол, я ни в чем не виноват, дяденьки, отпустите.

Среди правых фанатов действовало и еще одно строгое правило: дома не устраивать погромов. Никакого вандализма во имя любимой команды! Тот, кто нарушал это правило, автоматически выпадал из числа правых.

Что касается леваков, это были обычные го-пари, которые, как я сказал, за командой не ездили, но зато нападали на правых фанатов из других городов, а после футбола крушили все вокруг.

На стадионе имени С. М. Кирова правые фанаты (и те, кто на них ориентировался) собирались на 33-м секторе, а левые занимали 40-й сектор за воротами, 47-й, который располагался как зеркальное отражение 33-го, и 21-й, тоже боковой, справа от центрального входа. То есть леваков было больше.

Основным на 47-м секторе был парень с погонялом Монах. Так его прозвали за длинные волосы, одевался он как типичный хиппи, даже хайратник носил. С Монахом на выездах я не пересекался, за командой он ездил редко, и все свои выезды совершил еще до того, как я стал фанатом. На 33-м секторе его уважали как одного из олдовых фанов, кроме того, он был своего рода местной достопримечательностью: фанат и хиппи одновременно! Это все равно что быть котопсом. Правда, на 33-м

секторе был парень, вроде Монаха, тоже фанато-хиппи по кличке Хайраст. Хайраст, кстати, пробил много выездов, долгое время находился в движе, но такой известности, как Монах, не добился. Монах был более колоритным, что ли.

Однажды я сходил на 47-й сектор, чтобы сравнить их порядки с теми, что были приняты на 33-м. Монах появился на секторе перед самым началом матча, кругом зашептали: «О, Монах, Монах идет!» Зашептали с таким чувством, с каким, наверное, перед смертельным боем из уст в уста махновцы передавали весть: «Батько с нами!»

И я обратил внимание, что Монах даже не заводит сектор, просто сидит и смотрит футбол, а заводят другие ребята. На 47-м секторе никто не косился на меня, мол, что за кекс заявился, никто не пытался «одолжить» денег, как бывало вначале на 33-м. Но все равно - на 47-м мне не понравилось - отдавало какой-то лажухой.

Что касается Монаха, то в конце 80-х он превратился в хэви-металлиста, я его частенько видел у «Сайгона» (кафе на пересечении Владимирского и Невского проспектов), а потом он стал директором одной из первых ленинградских металлических рок-групп. Сейчас этот человек на жизнь зарабатывает портняжным делом, увлекается реконструкторством, шьет точные копии мундиров армий разных эпох.

Левый суппорт тоже отличался от правого. Не знаю почему, но на 33-м никогда не кричали: «Родились двойняшки - сестренка и брат. Их первое слово "Зенит" - Ленинград!» Зато на левых секторах эта речевка пользовалась большой популярностью.

На 33-м секторе старались копировать западный суппорт: пели гимн, песни, раскачивались, держа друг друга за плечи и распевая «ша-ла-лай-ла, э-эу. "Зе-нит"!».

Но весь этот «западный» суппорт просуществовал до тех пор, пока леваки не начали устраивать погромы после матчей. На следующий сезон после чемпионства «Зенита» гопники поперли на футбол, они приходили на стадион целыми путягами. Как-то на 40-м секторе я увидел баннер, точнее - простыню, на котором было написано: «"Зенит"-110».

- А чего это значит? - спросил я в перерыве у одного из тех пареньков, что этот баннер поднимали.

- Как чего! 110-я путяга!

Наверное, именно тогда начал зарождаться процесс образования «фирм». Сейчас, как я знаю, любой может собрать вокруг себя человек десять-пятнадцать из своей округи - и вот тебе «фирма».

И ладно, если бы всё баннерами и заканчивалось. Но гораздо

хуже было то, что леваки прыгали на фанатов, которые приезжали в Ленинград. Им было наплевать на расклады, которые были приняты в среде правых фанатов. А правые фанаты из разных городов дружили друг с другом - в те годы существовала единая фанатская субкультура, что ли. Правда, «зенитчики» враждовали с московскими армейцами. Киевляне недолюбливали минчан, и наоборот. Фанаты московского «Спартака» соперничали с фанатами ЦСКА. Но эта вражда никогда не выливалась в массовые побоища с поножовщиной и прочим говном. Главными врагами фанатов в то время были менты и мужичье, которое не признавало правила игры, принятые среди фанатов.

Так или иначе, киевляне, минчане, воронежцы, приезжая в Питер, были уверены, что их никто пальцем не тронет, коли зенитовские фанаты - их друзья. Однако левакам было наплевать на все эти отношения, они действовали по простой логике: «Чужой? Получи!» В принципе леваки вели себя как ударный отряд мужичья (тех, кого сейчас называют Кузьмичами). Из-за них правые фанаты из других городов предъявляли претензии питерским правым: мол, эх вы, стадион под контролем не держите…

А погромы, учиненные леваками, развязывали руки ментам. Теперь достаточно было надеть шарф или свитер с цветами команды, чтобы оказаться в кутузке.

Нас гнобили и до выходок леваков. Но после погромов мы попали в милицейские черные списки, против нас была развернута настоящая кампания. Газеты, которые до этого делали вид, будто такого явления, как фанатизм, не существует, разразились целой серией статей, где плохие фанаты-бездельники противопоставлялись хорошим комсомольцам-ударникам, строителям БАМа, которые если и приходили на стадион, то болели преданно, но сурово. Начинались статьи с одного и того же рассказа (с небольшими вариациями), мол, ехал ветеран войны в трамвае, вдруг в вагон врываются фанаты и начинают все крушить. Самое обидное, что такие сцены действительно имели место. Выступил и прогрессивный поэт Евтушенко: в «Литературной газете» появилось его большое стихотворение против фанатов, в конце которого были такие строчки: «Беги, мальчишечка, свой шарфик спрятав, и от фанатиков и от фанатов».

Как-то летом 1985 года я с ребятами шел на матч, с нами была девушка Аня в сине-бело-голубом свитере. На входе нас остановил мент:

- В таком свитере нельзя.

- А почему?

- Нельзя и все.

Мимо нас на стадион прошел помятый мужик лет тридцати пяти, и его никто не остановил, понятно - не фанат.

- А если я сниму свитер, пустите? - спросила девушка.

- Ладно, давай снимай и проходи.

Аня сняла свитер, под которым оказалась футболка той же расцветки.

- Дальше снимать? - с вызовом она спросила мента.

- Было бы на что смотреть! - криво ухмыльнулся легавый.

- Да ты - хам, жлоб! - не выдержал я, и меня тут же уволокли в пикет при стадионе, где и продержали до конца матча.

В общем, питерские правые фанаты обрели врага в лице земляков-леваков. Нужно было что-то с этим делать. Я, Смолин и Сократес решили создать объединенный армейско-зенитовский боевой отряд и нападать на леваков после матчей «Зенита». Смолин так воодушевился, что даже переделал слова песни «Машины времени» «Битва с дураками», я не помню весь текст, помню только, что припев заканчивался строчкой: «Сегодня битва с леваками». В стычках с удовольствием участвовал Фюрер (Дюрер), несмотря на то, что он никогда не отличался умением драться. Битв с леваками у нас было немало, и мы, действуя внезапно и нагло, всегда выходили победителями. Главное - вырубить горлана, и одновременно ударить колющими ударами с разных сторон. Мы пользовались эффектом внезапности - леваки не ожидали нападения дома. Они считали себя хозяевами положения, а тут такое!

И лишь однажды я переоценил свои силы, зато, проводя следующие наши атаки, мы действовали злее, и если кто-то попадал в наши руки, то он оставался лежать. Весть, что после матча на фанатов «Зенита» нападает какая-то «конская банда» распространилась на левацких секторах. Началась взаимная охота. Однажды жертвой нападения леваков стал армеец Противогаз. Но мы за него отмстили в тот же вечер.

Видимо, кто-то из леваков после встречи с нами пролежал слишком долго, в общем, о драках прознали менты. И мы вынуждены были затихнуть до осени, до начала хоккейного сезона.

На хоккее было несколько стычек с леваками, которые заявились на матч СКА в сине-бело-голубом шарфе или сине-белом (многие леваки делали себе двухцветные шарфы, искренне полагая, что цвета «Зенита» - синий и белый).

Так или иначе, фанатская субкультура начала сильно беспокоить ментов. За нами следил специальный отдел МВД, а

непосредственно занимался нами капитан с церковной фамилией Успенский. Правда, на священника этот капитан совсем не был похож. Похож он был… похож он был на мента: грубые черты лица, выпуклые надбровные дуги, усы подковой. Как-то он вызвал меня к себе на Литейный «для профилактической беседы».

- Так, Жвания, расскажи, когда ты начал бродяжничать? - спросил он меня таким тоном, как будто его все смертельно достало: я, его кабинет, его работа.

- Не понял.

- Чего ты не понял, а? Чего ты, бля, не понял? - Успенский в одно мгновение из флегматичного сыщика превратился в «злого следователя». - Ты безбилетником уже полстраны объездил! Думаешь, я не знаю этого? Вот недавно из Киева ты вернулся, опять же - без билета обратно добирался. Я все знаю. Ты - бродяга! Твое место - в спец-ПТУ. Понял, на хуй?! Как вы мне все надоели - уебки.

Я молчал. Мне было всего семнадцать лет, и я еще не знал, как себя вести в ситуации, когда мент внезапно начинает быковать. А из книжек о революционерах я знал, что на допросах лучше молчать, чтобы не взболтнуть лишнего. В принципе и сейчас я бы себя повел так же - молчал.

- С кем ты ездил в Киев? - продолжал Успенский уже спокойным, вкрадчивым голосом. - Я знаю это и без тебя, просто я хочу, чтобы ты мне это сказал. Понял, да? Иначе - в спец-ПТУ, Жвания.

- Я ездил один, а ребят, которые приехали из Ленинграда в Киев, я не знаю. Я же не фанат «Зенита», я за армейцев болею, за ленинградский СКА… А в Киев я ездил, чтобы просто развеяться, со знакомыми отца повидаться…

- Значит, ты не хочешь себе помочь, не хочешь… А чего ты, кстати, за СКА болеешь? Все за «Зенит», а ты за СКА? Хочешь быть первым парнем на деревне?

- Нет, просто мне хоккей нравится больше, чем футбол.

- Хоккей, говоришь, нравится. А чего тогда на матчи ЦСКА ездишь?

И Успенский бросил на стол фотографию, где я запечатлен рядом с Анзором, одним из лидеров московской армейской «грядки», на трибуне стадиона «Динамо» на армейском дерби ЦСКА-«Звезда»(Джизак).

- Кто это рядом с тобой?

- Не знаю. Я случайно на этом матче оказался. Я гостил в Москве у родственников и решил сходить на матч ЦСКА, интересно все же, как они в первой лиге-то играют…

- Опять врешь! Ты думаешь, я не знаю этого парня, он тоже

грузин, как и ты, и тоже в красно-синих тряпках ходит… Он и его дружки скоро сядут, это я тебе обещаю, а ты вслед за ними сядешь. Тебе скоро восемнадцать?

- Да.

- Так по тебе взрослая зона плачет.

Я испытывал противоречивые чувства: я гордился собой - если за мной следит специальный отдел, значит, я стал-таки настоящим фанатом, одновременно мне было грустно, я был подавлен всем происходящим, мне хотелось, чтобы дверь кабинета открылась, появился отец и увел меня туда, где нет Успенского, его мудацких ментовских усов…

Успенский продержал меня еще минут пять, пострашал, а потом чуть ли не вышвырнул меня вон из кабинета, мол, пиздуй отсюда - до поры до времени.

Я рассказал о встрече с Успенским своей приятельнице Юле.

- Так он и меня вызывал недавно, пообещал отправить в спец-ПТУ.

На ближайшем домашнем матче «Зенита» выяснилось, что в кабинете Успенского побывала почти вся питерская выездная «грядка», то есть все правые фанаты. Ясно, что кто-то нас сдал, кто-то свой, тот, кто был рядом с нами все это время. Очень неприятная ситуация - ведь этим «кто-то» мог оказаться любой из нас.

Как-то, ближе к осени, «зенитчик» Черный заявил мне:

- Ара, а чего ты ездишь за «Зенитом»? Ты же за «коней» болеешь… Вот ты стал ездить, и нас Успенский сразу всех и вычислил…

Когда тебе такое предъявляют, нет смысла оправдываться, возмущаться, кричать «ты чё!», нужно сразу бить в рыло, что я и сделал. Удар у меня удался, прямой снизу - кулак угодил прямо под нос, из которого фонтаном брызнула кровь. На толстом лице альбиноса Черного отразились испуг, боль и удивление. Я не стал ждать, когда эта белобрысая жаба придет в себя, и ударил его носком ботинка под колено. Черный скорчился от жуткой боли.

- Ах ты, сука конская… - только и прорычал он.

Его нужно было добивать. Черный не был здоровым парнем - рыхлый высокий толстяк.

Но кто знает, как бы он повел себя в ситуации, когда терять нечего. И я ударил его коленом в пах. Черный рухнул на асфальт.

Дело происходило в Приморском парке Победы перед каким-то матчем дублеров. Стычка развивалась так стремительно, что никто из ребят не успел нас разнять или предпринять какие-либо другие действия.

- Ара, ты чего? - первым подбежал Корвалан, который

приятельствовал с Черным: тот и другой жили в Купчине.

Черный все еще валялся на асфальте, как мешок с говном. Меня обступили десять-двенадцать фанатов «Зенита».

- Это чего это делается, а? - орал кто-то сзади, кажется, Вагон. - «Кони» уже стали фанатов «Зенита» пиздить!

- Да, у Ары выездов за «Зенит» больше, чем у тебя, - вступился за меня кто-то.

- Черный заявил, что я стукач, работаю на Успенского… - объяснил я.

- Черный, ты чего, охуел, а? Ты чего гонишь, а? - стал возмущаться Кастет. - Я не на одном выезде спины Ары не видел, а ты, блядь, его стукачом называешь!

Альбинос все еще лежал на спине на асфальте, его откормленное лицо было залито кровью, он что-то прохрюкал в ответ.

- Чего?! Чего ты сказал?! - продолжал Кастет.

- Ара - покойник, - прохрипел Черный.

Я ухмыльнулся, ребята подняли Черного, отряхнули его, дали платок, чтобы он вытер свое рыло. Отойдя метров на пятьдесят, Черный повернулся в мою сторону и вновь крикнул:

- Ара, ты покойник! Слышишь, пони, ты покойник!

Я было дернулся, чтобы догнать его и повторить сеанс по обработке его тела, но на меня навалился Кастет:

- Ара, не надо, ты его отпиздил так, что он три недели кровью срать будет.

Наша стычка не была чем-то особенным, такие разборки часто происходили в нашей среде. Мы дрались друг с другом и мирились. Но моя драка с Черным была все же принципиальной. Чтобы не давать повода «зенитчикам» подозревать меня в доносительстве, я перестал посещать 33-й сектор, смотрел домашние матчи «Зенита» с центральных трибун.

- Ара, а чего ты на сектор не ходишь? - спросил меня Кастет на одном из матчей.

Я прямо объяснил почему.

- Да ты чего! Никто на тебя не думает. А стукачом Черный оказался, мы его давно подозревали, а тут он засветился. Короче, его фанатом-то менты сделали. Мы его вычислили! Хроник увидел случайно, как он выходит из Большого дома… а потом спросил, мол, Успенский-то тебя не вызвал? Он, мол, нет, не вызвал. Сразу все понятно стало. Мы его прижали, зарядили несколько раз по яйцам, и он все выложил, признался во всех грехах. Оказывается, он попался на фарцовке, и его поставили перед выбором: либо стучишь на фанатов, либо садишься… А на тебя он спецом стрелки переводил, мол, это Ара стучит, иначе

зачем он, «коняра», на «Зенит» ездит?

И все же был один город, где менты нас реально защищали, - Рига. Выезды в столицу Латвии, а у меня их три, всегда были сопряжены с риском и нервотрепкой. В Риге нас никто не ждал с распростертыми объятиями: к русским в Латвии всегда относились не слишком дружелюбно. А мы мало того, что болели за российский клуб, так еще и за армейский. Латыши реагировали на наши звездные флаги еще яростней, чем быки на красный плащ матадора. «Оккупанты! Вон отсюда!» - кричали они в ответ на наши речевки. Нас, правда, это только раззадоривало, и мы, напрягая глотки, кричали: «От Невы до Британских морей Красная армия всех сильней!» Нас заглушали свистом, улюлюканьем. Но мы пели, мы орали, что было мощи. Это так приятно - отдать за любимый клуб всю силу легких! Наши игроки, слыша и видя, что происходит на трибунах, шли вперед - и забивали. «Вы поддерживали нас, а мы своей игрой вас, - говорил мне после одного из матчей в Риге наш нападающий Слава Лавров. - Это была не игра, а сражение». Я три раза был на выезде в Риге, и два выезда - победные.

Выезды в Ригу осложнялись еще и тем, что против нас была настроена и служба безопасности местного стадиона. Нас гоняли с сектора на сектор, разбивали на группы. И это несмотря на то, что мы занимали места согласно купленным билетам. «Покажите билеты», - требовали дамочки-билетерши после того, как мы заряжали армейские речевки. Мы показывали. «Вы сели не на свои места». «Как не на свои? На свои». Но дамочка убегала с нашими билетами и возвращалась с представителем службы безопасности стадиона. Дюжие латыши начинали вытаскивать нас с трибуны.

И вот, когда я был на рижском выезде второй раз, в начале 1987 года, за нас неожиданно вступились менты.

- Что здесь происходит? Покажите их билеты! - приказал билетерше милицейский офицер.

«Только ментов не хватало, сейчас вообще выведут со стадиона, пропал выезд», - подумал я.

- Что вы тут вытворяете? Ребята сели на свои места! Оставьте их в покое! - продолжал командовать милицейский офицер. Его внешность и голос показались мне знакомыми, я присмотрелся - так это же Вадик Калманович! Вадик учился со мной в одной школе на два класса старше меня. Я знал, что после школы он поступил в высшее военно-политическое училище. Но все же увидеть его здесь - в рижском ледовом дворце - я не ожидал. Вадик понял, что я его узнал и подмигнул мне.

- Значит, так. Ребята из Ленинграда остаются здесь, на этой

трибуне, а оцеплять их будут мои бойцы, - отчеканил он билетершам и охранникам. Нас оставили в покое, и мы отлично отшизовали весь матч. Правда, во время перерыва нас не выпускали, но это мелочи. После матча до вокзала мы доехали в сопровождении взвода Калмановича.

- Местом службы я в принципе доволен. Все же Рига - цивилизованный город. Да и дивизия имени Дзержинского, сам понимаешь - элитная. Но как мне надоел местный национализм! - говорил мне Вадик по дороге. - Мы здесь все время на хоккее дежурим. Так я всегда против рижского «Динамо» болею - назло местным. А вас защитить для меня вообще - дело чести.

Тем временем местные парни в кепках, как у солдат Вермахта, шли за нами по пятам. Вадик и его бойцы из дивизии Дзержинского довели нас до вокзала.

- Мы должны ехать обратно, - сказал Вадик, - держитесь тут как-нибудь сами.

Я тепло попрощался с Калмановичем. В зале вокзала стояли парни, которые пришли сюда явно не за тем, чтобы узнать расписание или купить билет на поезд. Они нагло смотрели на нас, а потом открыто стали насмехаться над нами, когда Калманович и его взвод уехали. Наш поезд уже подали. Чтобы попасть на перрон, надо было пройти по туннелю.

Как быть? Мысли крутились, как барабан в стиральной машине. Понятно, что в туннеле нас ждут, иначе бы те, что за нами наблюдают в зале, не вели себя так вызывающе спокойно. Туннель - идеальное место для засады. Как только мы туда войдем, нас атакуют спереди и сзади.

- Выходим из вокзала, - сказал я ребятам.

Мы вышли на свежий воздух. На привокзальной площади толклись люди, подъезжали и отъезжали такси, автобусы. До отправления нашего поезда оставалось минут двадцать.

- Значит, так. Мы все сейчас пойдем на перрон. Все, кроме Лехи Малышева, Остапа и Феномена. Латыши вряд ли нас считали по головам, и подумают, что мы идем на поезд всей бандой. Понятное дело, в туннеле нам придется несладко. А вы, - обратился я к троице, - побежите в туннель минуты через три после нас, кричите что есть сил, пусть латышские нацики решат, что вас человек десять. Пинайте их, бейте ногами. Леха, у тебя есть ремень с пряжкой? - Леха кивнул. - Отлично, размахивай ремнем. От неожиданности нацики испугаются, опешат, и у нас появится шанс прорваться на перрон и сесть на поезд.

Наверняка можно было найти другое решение - я не мастер уличной войны. Но тогда в Риге все прошло, как я и предполагал. Чуваки в вермахтовских кепках устремились за нами. В туннеле

нас ждали человек двадцать. Мы бежали на них, и даже сумели смять их первый ряд. Правда, латышский кулак попал мне в ухо, в голове зазвенело, но ориентацию я все же не потерял. Мы были с сумками, и это, конечно, затрудняло наши движения. Тем не менее я сумел зарядить в чье-то белобрысое рыло, из которого тут же потекла кровь. Наконец сзади я услышал истошный крик: «Армейцы с Невы!» - в дело вступил наш «засадный полк». Латыши засуетились. Я получил легкий поджопник, но не стал обращать внимание на такой пустяк, а, работая локтями, устремился к лестнице, которая вела на перрон. Передо мной возник какой-то латышский малолетка с испуганным лицом, я ударил его коленом в пах, он обмяк и упал мне под ноги. Драка не прекращалась. Латыши нас не отпускали. Мы бились с ними, пробивая себе путь наверх. Пассажиры в страхе пробегали мимо. Вся наша дерущаяся толпа оказалась-таки на перроне. И как же я удивился, когда увидел на платформе целый взвод ментов, только это уже был взвод обычной местной - вокзальной - милиции.

Ясное дело, менты вошли с нациками в сговор. Нацики должны были нас отметелить в туннеле, а менты подобрать нас и запереть потом суток на пятнадцать. Иначе менты спустились бы в туннель, так как испуганные пассажиры не могли не сообщить им, что под землей идет жесткая драка. То, что побоище выплеснулось на перрон, нарушило коварные планы ментов. Они засвистели, окружили нас, латышей в кепках увели, а нас стали заталкивать в поезд. Проводницы кричали ментам, что не пустят нас в поезд, пока мы не покажем билеты, а менты им кричали в ответ: «Сажайте, а то они поезд разгромят!» Они нагло врали, громить поезд не входило в наши планы. У нас были билеты, и мы их предъявили, как только такая возможность представилась. Нас, конечно, помяли, но мы все равно чувствовали себя победителями.

Кстати, уже осенью того же года, в начале следующего сезона, мы устроили в Риге настоящий погром. Нас было сто двадцать человек. После победного матча мы прошли по латышской столице с армейскими флагами, распевая красноармейские песни и крича «Армейцы с Невы!», а потом отмолотили на вокзале местных бедолаг в дурацких кепчонках.

Как только проводницы поняли, что мы не представляем для них никакой опасности, они начали нас жалеть, разглядывая гематомы, ссадины и царапины на наших лицах. Они хлопотали вокруг нас, давали полотенца, смоченные холодной водой, чтобы мы приложили их к синякам и ушибам. Одна из проводниц, очень высокая латышка, как это ни странно, со жгуче-черными

волосами, буквально не отходила от Остапа.

- Ой, бедненький. Это же надо, как тебе досталось. Голова, наверное, болит. Иди полежи в моем купе, чтобы тебе никто не мешал.

Остап был смазливым парнем, пока не спился, и девицы к нему липли. Проводнице не пришлось его долго упрашивать, он отправился в ее купе, где и остался до самого прибытия в Питер. Естественно, как только долговязая проводница заполучила Остапа, она оставила нас на произвол судьбы, и мы сами себе зализывали раны.

На Варшавском вокзале нас уже ждали питерские менты. Они оцепили нас и отвели в пикет. В милиции нас продержали часа два - достаточное время, чтобы насладиться рассказом товарища о проведенной им ночи.

- Парни, она такая длинная, что на полке не помещается. Трахать ее в обычной позе неудобно, - делился с нами Остап. - Пришлось ее нагнуть, так, чтобы она легла грудью на столик. Короче, отодрал стоя сзади, а она что-то все время шептала по-латышски.

- Один раз всего, что ли? - спросил Феномен, сверкая огромным фонарем под глазом.

- Нет. Значит, лежу я на полке, она входит, садится рядом, дай, говорит, проверю, нет ли у тебя температуры. Поцеловала меня в лоб, а потом в губы…

Остап мечтательно замолчал.

- И что дальше? - не отступал Феномен.

- Дальше она меня спрашивает, а здесь у тебя не болит, а сама руку в штаны мне запустила… Расстегнула молнию и взяла в рот… Скажу вам, парни, отсасывает она умело, языком работает так, что сперма в яйцах закипает. Короче, за ночь я ее три раза трахнул.

- Повезло тебе, - мрачно произнес Феномен.

Остап и Феномен были друзьями, оба жили где-то в Купчине. За смазливым Остапом девицы охотились, и он без труда получал сексуальное удовлетворение. На морде же Феномена отразилась вся нездоровая генетика его предков. И девушки не горели желанием впустить его в себя. Понятно, что Феномен злился, когда его друг рассказывал о своих сексуальных успехах (кстати, недавно мне сообщили, что Феномен умер от пьянства).

Мы узнали практически все интимные тайны латышской проводницы: цвет ее трусиков, особенности ее лобка, размер ее груди и многое другое. Мы только не понимали одного, почему все эти подробности мы узнаем, сидя в ментовском «обезьяннике» на Варшавском вокзале. За что нас задержали, если с нашими

документами все в порядке? В чем мы провинились, если единственным внешним отличием от толпы было то, что на нас - красно-синие шарфы?

ГЛАВА 7
КОМАНДА, БЕЗ КОТОРОЙ МНЕ НЕ ЖИТЬ

В армию я уходил, когда за СКА фанатело человек пять, не больше. Боялся, что без меня банда распадется. Первые полгода я служил под Ленинградом, в Павловске. Однажды ко мне подходит дежурный по роте и говорит: «Слушай, с КПП звонили, говорят, к тебе брат приехал». Я отпросился на полчаса. Прибегаю на КПП - смотрю: человек десять в красно-синих розах, а Агитация стоит и улыбается. Я был счастлив, банда начала расти.

- Теперь ты на секторе - легенда! - улыбался Агитация.

А когда я уже вернулся из армии, весь сектор за воротами в «Юбилейном» был красно-синим, и появился он во многом благодаря мне. Это был мой сектор. Его создал я. Но вряд ли бы я создал коллектив, если бы не видел, что это нужно самой команде, игрокам, СКА.

- Вы где остановились, парни? Где ночевали? - спросил нас с Юрой Николай Маслов, капитан СКА, высокий усатый парень.

- На вокзале ночь перебились… - ответил я.

- Да вы чего, парни! Будете ночевать с нами в гостинице. Матрацы на пол кинем, на них и будете спать. А то - на вокзале! До следующего матча еще два дня…

Я верил, что команда нас приютит. И после того, как мои надежды оправдались, меня распирала гордость перед Юрой, с которым я учился на одном курсе в мореходке и который приехал в Таллин просто со мной за компанию. На хоккей Юре было положить, он просто искал приключения. Я говорил Юре, что игроки СКА ценят своих фанатов, не то что некоторые футболисты «Зенита», которые фанатов вообще не хотят замечать. И вот - подтверждение моих слов: благодаря игрокам СКА мы больше не будем ночевать в зале ожидания.

Я ощущал себя частью команды. Ведь именно я организовал армейский фанатизм в Ленинграде. Мне было очень тяжело в городе, где на фанатизм установлена сине-бело-голубая монополия, но я не сдался. Песни и речевки, которые придумал я, до сих пор кричат и распевают питерские армейские фанаты, даже не зная, кто их автор (правда, мне плевать на копирайт). Я был всегда вместе со СКА, не отворачивался от него даже после разгромных поражений, когда его высмеивали как сборище неудачников. Хоккеисты видели меня в красно-синем шарфе и с

флагом со звездой, как на домашней трибуне, так и на выездах. Я встречал их перед матчем и организовывал проводы после. Поражения СКА были моими поражениями, а победы СКА - моими победами. В этом смысле я с полным правом считаю себя бронзовым призером чемпионата СССР по хоккею 1987 года. Конечно, у меня нет медали. Но я вместе с командой проделал путь, точнее - восхождение, из подвала турнирной таблицы до ее третьей ступени.

После бронзового сезона тогдашний тренер СКА Валерий Шилов в интервью газете «Смена» сказал: «Обидно бывает за поведение ленинградских болельщиков. Команда бьется из последних сил, а они сидят, будто воды в рот набрав. И только наши верные друзья, мальчишки, что в "Юбилейном" собираются на трибуне за воротами, всегда поддерживают нас. Были они и во всех городах, где играла наша команда».

Мне кажется, и сами игроки считали меня частью команды. На своем первом выезде за СКА, а это был выезд в Воскресенск, я сразу отметил, что армейцы фанатов не чураются. Нападающий Слава Лавров дал нам три рубля на обед, а потом команда посадила нас к себе в автобус и довезла до Москвы. Если бы игроки СКА этого не сделали, местные гопы нас просто разорвали бы.

Еще круче развивались события в том же Воскресенске весной 1987 года. Армейцы сыграли вничью с Воскресенским «Химиком», и эта ничья обеспечила им бронзовые медали. А конкурентом в борьбе за место на пьедестале был именно долбаный «Химик». Мы приехали в Воскресенск в количестве пятнадцати человек, добирались окружными путями на автобусе. Не буду скрывать: на въезде в Воскресенск я посоветовал парням снять цвета, для нас важно было добраться до стадиона и поддержать СКА в ходе ответственной игры, а потом - будь что будет.

Матч выдался очень сложным, наши проигрывали, но им удалось сравнять счет, два красивейших гола забил Николай Дроздецкий, и армейцы после шестнадцатилетнего перерыва стали обладателями бронзы. Менты нас стали прессовать еще до начала игры, сразу после того, как мы начали заряжать, но потом отстали, просто оцепили и все.

После матча нас долго держали на трибуне, пока стадион не опустел.

- Да, ребята, не сладко вам сейчас придется, боюсь, не все из вас вернутся домой целыми и невредимыми, - сказал мент из оцепления и саркастически улыбнулся. - Но вы сами себе нашли на жопу приключения. Единственное, что мы можем сделать, - вывести вас со служебного входа.

Идя по переходам, мы столкнулись с каким-то высоким откормленным чуваком в дубленке.

- Из Питера, ребята? За СКА болеете? - спросил он меня довольно дружелюбным тоном.

- Да, из Питера, фанаты СКА, - ответил я, еще не веря в то, что наши взяли медали.

- Убить вас мало! - неожиданно бросил чувак.

Служебный вход был оцеплен металлическими ограждениями, за которыми толпились Воскресенские говнари - рыл сто, если не больше, видимо, молодые работяги с местного химического комбината.

- О, бля, вон они - питерские «кони»! - завопил мудила в шубе из черного искусственного меха.

- Да какие они, на хуй, «кони»! Пони, бля! - поправил мудака в шубе его товарищ - такой же мудак, только в «аляске», по всей видимости, сшитой местными Воскресенскими мастерами.

Толпа загудела матюгами. Менты, что стояли перед входом, подталкивая друг друга, залезли внутрь стадиона. Кто-то из ментов при этом от души пернул. Как назло, автобус с табличкой «СКА» стоял за ограждением. Чтобы добраться до него, нужно было пройти сквозь говнарей - задача нереальная.

Я не знал, что делать. Обратного пути нет, дверь за нами закрыли, а вперед идти - значит, сразу лечь костьми. Дверь служебного входа открылась, и появился Коля Маслов.

- Та-ак! Что здесь происходит, ребята? А, понятно… - Коля увидел скопище говнарей и быстро оценил ситуацию. - Подождите, ребята, немного.

Капитан СКА зашел обратно во Дворец спорта. Мы продолжали толпиться перед служебным входом, говнари дразнили нас, но за ограждение не заходили, менты наблюдали за происходящим изнутри стадиона, благо стены его были прозрачными. Я понимал, что мне нужно принять какое-то решение, и ребята ждут его от меня. Конечно же, я надеялся на то, что, как и в прошлый раз, команда нас возьмет с собой, а на игроков местные дебилы прыгнуть не посмеют.

- Что будем делать? - спросил меня Леша Малышев.

- Подождем немного еще. Если команда не заберет нас с собой, будем прорываться. А что еще делать?

И тут из Дворца спорта один за другим стали выходить хоккеисты СКА, держа в руках клюшки.

- Так, парни, мы вас сейчас оцепим и доведем прямо до гостиницы, а уже оттуда довезем на автобусе до Москвы, - объяснил нам Коля Маслов свой план.

И мы пошли. Хоккеисты держали клюшки двумя руками,

крюками верх, - на изготовке, если бы какой-нибудь вонючий гопник, он же - говнарь, попытался бы прыгнуть на нас, он получил бы в лоб хоккейным инструментом. Воскресенские идиоты не ожидали такого развития событий.

Я никогда не забуду тот случай. Больше я никогда не чувствовал ничего подобного. Это было полное единение игроков и фанатов, мы были одной командой: хоккеисты и те, кто с трибун поддерживал их и в дни побед и в дни поражений. Толпа говнарей расступалась перед нами. Уродам ничего не оставалось, кроме как кричать вслед нашей фаланге: «Конюшня!» Мы проходили сквозь них, как нож сквозь масло, не отвечая на оскорбления. Гордость за себя и цвета родного клуба - вот что испытывали я и мои друзья. Никогда больше красно-синяя розетка не грела так мою шею, как тогда в Воскресенске. Наверное, те же чувства, что пережил я после того памятного матча, испытывали фронтовики: гордость, чувство локтя, упоение опасностью и братство.

Я всегда презирал и презираю людей, которые выставляют на щит понятие «братство». Когда я слышу от какого-нибудь марксистского или анархистского придурка заявление о любви к людям, мне смешно и противно одновременно. Нельзя любить быдло, пошляков, трусов. И тот, кто говорит, что он любит людей, просто врет, и это вранье мне противно.

Я не люблю людей. Нет, я не мизантроп, конечно. Мне кажется, я способен на сострадание. Но я всегда отказывался брататься с абстрактными величинами: народ, нация, рабочий класс…

Зато я знаю, что такое настоящее братство. Я уверен, что если бы тогда в Воскресенске на нас напали говнари, мы бились бы до конца, как бывало не раз. Каждый из нас рисковал собой, своим здоровьем, лишь бы выручить товарища. И я готов был разорвать любого, кто посмел бы напасть на Малыша, Агитатора, Провокацию… Эти парни были не просто моими приятелями, с которыми я проводил время на хоккее, они были моими братьями, боевыми товарищами, вместе с ними я рисковал, отстаивая честь любимого армейского клуба. Сейчас я испытываю то же чувство к ребятам, с которыми я участвую в акциях. Ничто так не роднит, как вместе выработанный адреналин, как пережитая вместе опасность.

Как тут не вспомнить прекрасный отрывок из книги идеолога итальянской «Рабочей автономии» Антонио Негри: «Всякий раз, когда я надеваю пассамонтану (лыжная шапка с прорезями для глаз и рта, раньше ее надевали боевики, а сейчас с ее помощью закрывают свои лица ультрас. - Д Ж.), я тотчас ощущаю жар

пролетарского сообщества. Результат меня не волнует: каждый акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Возможный риск меня не тревожит, наоборот, я ощущаю лихорадочное возбуждение, как перед встречей с любовницей».

Тогда, весной 1987 года, мы пережили опасность вместе с командой, вместе с хоккеистами СКА, мы, фанаты, и команда стали единым целым.

Коля Маслов выполнил свое обещание: команда довела нас до гостиницы, а потом посадила в автобус. Правда, при посадке произошел небольшой инцидент. Водитель, видя, что в автобус садимся мы, запротестовал:

- Я их не повезу, будет перегруз, пусть сами до Москвы добираются.

Перед водилой вырос Николай Дроздецкий, легенда советского хоккея.

- Ты чего, мужик? - бросил он водиле. - Все возят, и ты повезешь.

Шофер решил не спорить с человеком, которого знала вся страна. Он стушевался и пробубнил:

- Ладно, но ответственность за них вы будете нести. Хулиганье всякое с собой возят… тоже мне - звезды…

- Попизди еще тут, - урезонил Дроздецкий водителя автобуса.

До Москвы мы добирались очень весело. Естественно, игроки позволили себе расслабиться. Одна за другой открывались бутылки с шампанским. Хоккеисты позаимствовали у нас красно-синие шарфы, и вели себя так, будто они фанаты: распевали песни, скандировали речевки.

- И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, - завел Слава Лавров, и его поддержал весь автобус: Моя северная столица, мой родной ленинградский СКА!

Затем кто-то из игроков зарядил:

- Краснознаменному!!!

И его тоже поддержали все остальные, мы, фанаты, и команда:

- Ордена Ленина, Спортивному клубу армии - слава! Слава! Слава! Ура-а-а!!!

Тренер Валерий Шилов не вмешивался в наше веселье. Конечно, он тоже был очень счастлив, ведь ему удалось вывести на пьедестал ленинградский клуб: впервые за шестнадцать лет!

В общем, команда отпраздновала успех, и надо быть ханжой, чтобы осуждать их за нарушение спортивного режима в тот вечер. Вратарь Сергей Черкас так набрался в автобусе, что его просто внесли в поезд. Слава Лавров высунулся из окна вагона и, тряся

красно-синим шарфом, кричал проходящим мимо девицам: «Девушки, а вы знаете, что мы - бронзовые призеры чемпионата по хоккею?!»

Команда забрала нас с собой и в поезд. И в этом не было ничего необычного. Как и много раз до этого, мы взяли баулы игроков и просто зашли с ними в вагон, а потом спрятались на багажных полках.

Интересно, что после такого выезда СКА выиграл два домашних матча, которые для него не имели уже никакого турнирного значения. Наши победили «Спартак» и еще кого-то, не помню кого. Но главное, что «Спартак» вынесли.

Помню, перед игрой со «Спартаком» я встретил нашего нападающего Михаила Панина, он приехал на матч из дома, а не с базы, как тогда было принято.

- Сегодня будем играть в свое удовольствие, - сказал он мне.

Выходит, что игрокам СКА доставляло удовольствие радовать ленинградцев. Бронзовые медали уже висели на шеях армейцев, но они все равно бились перед своими болельщиками и победили, чтобы достойно закончить чемпионат.

- Правда, что, когда СКА занял третье место, армейское начальство наградило игроков командирскими часами? - спросил я Сергея Черкаса двадцать лет спустя.

- Нет, часов не было, а была книжка о Ленинграде, с картинками, но почему-то на французском языке, - ответил Сергей. - А Спорткомитет из Москвы выплатил нам премию по двадцать шесть рублей. И все.

Я уверен, что отношения фанатов СКА «первого призыва» и команды СКА середины 80-х - уникальны. Других примеров такой взаимной поддержки я больше не знаю. Так, некоторые футболисты «Зенита» 80-х годов порой демонстрировали пренебрежение к своим фанатам.

Не забуду один эпизод в Тбилиси. Мы со Смолиным в сопровождении моих родственников гуляли по столице Грузии, и на проспекте Шота Руставели увидели защитников Кузнецова и Степанова. Мы со Смолиным подбежали к игрокам, чтобы просто показать, что их приехали поддержать фанаты, но оба футболиста сделали вид, что мы их напрягаем.

- Митя, зачем ты ездишь за ними, это же какие-то жлобы, - сказала мне потом моя родственница, которая была свидетельницей той сцены. - Вы прилетели сюда, чтобы поболеть за них, а они от вас морды воротят.

Мне было неудобно перед родственницей, я попытался ей возразить, мол, не все футболисты такие.

Действительно, далеко не все футболисты «Зенита»

презирали фанатов.

Так, осенью 1984 года в Минске нападающий Сергей Дмитриев, стоя у гостиницы, где остановился «Зенит», не меньше часа разговаривал со мной и другими ребятами о футболе и околофутбольной всякой всячине. А ведь на следующий день ему предстояло выйти на поле.

Никогда не стеснялся фанатов Дмитрий Баранник, симпатичный темноволосый парень. В Вильнюсе именно благодаря Диме нас с приятелем команда увезла на автобусе с лесного стадиона, где играли дублирующие составы, иначе мы попали бы в руки разъяренных литовцев.

Сейчас я за «Зенит» не болею принципиально - не болею из-за того, что в Петербурге за него сейчас болеют все: губернатор Валентина Матвиенко, актер Михаил Боярский, спикер ЗакСа Вадик Тюльпанов… Каждый второй в Петербурге вне зависимости от пола и возраста носит зенитовский шарф. Все болеют! Весь мой город говорит: я болею за «Зенит». И поэтому я за него не болею, и на матчи его не хожу. За последние годы я всего один раз был на игре «Зенита», и то на выездной - в Москве, с ЦСКА, и болел не за «Зенит», а за армейцев Москвы, за одноклубников. Как нынче складываются отношения «Зенита» и его фанатов, мне неизвестно. Но, судя по телетрансляциям и по тому, что я видел в Москве, складываются хорошо. Так или иначе, команда всегда после матча благодарит ультрас.

Но это видимость, картинка. Чтобы знать, как оно на самом деле, нужно быть внутри движения, а я вне его. В зенитовском фанзине «Знамя Зенита» я читал, что лет десять назад, когда «Зенит» проиграл несколько матчей подряд, фанаты навестили команду на базе в Удельном парке, дабы спросить игроков, чего сливаете матч за матчем? Футболисты, мол, выслушали фанатов, поняли их озабоченность. И только у армянина Сергея Овсепяна, по словам одного из визитеров, Вадоса - вожака зенитовской хулиганской группировки «Коалиция», «взыграла черная кровь» - он начал было хамить, но его быстро поставили на место.

Навещали игроков на базе и фанаты московского «Динамо», когда столичный клуб оказался в зоне вылета из Премьер-лиги, несмотря на то, что в него были вложены миллионы.

Обо всем об этом обещал написать Дуги Бримсон. Он умеет собирать информацию и систематизировать ее - все же англичанин, то есть представитель самой аналитической нации. Я же рассказываю о том, что видел собственными глазами, узнал на собственной шкуре. Другими словами - пишу мемуары.

После двадцатилетнего перерыва я решил пробить несколько выездов за СКА. Конечно, за это время многое изменилось, и что

особенно печально - в отношении игроков к фанатам. Большинство хоккеистов делали вид, что им все равно, поддерживают их на выезде или нет. Приятно удивил лишь вратарь, чех Мартин Прусек. В Подольске он прямо в ходе матча помахал нашей трибуне в благодарность за то, что мы подбадривали его, причем сделал это перед вбрасыванием в своей зоне. Правда, Мартин больше в СКА не играет.

- Ара, того, что было в конце 80-х, сейчас нет и в помине, - объяснил мне Машинист, который пришел в наш движ, когда я еще был его лидером. - Даже после победы на выезде далеко не все наши игроки поднимают клюшки, чтобы поприветствовать нас, им наплевать, что мы проделали путь в сотни, а то и тысячи километров, чтобы поддержать их. Никогда не отворачиваются от фанатов только защитник Валерий Покровский, нападающий Леша Акифьев, вратарь Серега Белов.

Из тех, кого перечислил Машинист, в СКА не осталось никого, Валера Покровский, действительно очень приятный интеллигентный парень, к несчастью оказался в «Спартаке». С каким бы счетом не закончился матч, он, прежде чем покинуть лед, подъезжал к фанатской трибуне и стучал об лед клюшкой, мол, спасибо, ребята. Поэтому не случайно, когда в СКА пришел новый тренер, американец Барри Смит, фанаты вывесили баннер: «Барри, Валерий Покровский - наш игрок». Но не помогло… Валера отыграл при Барри один сезон. В первой половине следующего сезона американец мариновал его в запасе, а затем Покровского продали во вражеский «Спартак». Такое впечатление, что руководство клуба хотело этим оскорбить фанатов, показать им, кто в СКА хозяин. Продать человека, который десять лет отыграл в их любимом армейском клубе, в «Спартак»! Так дела не делаются.

Но и в «Спартаке» Валера Покровский не забыл о фанатах своего бывшего клуба. В знак благодарности за то, что они на матчах плей-офф вывесили на трибуне его армейский свитер, он поклонился ребятам в ноги, по-русски…

Иногда игроки даже выражают солидарность с их акциями. Например, когда после убийства фаната римского «Лацио» Габриэле Сандри, наши фанаты вывесили баннер с надписью на итальянском «Gustizia per Gabriele», швед Андреас Йоханссон показал на баннер и поднял большой палец вверх.

Высоколобые дрочилы и очкастые «ботаники» говорят, что фанатами становятся ребята с низкой самооценкой, мол, их собственная жизнь настолько бедна и бесцветна, что они живут радостями и бедами команды, которой в принципе на фанатов наплевать. Через приобщение к фанатской общности, бубнят

дрочилы, всякая несамодостаточная шваль просто самоутверждается. На самом деле все эти псевдоинтеллектуалы сами самоутверждаются, унижая (словесно, конечно, и издалека) ребят, которые на первое место ставят интересы КОМАНДЫ, а потом уже свои собственные. Точнее, для настоящего фаната личный интерес сливается с интересами КОМАНДЫ в одно целое.

Команда здесь, конечно, нечто большее, чем двадцать-двадцать пять игроков. Игроки приходят и уходят, а КОМАНДА остается. КОМАНДА для фаната - это история клуба, его цвета, его герб, его достижения и поражения. КОМАНДА для фаната - это как Родина. И, конечно, КОМАНДА для него - это еще мифология, традиции и авторитеты его сообщества.

Фанаты ЦСКА вывешивают баннер со строчкой из известной песни - «Команда, без которой мне не жить». Я понимаю, о чем это. Фанат, выброшенный из своей среды, чувствует себя как рыба на суше. Все кажется мелким, недостойным внимания, скучным. Фанат привык жить рискуя, и мелкие обывательские радости его не прельщают. В принципе, сам по себе фанатизм - это не что иное, как бунт против удобной жизни. И только не надо отождествлять с фанатами разбогатевших олухов, которые на выездные матчи прилетают на самолете, а на стадионах занимают места в VIP-ложах. Им никогда не стать частью команды, их поведение - блажь, попытка уйти от скуки. Чтобы стать частью КОМАНДЫ, нужно жертвовать: деньгами (не шальными, конечно, а заработанными потом и кровью), здоровьем, свободой, положением в обществе.

Говорят, что самое высокое наслаждение в жизни - это оргазм. Может быть, для обезьян - это и есть высшее наслаждение. Но что делать, если ты человек. Если ты осознал себя личностью через приобщение к КОМАНДЕ? Тогда высшим наслаждением для тебя будет победа твоей КОМАНДЫ. Когда твоя команда побеждает на выезде, а ты весь матч ее поддерживал, отдавая ей всю мощь своей глотки, это непередаваемое чувство - как будто ты отымел весь вражеский стадион: внедрился в их мир и победил. Что может быть круче?

ГЛАВА 8
ФАНАТИЗМ С УПРУГОЙ ПОПКОЙ

- Девочки, а вы что, тоже фанатки? - мать Рулета оглядела девчонок, которые добирались со мной из Воронежа, ироничным взглядом, да и в свою интонацию она вложила немало иронии.

Юля и ее подруга закивали головами, да, мол, фанатки.

- Девочки, вы что - дуры? - действительно ли мама Рулета, очень интеллигентная женщина, переводчица с японского языка, была удивлена тем, что юные девочки мотаются за футбольной командой по городам страны, или просто решила девчонок высмеять, я так и не понял, но Юля и ее рыжая подруга были основательно сконфужены.

Женщины на футболе - я и не догадывался, что это такой животрепещущий вопрос, что его с жаром обсуждают современные ультрас и публицисты. Оказывается, многие убеждены, что «бабам на футболе не место», ибо футбол - мужская игра, а стадион - мужская территория. Якобы такого мнения придерживается и Дуги Бримсон, но боится в этом публично признаться, чтобы не стать жертвой травли со стороны блюстителей политкорректности.

По правде сказать, женщины на футболе, да и на хоккее, часто ведут себя нелепо, особенно если стараются перещеголять мужиков по части боления. Так, в конце футбольного сезона 2006 года я стал свидетелем забавной сценки на матче ЦСКА с московским «Динамо». На центральных трибунах появилась полупьяная парочка: мужчина, который всем своим видом изображал, что он дворовый авторитет (этот тип людей нередко встречается в Москве), и поддатая телка, тощая крашеная блондинка, оба - в армейских шарфах. Телка посмотрела на поле и вдруг закричала: «Отсоси у красно-синих! Эй! Эй!» Зрители недоуменно переглянулись: что, мол, за явление? Когда женщина призывает отсосать, это смешно в принципе. Но, кроме того, этой дурище было невдомек, что дерби ЦСКА-«Динамо» - дружеский, армейские и динамовские фанаты - союзники, поэтому оскорблять соперника и его болельщиков на таком матче - дурной тон. Зачем она нужна такая на футболе, дура! Пусть лучше в загаженных подъездах отсасывает у дворовых гопарей.

Но, честно говоря, никогда не считал, что нахождение девиц в фанатской банде - большая проблема. Самок тянет к сильным самцам, туда, где наблюдается концентрация тестостерона, а среди фанатов сильных самцов немало. Трусов быдлаков, дубарей

среди них, конечно, тоже много. Но в стае всегда есть вожаки, альфа-самцы, харизматические парни, и их харизма распространяется на все сообщество, на всю стаю. Конечно, самки всегда будут крутиться рядом с такими парнями, рядом с такими сообществами. Это инстинкт, биология.

В зенитовской «грядке» всегда было много девиц. Рыжая подружка Юли, не помню ее имени, часто приходила на хоккей и проявляла ко мне благосклонность. На одном из матчей мы целовались прямо на трибуне, это заметили наши хоккеисты, а потом один из них, кажется, Слава Лавров, подначил меня: «А мы вначале не понимали, чего вы не кричите, нас не поддерживаете. А потом увидели, что ты с рыжей девчонкой целуешься, и все поняли». Мне стало стыдно. И я больше никогда не занимался на секторе амурными делами.

Затем, в последнее лето перед уходом в армию, я встречался с Юлей. Мы познакомились на выезде, в Одессе, а точнее - на обратном пути из Одессы, в поезде. Юля была девицей с гонором, жила с бабушкой в Озерках, куда в то время еще не было проведено метро, в ее квартире не было телефона, и наши встречи всегда были спонтанными. Когда я приезжал к Юле и не заставал ее дома, меня это сильно обламывало, так как я жил в другом конце города. У Юли была очень странная манера целоваться. Все девушки, когда целуются взасос, глаза закрывают, а Юля в ходе этой процедуры всегда оставляла глаза открытыми, что, признаться, меня смущало.

Юля и не раз и не два признавалась, что ее коробит тот факт, что я болею за армейцев, а она - за «Зенит», типа, в Питере весь город болеет за «Зенит», и быть здесь девушкой «коня» не очень почетно. Меня эти рассуждения лишь раззадоривали, но я понимал, что если бы Юля в меня была действительно влюблена, то ей бы было все равно, за кого я болею. Юля была мне небезразлична, но не более. И я даже вздохнул с облегчением, когда узнал, что ее благосклонности добивается зенитовский фанат, прозвище и имя которого я забыл. Я хотел уйти в армию со спокойным сердцем. Ведь редко какая девушка дожидается своего парня из вооруженных сил. В лучшем случае, девица тайком наставляет рога, в худшем - пишет письмо с признанием, мол, прости, полюбила другого. Я видел, что происходило с парнями, которые такие письма получали. Бедняги! Один из них из части убежал, его через три дня поймали, разжаловали из сержанта в рядовые. Но он еще дешево отделался, могли бы и в дисбат отправить, а это - ад на земле.

Когда я служил, Юля стала девушкой молодого «зенитчика» с погонялом Шарапов, но меня эта информация абсолютно не

задела.

Девушка по кличке Падшая женщина (та самая, которая спала голая и разрисованная в поезде по дороге из Вильнюса в Минск) тусила с нами недолго. Она исчезла: так же неожиданно, как и появилась. Куда она делась - никто не знал. Один зенитовский левак утверждал, что прежде чем исчезнуть, Падшая женщина заразила его «неизлечимым триппером», и он обещал найти ее и наказать. Но вскоре исчез и левак. Я, правда, будучи правым фанатом, проявлять интерес к судьбе леваков считал ниже своего достоинства.

Придя из армии, я обнаружил, что очень многое изменилось. Среди фанатов появилось много новых людей, молодых ребят, которые мало походили на фанатов типа Верблюда. Новые фанаты следили за модой и за собой, ходили на дискотеки, интересовались современной музыкой. Рядом с ними я порой чувствовал себя лохом, мне нужно было время, чтобы освоиться в новой обстановке. Я заметил, что за время, пока я охранял воздушные рубежи родины, а заодно - армейские склады с боеприпасами, в зенитовском движе появилась целая стая девиц: ухоженных, стройных, чистеньких, симпатичных. Юля считалась авторитетом в этой девичьей компании, все же фанатка с опытом, с выездами. Но внешне Юля сильно проигрывала новой бригаде зенитовских телок.

Девичий зенитовский моб я впервые увидел в декабре 1987 года на дискотеке в ДК имени Якова Свердлова, где, кстати, располагался сборный пункт, куда меня доставили из военкомата, и откуда увезли в часть. Девочки были в зенитовских пусерах и в юбках выше колена. Мне это понравилось, в смысле - юбки выше колена, а не зенитовские пусера. Проходя мимо их компании, я услышал:

- А что это за «конь»?

- Да это же Ара, он недавно из армии вернулся.

Я немного растерялся, обернуться или нет. Я и до армии не отличался особой наглостью в общении с девицами, а первое время после армии вообще робел, попадая в окружение представительниц противоположного пола. И мне было непросто решиться на то, чтобы заговорить с девушками.

- Девчонки, за «Зенит» фанатеете?

- Нет, за «Спартак», ха-ха, - съехидничала девица с вьющимися черными волосами. Я окинул ее взглядом: худенькая, симпатичная мордочка, правда, черты лица миниатюрные, маленький носик, маленький ротик, да и само лицо маленькое, отчего она была похожа на какого-то милого зверька, на ежика, что ли. Сходство с ежиком добавляла прическа, которая в то

время называлась, кажется, итальянкой, это когда сзади волосы длинные, а спереди и сверху - подстриженные.

- А чего так не заметно, за кого мы фанатеем? - спросила вторая телка, с короткой прической, с округлыми бедрами.

Действительно, я задал глупый вопрос, две девицы в одинаковых сине-бело-голубых свитерах - ясное дело, фанатки «Зенита». Я покраснел, но этого никто не заметил - в зале был полумрак. Из затруднительного положения меня вывела та, что с округлыми бедрами.

- А ты, что ли, Ара? Главный фанат СКА?

- Типа того.

Так я познакомился с Чебурашкой (та, что с черными вьющимися волосами) и Птицей (та, что с округлыми бедрами).

С Чебурашкой я подружился, а Птица стала для меня отнюдь не смутным объектом желания. Но вот беда - Птице я не нравился. Она принимала мои ухаживания, но не отвечала на них. Я приглашал ее на разные концерты. Помню, мы вместе ходили на «Пикник», но дальше культурной программы дело не шло. Я терял терпение, да и не хотел унижаться. Весной, правда, Птица зачем-то поехала на московский выезд СКА, да не просто на выезд, а на матч со «Спартаком», а что такое матч со «Спартаком» для армейца знают люди, даже очень далекие от околофутбола и околохоккея. На матче Птица повела себя так, будто изначально решила меня разозлить: начала заигрывать с «мясным» Профессором, а Профессор кидал в мой адрес и адрес СКА обидные реплики. В итоге мы сцепились с «мясником», и я оказался в милиции на десятой или пятнадцатой минуте игры. Что называется - удачно съездил…

Затем Птица стала девушкой одного авторитетного фаната «Зенита», здорового такого чувака, похожего на былинного доброго молодца (не буду называть его прозвища, человек он известный). Ребята поженились, но через какое-то время, кажется, развелись. Но суть не в этом.

Суть вот в чем. В мужском мобе авторитет лидера - это реальный авторитет. Никто из бойцов моба не будет за спиной вожака говорить про него гадости или высмеивать его, в общем, ставить его авторитет под сомнение. В мужском мобе лидер, чтобы потерять авторитет, должен публично обосраться. Я заметил, что в девичьей компании все иначе. Когда девочки собираются вместе, они друг друга чуть ли не вылизывают, но стоит им разойтись, распрощаться, как начинаются говнотерки. Птица, Чебурашка и другие юные создания, которые не весть с чего решили стать фанатками, всегда показывали Юле, что считают за счастье быть ее подругами, что они признают ее

авторитет как самой заслуженной фанатки «Зенита». Но за спиной Юли постоянно ее обсерали.

- То же мне, нашлась крутая! Выездов-то пробила всего ничего, да еще и трахается с Шараповым - лохом и алкоголиком, - язвила Птица. Нечто подобное выдавала и Чебурашка. За глаза от Птицы доставалось и Чебурашке: мол, лохушка лезет не в свое дело (в движение футбольных фанатов), а Чебурашка не упускала случая высмеять претенциозность Птицы:

- Она такая красивая, просто королева, парни, наверное, как увидят ее, потом три дня дрочат. Ха-ха-ха!

И что это за моб? Тогда меня сильно удивляла привычка девиц за глаза обливать друг друга помоями. К тому времени я еще не знал, что такое женский коллектив. Так вышло, что до двадцати лет я находился в коллективах, где женщин почти не было: морское училище, пароходство, армия. Сейчас-то - после учебы в педагогическом университете и работы в прессе - я понимаю, что женщина никогда не будет делать положительный пиар другой женщине. Так распорядилась биология.

Мужчины выясняют отношения открыто, перед публикой. Проще говоря, мужчины привыкли на людях хуями меряться, выясняя, кто из них самый крутой, а на самом деле - завоевывая признание самок. Отчасти поэтому мужчинам так нравится футбол, хоккей, вообще -спорт; спорт - это мужская жизнь, поданная в игровой форме. А женщины, чтобы добиться признания самца, оговаривают конкуренток, ибо, будучи слабым полом, не умеют выяснять отношения в честном бою. Вот написал это и представил, какое впечатление этот пассаж произведет на леваков с феминистскими заморочками, эти дрочилы вновь закричат: «Жвания - фашист!» Если фашизм - это отказ от либерального самообмана, если это - признание памяти рода, то да, я фашист. «Вне истории - человек ничто», - говорил один итальянец. Но все же фашизм - это нечто другое. Поэтому я - не фашист.

Но вернемся к Чебурашке. Она была хорошей девочкой, мы дружили. Вместе ходили на рок-концерты, в кино и даже в музеи. Однажды Чебурашка призналась мне, что в свои девятнадцать лет она все еще девственница и очень стесняется этого.

- Вдруг парень, которого я полюблю, решит, что связался с неудачницей!

- Да ты что! Эта информация станет для него настоящим подарком! - я не лукавил, а сказал Чебурашке то, что думал на самом деле, и она благодарно посмотрела на меня. Чебурашка часто приезжала ко мне в гости, когда я был дома один, но мы никогда не целовались, не занимались петтингом и прочим.

Просто общались. Не знаю, как Чебурашка, но я получал удовольствие от этого общения. Правда, в футболе и в хоккее Чебурашка почти ничего не понимала, и я так и не понял, зачем она пришла на сектор.

Не знаю, нравился я Чебурашке или нет. Наверное, нравился. Во всяком случае, когда в рок-клубе она увидела меня с другой девушкой, с моей будущей женой Медеей, я заметил, что ее душит ревность. Она суетилась, не знала, куда себя деть. Вскоре она сказала «да» парню, который этого долго добивался, а затем вышла за него замуж. Вместе они пробили выезд на СКА, причем не куда-нибудь, а в Ригу. После того выезда я завязал с фанатизмом, так как мне трудно было совмещать его с учебой. Но с Чебурашкой я продолжал общаться и дальше. Я даже предложил ей участвовать в деятельности созданной мною анархистской группы, но она отказалась.

- Дима, - сказал она мне, - ты думаешь, что все люди братья? Нет, Дима, все люди - свиньи.

Потом и Чебурашка отошла от фанатизма. Какое-то время мы перезванивались, она меня пригласила на свой день рождения, на котором танцевала перед гостями индийский танец (я знал, что она увлекается индийскими танцами, но не знал, что так серьезно). После этого мы несколько раз случайно встречались на рок-концертах. Что с Чебурашкой сейчас, я не знаю, но я ей желаю всяческого счастья.

Вообще-то девочки были в каждой «фирме», но самые красивые фанатели за московский хоккейный клуб «Крылья Советов». Я заметил, что хоккей больше привлекает женский пол, чем футбол. На футболе я почти никогда не встречал ухоженных и модных телок, а на хоккее постоянно их вижу. Мне кажется, это объясняется тем, что хоккей очень похож на рыцарский поединок. Хоккеисты в доспехах, в шлемах, только вместо мечей - клюшки… А ведь каждая девочка когда-нибудь да мечтала оказаться на рыцарском поединке в роли дамы сердца.

Рядом с нами, питерскими армейцами, постоянно крутились какие-то девицы. Одни приходили на сектор, другие исчезали. Конечно, далеко не все они появлялись на нашем секторе исключительно ради того, чтобы отсосать у красно-синих, но соски порой попадались тоже. Самым женским почему-то получился выезд на матч с московским «Спартаком» весной 1987 года. Я весь матч отсидел в ментовке, наши проиграли, да еще крупно, в общем, я брел со стадиона мрачнее тучи, а девицам было все нипочем, они веселились, пели песни, причем не фанатские, а из репертуара Жанны Агузаровой. Я сдерживался, сдерживался, но все же не выдержал и заорал на них:

- В честь чего вы веселитесь, дуры! Идиотки! На хуй вы сюда приехали?!

- Ара, успокойся. Мы это… от расстройства, - начала успокаивать меня стройная девица с кобыльей челюстью. Типичная «подзаборная Мерилин Монро», а они, надо признаться, притягивают и возбуждают.

Сейчас среди фанатов СКА я вижу несколько девиц, кажется, они из компании националистов. Я заметил лишь, что одна из них чем-то смахивает на Юлю и подает себя приблизительно также.

Рассказывая о девушках-фанатках, нельзя не вспомнить о «спартаковской» Картине. В 80-е годы это была самая скандальная фанатка! Болела она за «Спартак», не пропускала почти ни одного выезда, однако на матчи попадала далеко не всегда - часто напивалась и до стадиона просто не доходила, еблась со всеми, кто ей это предлагал, и, естественно, регулярно делала аборты и попадала в венерологические клиники.

- Триппера бояться - как следует не по-ебаться! - заявляла Картина, худая, похожая на мальчика-подростка.

И как же я удивился, когда узнал, что она, «мясная» Картина, стала девушкой моего друга - фаната московского «Динамо»!

- Володя, ты чего! Зачем тебе такая телка?! У тебя же хуй посинеет и отвалится. Да ты же из КВД не будешь вылезать! Брось ее! - убеждал я своего друга. Меня поддерживали Рулет, Смолин, Сократес и другие товарищи.

- А я ее люблю, - повторял Володя, очарованный непонятно какими достоинствами Картины.

Вскоре Картина совершила поступок, который все фанаты считают позорным: бросила фанатеть за «Спартак» и принялась фанатеть за «Динамо», любимый клуб Володи. Одно дело, когда я, ничего не зная о фанатизме, вначале пришел на футбол, а потом, когда разобрался в принципах фан-движения, стал фанатеть за хоккейный СКА. Совсем другое дело, когда правый фанат перебегает в лагерь врага. Фанаты такого человека называют крысой.

- Да, блядь, авторитет нашей «грядки» теперь, благодаря Картине, охуенно вырос! Над нами все смеются! - сокрушался Рулет. И действительно, многие фанаты возмущались тем, что московские динамовцы не воспрепятствовали проникновению Картины в свои ряды.

Весной 1987 года Картина приезжала в Ленинград уже как фанатка «Динамо», естественно, вместе с Володей, за которого вскоре вышла замуж и, кажется, родила ребенка.

Когда я был фанатом, такая тема, чтобы девицы

объединялись в свои, исключительно девичьи, отряды была большой редкостью. Сейчас девицы не только в мобы объединяются, но даже участвуют в потасовках.

- Женщина должна быть женщиной, а футбол - все-таки мужская игра. Все разговоры о равноправии - большая глупость. Это симптом одной большой болезни под названием угасание белой европейской культуры, - печалится Дмитрий Лекух. - Происходит замещение неких вещей, без которых нет ни культуры, ни носителя этой культуры, повсюду проявляются различные, не всем заметные симптомчики. Даже в фанатской среде появляются женские мобы, когда мочалятся между собой и появляются мужики, цель жизни которых - лежать на диване.

А я бы не стал горевать по поводу появления девичьих мобов, отнесся бы к этой тенденции с юмором. Правда, часто за грозным названием моба нет ничего реального. Вспоминаю историю, которая в конце 90-х произошла у меня с зенитовским мобом «Бабе хулигане». Я работал тогда в питерской редакции «Комсомольской правды», а тема «Зенита» вновь стала популярной благодаря тому, что команда, будучи в чемпионате крепким середнячком, прорывалась в финал Кубка России 1999 года.

- А я и не знала, что Питер живет футболом, «Зенитом»! - призналась как-то генеральный директор КП Ирина Потехина. - Недавно выехала на Невский, а навстречу медленно движется целая колонна машин, из окон высунуты зенитовские знамена, и все бибикают в одном ритме! И вообще я обратила внимание, что в городе многие носят зенитовские шарфы.

В общем, главный редактор Миша Иванов получил задание опубликовать в газете серию статей о «Зените» и его болельщиках. Чтобы поднять тираж. Миша вызвал меня.

- Димка, ты же фанатом был. Так напиши статью о фанатах.

- Да я за СКА болел, а в футболе за ЦСКА, в зенитовской движухе плохо разбираюсь, - я попытался отвертеться от задания, не знаю почему, но к теме фанатизма, особенно зенитовского, я не хотел прикасаться.

- Нет, Димка, это задание тебе, считай, от самой генеральной - написать статью о фанатах, - настаивал Миша.

- Ладно, попробую.

Я начал собирать информацию, сходил несколько раз на футбол, и даже съездил с фанатами «Зенита» на финал Кубка в Лужники, «Зенит», кстати, в том матче выиграл у «Динамо», причем, красиво выиграл, проявил волю, Александр Панов отличился. И кто-то, не помню кто, рассказал мне тогда о «Бабе хулигане». Мол, девицы одеваются, как хулиганки, в тяжелые

ботинки, кожаные куртки или бомберы, но почти не дерутся, а занимаются обслуживанием фанатов; каждая из них - большая специалистка по части vagina dentate (вагина с зубами), проще говоря, девчонки всегда рады сделать минет товарищам по движухе. Я, конечно, заподозрил, что информация о «Бабе хулигане» из разряда баек. Тем временем редакционное начальство торопило меня со статьей. И я написал, что среди фанатов «Зенита» ходят легенды о «Бабе хулигане», которые на самом деле никакие не хулиганки, а талантливые околофутбольные минетчицы.

На следующий день после выхода статьи я, идя по редакции, заметил, что в кабинете ответственного секретаря Стаса Вязьменского, который всегда был ярым болельщиком «Зенита» из числа отчаянной «Кузьмы», сидит группа девочек-одуванчиков в зенитовских шарфиках. Стае заметил меня и выскочил в коридор.

- Димон, «Бабе хулигане» пришли, требуют опровержения!

Меня осенило.

- Вот что: надо их сфотографировать и написать под фото, мол, опубликованная нами информация о «фирме» «Бабе хулигане» не соответствует действительности, а дальше объясним, в чем именно. Прикольно получится, я тебя уверяю!

- А потом фанаты редакцию не расхуячат?

- Не думаю, о «Бабе хулигане» я же от них узнал.

Мы поступили так, как я предложил. Никто редакцию не расхуячил.

Я взял телефон у одной из «бабе», чтобы узнать, что на самом деле представляет собой их «фирма». Мы встретились, она рассказала мне о знаменитой драке на Щелковском шоссе («Щелчке»), когда на фанатов «Зенита» напали «мясники»:

- Мы не ожидали нападения, было очень страшно. Некоторые наши ребята валялись в лужах крови, мы приводили их в чувство, перевязывали им раны.

В общем, девочки занимались тем, чем на войне испокон веков занимаются женщины.

Они взяли на себя функции медсестер, и разве это плохо?

- А зачем же вы назвались хулигане, если вы не хулиганки?

Девочка не нашла что ответить. Почему ей никто не объяснил, что рано или поздно за базар придется ответить?

Конечно, футбол и хоккей - это мужские игры. Открытое соперничество одной команды с другой - это мужское проявление. Но из этого вовсе не следует, что женщинам не место на футболе и хоккее. Мужчины всегда состязались на глазах у женщин с самой глубокой древности. Когда самцы знают, что за их схваткой

наблюдают самки, они выкладываются до конца, отвергая компромиссы. Так что пусть телки и дальше приходят на матчи.

ГЛАВА 9
ВПЕРЕД… ЗА КОГО?

- Да пошел ты на хуй со своим помещением! - я с трудом сдерживал себя, чтобы со всей дури не заехать кулаком в откормленное комсюковское рыло с усиками. - Решил перед начальством выслужиться, да? Мол, фанатов приручил…

Четвертый секретарь комитета комсомола Невского района, коренастый парень с намечающимся пузиком и широкой жопой, побагровел.

- Э, ты это… не выпендривайся тут, не на стадионе.

Но я продолжал его атаковать:

- Нет, ты подумал, что сказал, а?

- А чего такого?! Чего ты взбеленился-то? Я же хочу как лучше…

Как лучше… Мне было всего двадцать лет, и этот комсомолец чуть было меня не развел. Он появился на нашей трибуне за воротами в конце сезона, когда стало ясно, что армейцы завоевали бронзовые медали, во втором перерыве домашней игры со «Спартаком».

- Привет, ребята. Вы фанаты СКА? - парень задал нашей банде глупый вопрос. Разве не понятно было, за кого мы фанатеем! Ребята посмотрели на меня, мол, что за чувак.

- А вы милиционер? Или журналист? - спросил я вместо ответа.

- Не угадали, - парень дружелюбно улыбнулся, всем своим видом показывая, что он наш новый друг. - Я так спросил… чтобы что-то спросить… чтобы познакомиться… Я что хочу сказать-то, вы отлично армейцев поддерживаете, сразу видно - настоящие фанаты, все в красно-синих свитерах… А что вы кричите-то, я не разобрал до конца… «В Союзе пока еще нет…»

- «В Союзе нет еще пока команды лучше, чем наш СКА», - поправил Агитатор нашего «нового друга».

- Патриотично! - парень поднял большой палец вверх, мол, молодцы. - Благодаря вам армейцы и выигрывают. А ты здесь старший? - спросил парень, глядя на меня. А я все прокручивал в голове, кто это? Что за перец?

- Да, я здесь старше всех, - ответил я уклончиво.

- Да ты не напрягайся, - парень вновь дружелюбно улыбнулся, - Я из Невского райкома комсомола, занимаюсь работой с неформальными молодежными объединениями. Мне о вас мой друг рассказал. Он хоккей любит, часто на матчи СКА ходит. Вы

на него большое впечатление производите! Вот, говорит, фанаты - так фанаты! - комсомолец льстил, и это было заметно. - Давай после матча поговорим?

Я кивнул.

В начале перестройки тема неформалов была очень популярной. Журналисты и социологи любили порассуждать, легко ли быть молодым? А кинематографисты снимали фильмы с пубертатными героями, которые танцевали брейк-данс, слушали металл. О футбольном и хоккейном фанатизме тоже писали и говорили, но не так много, как о хиппи, металлистах и пр. Правда, о нас хотел написать статью обозреватель журнала «Аврора» - такой убеленный сединами интеллигентный дядечка. Мы целой делегацией приходили в редакцию, рассказывали, как нас гасили менты, интервью с нами журналист записывал на магнитофон. Но статья так и не вышла. Не знаю, почему. Однажды я случайно встретил этого «авроровца» в метро, мы сидели друг напротив друга, но журналист сделал вид, что меня не знает.

Но, придя из армии, я не мог не заметить, что атмосфера в стране изменилась. Поэтому не удивился, что со мной как с фанатом СКА хочет поговорить комсомольский работник.

- Меня Сергеем зовут, - представился работник райкома. - А тебя как?

- Дмитрий. Но для фаната главное не имя, а прозвище, - пояснил я. - Ребята меня прозвали Арой.

- Арой? Ты армянин?

- Нет, и никогда им не был. Одного нашего парня прозвали Фокусником, но это не значит, что он работает в цирке. Я сам не понимаю, почему меня прозвали Арой.

- Ясно. Я вот что хотел спросить: вы только на играх, на трибуне встречаетесь или собираетесь где-нибудь между матчами?

- Выезды вместе пробиваем…

- Это понятно. Но не собираетесь?

- Что значит - собираться? Ребята из основы дружат друг с другом, гуляют вместе…

- Но своего помещения у вас нет?

- Нет, конечно. Откуда?

- Так вот - я хочу вам предложить собираться в нашем районе, под эгидой нашего райкома, во Дворце культуры «Невский». Там сейчас много комнат пустует, раньше в них всякие кружки размещались, общества. Мы вам выделим какой-нибудь кабинет. Вы на стенах флаги свои развесите, будете обсуждения всякие проводить. Как тебе, а?

- Было бы неплохо. Правда, до этого ДК добираться неудобно. Скажи, тебе-то зачем это? - я, естественно, не верил в бескорыстие комсомольского функционера.

- Я же говорю: у нас в райкоме работает болельщик СКА. Рьяный болельщик! Он программки с матчей даже собирает. Так это он за вас хлопочет. Слушай, если ты принципиально согласен, давай договоримся о встрече в райкоме. Я тебя познакомлю со своим начальником - третьим секретарем. Он в курсе, но пусть убедится, что ты - нормальный парень. Скажу тебе честно - наш третий секретарь - и есть тот самый болельщик СКА.

Отказываться от встречи в райкоме особого смысла я не видел.

- Вот и по рукам. Давай подходи… - Сергей достал из кармана куртки блокнот и полистал его. - Так… понедельник забит… во вторник у нас подготовка к отчетно-выборной конференции… вот, в четверг приходи, часов в шесть. Успеешь?

- Хорошо, я отпрошусь с работы, а то я заканчиваю в семь.

- Вот и по рукам, - бросил Сергей, и мы пожали руки.

На следующий день после знакомства с Сергеем я встретился со своим приятелем Сэмом (который в свое время и подсадил меня на фанатизм) и рассказал ему о предложении комсомольцев Невского района.

- Митя, не будь наивным! Это же просто комсомольская подстава, я уверен, - Сэм был, как всегда, экспансивен. - Сейчас им, комсюкам, старшие товарищи поручили работать с неформальной молодежью. Вот они и работают. Сейчас политика такая - перестройка, типа - демократия. Вас выбрали, потому что вас легко быстро обработать, ваша банда - маленькая. Тем более СКА занял третье место, и комсюкам не терпится отчитываться перед начальством, мол, на хоккее все под нашим контролем.

Нельзя сказать, что Сэм открыл мне глаза, я без него понимал, что комсомольцы не будут что-то делать для нас без всякой корысти, но Сэм все разложил по полочкам, он следил за политикой, общался с разными диссидентами, в общем, всегда был в курсе событий.

- А я все вспоминал, кого мне напоминает этот Сергей по манере вести себя! - сказал я с видом человека, который только что избавился от иллюзий. - А теперь вспомнил - у нас в учебке заместитель командира части по воспитательной работе так же разговаривал - как будто старый знакомый.

- Вот видишь! - горячился Сэм. - Все это происки кровавой гэбни!

Я кивнул, хотя разговоры о «кровавой гэбне» меня волновали мало. Я отнюдь не был поклонником режима, но люди, которым

везде мерещилась «рука КГБ», мне казались параноиками. Сэм, конечно, параноиком не был, но он слишком много общался с диссидой, которая даже чай на собственной кухне пила с опаской - вдруг его отравили вездесущие «кагэбэшники».

Я поделился своими опасениями с ребятами из нашей «конской» основы.

- Может, мне вообще не идти в этот райком, а? Пошли они со своим помещением!

- Ара, а, может, сходишь? Все же они помещение дать обещают, будет, где собраться… Все лучше, чем в пивной, - сказал Провокация, и я понял, что это не только его мнение, но и всех ребят.

- Ладно, договорились - я встречусь с комсюками.

Мне была знакома обстановка в райкомах комсомола, я посещал комитет комсомола Кировского района, когда учился в морском училище, где меня назначили комсоргом. Невский райком мало чем отличался от Кировского - то же ощущение скуки и казенщины. В вестибюле меня встретил Сергей.

- А мы тебя ждем, - сказал он с таким видом, будто я желанный гость, который опоздал на его день рождения. - Надо пропуск оформить. Паспорт взял? Молодец.

Я обратил внимание на то, что Сергей, прежде чем отдать мой паспорт в окошко бюро пропусков, просмотрел его странички. «Наверное, Сэм прав: комсюки и гэбисты - одна шайка-лейка».

Мы поднялись на третий этаж, вошли в один из кабинетов. В приемной по клавишам пишущей машинки била секретарша - ухоженная девица со стянутыми в пучок темными волосами. Она оглядела меня, а на мне был красно-синий трикотажный свитер с армейским значком, и мило улыбнулась.

Третий секретарь оказался мужчиной лет тридцати пяти довольно спортивного вида.

Когда мы с Сергеем вошли в его кабинет, он поднялся из-за стола и протянул мне руку:

- Геннадий.

Мы поздоровались, я тоже представился. Он поправил обшлага серого пиджака и сел.

- Садись, Дима, - сказал Геннадий, указывая мне на стул с бордовой обивкой. - Болеешь за СКА? - продолжил третий секретарь. - Я кивнул. - У нас в Ленинграде все за «Зенит» болеют, а ты выбрал СКА, - улыбнулся Геннадий.

Его пассажи мне напомнили вопросы, которыми за два года до этого меня пытал инспектор Успенский, и это тоже меня напрягло.

- Молодец. Это хорошо, что у СКА есть преданные болельщики. Мне это очень приятно, поверь. Я ведь из офицерской династии, да и сам закончил военно-политическое училище, служил в десанте, но меня комиссовали. Теперь, как видишь - я на комсомольской работе, но душа моя осталась в армии, и поэтому я болею за армейские команды: за СКА в хоккее и за ЦСКА - в футболе, - чувствовалось, что третий секретарь заготовил речь заранее.

Я вновь кивнул, не зная, чем ответить на откровения Геннадия.

- Сергей мне сказал, что вы хотите получить помещение под клуб болельщиков СКА…

- Не совсем так. Сергей предлагает одно помещение в ДК «Невский» отдать под наш клуб, - я вынужден был перебить Геннадия, так как его версия «клубного вопроса» отличалась от реальной.

- А, Сергей предлагает… - улыбнулся Геннадий. - Тогда вот что: выпьем чаю, и вы с Сергеем поедете в ДК «Невский» и выберете помещение. Света!

В кабинете появилась секретарша, уже держа в руках поднос, на котором стояли три чашки с чаем и блюдце с овсяным печеньем.

- Как тебе Геннадий? - спросил меня Сергей, когда мы на райкомовской «Волге» ехали в ДК «Невский». Видимо, вопрос был риторический, так как Сергей не стал дожидаться моего ответа: - Отличный мужик! Скажет - сделает! Поверь, я знаю.

Мы приехали в ДК, неуютное и замшелое, как все советские ДК. Сергей показал мне помещение, это была комната в тридцать квадратов.

- Нравится? - Сергей явно гордился своей миссией.

- Угу.

- Будет ваша. Раньше здесь располагался кружок мягкой игрушки, - сообщил Сергей. - Ладно, - продолжил он. - Расскажи своим ребятам, что скоро у вас будет настоящий клуб, а потом созвонимся, встретимся и обговорим детали.

Парни были просто счастливы, когда я им рассказал, чем закончилась моя встреча с комсомольскими функционерами.

- А ты не хотел с ними общаться, - радовался Агитатор.

- Было бы здорово сделать баннер, типа такого, как фанаты на Западе делают, с надписью «Армейцы с Невы» и повесить его на стене в клубе, - сказал довольный Малыш.

Я созвонился с Сергеем, как мы и договаривались. Встретились в ДК.

- Помещение ваше, - начал Сергей. - Но только с одним

условием.

- Что за условие? - насторожился я.

Сергей немного замялся.

- В общем, мы предоставим вам помещение, если вы согласитесь стать молодежным оперативным отрядом Невского района. Это ерунда, чистая формальность - один раз в неделю будете помогать дружинникам.

И тогда я послал Сергея на хуй.

Я рассказал эту историю лишь для того, чтобы было ясно, почему у меня большое подозрение вызывают официальные фан-клубы. Абонементы, атрибутика, выезды за счет клуба - все это за красивые глаза не дают, все это нужно отрабатывать. Сергей и Геннадий вышли на нас в начале перестройки, когда разного рода структуры только начинали осваивать язык приручения неформалов и фанатов в частности. Сейчас эти структуры работают с «тревожным контингентом» более изощренными методами: либо внедряют в ряды фанатов провокаторов, либо позволяют лидерам «фирм» закусить удела, а потом набрасывают на них ментовское лассо.

- Самое мощное орудие воздействия на фанатских вожаков - угроза уголовного преследования, - сообщил мне Макс Пацифик. - Я совершенно точно знаю, что и в Москве, и у нас есть вполне легальные фанатские «лидеры», на которых заведены уголовные дела. Но, скажем так, пока придержаны. Но стучат не только они, но и те, кому пальцы дверью на допросе прижали.

У меня нет оснований не верить парню, которого я знаю сто лет. В середине 80-х мы вместе пробивали выезды за «Зенит» в Одессу, Кутаиси, Тбилиси. Любя хоккей, он приходил на матчи СКА, правда, не столько для того чтобы поболеть за армейцев, сколько для того чтобы поддержать меня, его друга, в моем армейском фанатизме. Почти одновременно мы ушли служить в вооруженные силы. Затем я его вовлек в анархистское движение, и какое-то время Макс был ведущим активистом Анархо-коммунистического революционного союза. Потом Макс занимался зарабатыванием денег и личной жизнью. Но в середине 90-х ему, видимо, стало скучно, и он вернулся в движение фанатов «Зенита» и вскоре стал одним из его лидеров. В одной из драк он неудачно прыгнул и сломал ногу, и этот перелом стал для него роковым: врачи элитной клиники заразили его гепатитом С, и теперь Макс - инвалид, он почти не выходит из дома. При этом, остатки энергии он тратит на отстаивание принципов честного фанатизма.

- Лет пять назад началась и другая тенденция. Молодой человек, поступив в школу милиции, сразу же получал задание

внедриться в ту или иную фанатскую «фирму», благо двери были широко открыты для всех, - утверждает Макс. - В милиции есть люди, которые абсолютно «в теме». Пойми, ситуация если не управляется ментами, то уж точно контролируется ими. Практически все участники всех драк им хорошо известны. Из года в год одни и те же люди дерутся, одни и те же их охраняют, и не только в Петербурге - по всей России. И тем не менее драки продолжаются. Значит, это нужно системе. Ей нужны поводы для того, чтобы закручивать гайки.

Мне приятно, что никто из фанатов СКА моего призыва не стал «официалом», ни один из парней, с которыми я пробивал выезды и дрался за красно-синие цвета не купился на разговоры о помещении для клуба или о бесплатных билетах на матчи. Парни, которые были рядом со мной, когда я формировал в Ленинграде армейское движение, не пошли с системой на компромисс. Я и еще несколько ребят стали анархистами, не будь их, я бы осенью 1987 года не создал анархистский «Союз максималистов», Малышев выбрал путь «правого русского патриота», проще говоря - стал фашистом. Не исключаю, что в ходе массовых драк на политической почве мы с Малышевым были по разные стороны, и мы могли сцепиться в схватке. На войне как на войне. Но как бы то ни было, Малышев навсегда останется моим братом. Сейчас мы иногда встречаемся на домашних матчах СКА и обнимаемся как старые боевые товарищи.

Однако, будучи фанатами, политикой мы почти не увлекались. Единственно, чего мы хотели, так это того, чтобы менты не позволяли себе бить нас безнаказанно. Недаром, когда ментам удавалось-таки вытащить какого-нибудь нашего фаната с сектора, мы заводили на мотив известной песни Аллы Пугачевой о бедолаге-вундеркинде:

Забирать все больше нас
Стали почему-то –
Видно, наш армейский клуб
Помешал кому-то.
То ли еще будет, ой, ой, ой!

А зенитовские фанаты кричали:

Раз, два, три, четыре!
Кто в фуражке, тот из Чили.

И дальше распевно:

Мы не в Чили!

Все знали, что в Чили правит военная хунта, власть держит диктатор Пиночет. Проще говоря, мы были против диктатуры. Помню, журналист из «Авроры» спросил меня, что бы я изменил в стране, если бы от меня что-либо зависело. Я ответил, что было бы здорово, если бы в России был бы такой же режим, как во Франции. Почему именно во Франции? Просто незадолго до моего разговора с журналистом наше телевидение показывало матч одной из советских команд с каким-то французским клубом, кажется, с «Лионом», и я позавидовал местным фанатам, они размахивали флагами, были одеты в клубные футболки, а их песни наверняка разносились по всей округе.

- Жаль, что в России произошла Октябрьская революция. Если бы продолжал править Александр Керенский, то в России утвердились бы те же порядки, что в Европе, - заявил я тогда. Сейчас я, конечно, так не думаю. Но можно ли осуждать парня, за то, что он, живя в Советском Союзе, где его постоянно задерживали и избивали менты, мечтал о демократии западного типа? Думаю, нет, нельзя осуждать.

О включенности фанатов в политические бои можно написать диссертацию, но это не моя задача. Российский футбольный фанатизм, конечно, имеет свое лицо, но в целом он повторяет зады Европы, а в Европе фанатизм чрезвычайно политизированный. В Италии за римский «Лацио» болеют правые и националисты, а за «Ливорно», клуб из города, где зародилась итальянская компартия, - коммунистическая молодежь, которая вывешивает баннеры с изображением Сталина и Че Гевары. За голландский «Аякс» фанатеют антифа-хулиганы, как и за французский «Марсель». Каталонский футбольный клуб «Барселона» поддерживают местные сепаратисты и леваки. Недаром в музее «Барселоны» на легендарном стадионе «Камп Ноу» с гордостью крутят исторические видеокадры, которые запечатлели, как барселонцы победили мадридский «Реал» на глазах у диктатора Франсиско Франко, которого каталонцы ненавидели за то, что он запретил каталонский язык и лишил Каталонию автономии. Болельщики футбольного клуба «Барселона» никогда не забудут молодого президента своего клуба - Саньоля, расстрелянного по приказу Франко. Фанаты «Барселоны» размахивают как клубными гранатово-синими знаменами, так и каталонским красно-желтым флагом, только не с крестом, а с красной пятиконечной звездой. Стены стадиона «Камп Ноу» расписаны граффити - Catalonia is not Spain. У барселонского «королевского клуба» «Эспаньол», как и у

королевского мадридского «Реала», а также мадридского «Атлетико», наоборот, торсиды ультраправые. И т. д.

За развитием фанатского движения в России я долго не следил, а когда вновь обратил на него внимание, то сразу заметил, что здесь пышным цветом расцвел расизм. Раньше человека, пришедшего на сектор, никто не спрашивал, какой он национальности. Так, лидерами армейского фанатизма в Москве были грузин Анзор и татарин Закир. То, что я по папиной линии имею грузинское происхождение, проблем в фанатской среде мне не создавало. Моего друга Смолина никто никогда не попрекал его еврейскими корнями.

Я вспоминаю лишь один случай «межрасового конфликта» с участием фанатов, и связан он, как ни странно, именно со Смолиным. Его и какого-то еще зенитовского фаната, кажется, Тестя, ночью высадили в Калинине. Зачем-то ребята спустились в подземный переход, где на них напали несколько чернокожих, видимо, это были студенты, но получили отпор.

- Я ударил негра в его пухлые черные губы, и из них брызнула красная кровь! - рассказывал мне потом Смолин с гордостью в голосе. - Ара, это охуенно заводит - красная кровь, размазанная по черной харе!

Дерущихся то ли разняли менты, то ли негры убежали. Ни Смолин, ни Тесть расистами не были, а что касается смолинского рассказа о красной крови на черной харе - так это не более чем юношеская бравада.

Я и сам столкнулся с хамством негров, причем все в том же Калинине и все в том же подземном переходе. Меня обогнала группа черно-кожих парней, один из них обернулся и крикнул мне: «Эй, армян-обезьян!» От неожиданности я потерял дар речи, а когда пришел в себя, заорал вслед черным: «Сами обезьяны!»

Кстати, что касается негров, то, помню, на 33-й сектор приходила одна молоденькая «шоколадка» - «дитя фестиваля», наверное. И ее никто не гнал.

Правда, когда я решил познакомиться с негритянкой и сказал о своем желании приятелю, тот удивленно посмотрел на меня и сказал: «Как хочешь, Ара. Но учти, ребята над тобой прикалываться будут». Я не стал знакомиться с негритянкой, так как не хотел стать объектом насмешек. Но даже если бы я подкатил шары к чернокожей девице, никто бы не осуждал меня за «предательство расы». Ребята просто подтрунивали бы надо мной, задавая вопросы типа: «Ара, скажи, а у негритянок везде все черное?»

В общем, если с неграми и были проблемы в те годы, то совсем небольшие, да и сталкивались мы с неграми почему-то

исключительно в подземном переходе в Калинине. Национализма в нашей среде не было вообще, во всяком случае, я не замечал его. Мы все понимали, что живем в большой многонациональной стране, и, поддерживая сборные команды, гордо кричали: «Со-ветский Со-юз!»

С тех пор, как говорится, много воды утекло, много чего случилось. Советский Союз развалился и бывшие «братские народы» бросились убивать друг друга. Когда я был фанатом, шла война в Афганистане, где гибли наши солдаты. Но та война была далеко, где-то за горами, за долами. Многие из нас даже не знали, как выглядят эти афганцы. Другое дело - война в Чечне, то есть на территории собственного государства. Власть и ее пропаганда, чтобы оправдать бойню в Чечне, слепила образ врага, им стал кавказец - корыстолюбивый террорист и русофоб.

После развала Союза в российские города хлынул поток иммигрантов из «ближнего зарубежья», причем часто из тех республик, откуда были изгнаны русские, например, из Узбекистана и Киргизии, появились этнические криминальные сообщества. Упадок образования привел к массовой необразованности среди молодежи. Молодые люди не знают элементарных вещей, не говоря об истории. Я, например, частенько встречаю людей, которые уверены, что грузины - мусульмане, и поэтому они заодно с чеченцами. Когда им говоришь, что грузины приняли христианство одними из первых в мире, они искренне удивляются, а порой и не верят этой информации. Все эти явления - болезненный развал некогда мощной страны, межэтнические бойни, изгнание русских из ближнего зарубежья, иммиграция, массовая необразованность - обернулись обострением национального и расового вопроса в самой России.

В околофутбольной среде этот вопрос порой обсуждается в совсем нездоровом ключе. Так, в сети я совершенно случайно наткнулся на обсуждение темы, за какой клуб следует фанатеть русским патриотам.

- За «Зенит», - призывает какой-то виртуальный баталист из Живого журнала и объясняет почему: - Потому что в цветах «Зенита» нету черного.

- Ну цвета клуба - это не есть самое страшное, - отвечает ему любитель футбола из Движения против нелегальной иммиграции. - Пусть хоть у клуба только черные цвета будут. Главное, что на поле только белые люди играли. У «Зенита» вроде особо негроидов мало, да? Легионеров много, правда. Но в основном из Восточной Европы.

- В «Зените» НИКОГДА не играло черных! - продолжает

рекламировать сине-бело-голубой клуб какой-то черт под ником casualreletion2. - Да и позицию болельщиков руководство знает хорошо по этому вопросу. Посему негры навряд ли появятся.

- Я реально от «коней» и «локо» в шоке: тошниловка, - переживает умник из ДПНИ.

- Почему не упоминаете САМЫЙ БЕЛЫЙ КЛУБ - «Торпедо»? - вмешивается в виртуальный разговор блюститель расовой чистоты в футболе из национал-большевистского фронта (НБФ создали нацболы, которые отошли от Лимонова, когда он связался с либералами).

По мнению этого нацбола, «Торпедо» не играет в высшем дивизионе именно потому, что это - белая команда, а значит - самая нищая.

На одном общефанатском сайте я обнаружил статью одного умника, который, черпая аргументы в трудах Жозефа Артура де Гобино и какого-то сумасшедшего каталонского профессора Ивана Косты, доказывает, что негры, а заодно арабы с евреями, - недочеловеки. Правда, в этой статье есть любопытная информация о диктаторе Франко. Оказывается, он был сефардом - «отпрыском стопроцентной еврейской семьи»! «Во время Второй мировой войны, Франко занимался спасением евреев по всей Европе, естественно (и это очень характерно для еврейской ментальности), не безвозмездно, - сообщает умник. - Беря деньги у своих соотечественников, Франко тратил их на любимую игрушку - мадридский «Реал», во главе которого он поставил лейтенанта Сантьяго Бернабеу де Иесте, прославившегося особенной жестокостью в каталонских сражениях».

Якобы, когда израильский генерал Моше Дайян находился с визитом в Испании, он публично поблагодарил Сантьяго Бернабеу, а «Реал» назвал «подлинным еврейским клубом». В ответ растроганный Бернабеу снял с собственного лацкана значок «Реала» и вручил его главе израильской делегации. «Нас тошнит от этого!» - с такой шапкой вышла на следующий день каталонская газета Sport.

Если в итальянском околофутболе половина «фирм» - ультралевые, а половина - ультраправые, если в Испании преобладают националисты, но есть и две чисто ультралевые «фирмы» - фанаты «Сельта» из Виго (Celterras) и ультрас «Депортиво» (Riazor Blues), а также баскские и каталонские левые националисты, то российский околофутбол в основном ультраправый. Когда-то в зенитовской «грядке» существовала «Бригада Че», но это было сборище какой-то попсовой кузьмичевщины, с политикой никак не связанной.

В общем и целом, российские ультрас тяготеют к правым

организациям, а те тяготеют к фанатам. Особенно в провинции. «С отдельными представителями тюменских NS/WP отношения дружеские, некоторые из бритых посещают домашние матчи ФК «Тюмень» и периодически выбираются на выезда», - сообщает один из представителей тюменской торсиды. В свою очередь лидеры правых организаций делают фанатам комплименты. Так, лидер ДПНИ Александр Белов (Поткин) после того, как «Зенит» выиграл чемпионство, заявил, что большинство фанатов этой команды - «правые русские патриоты», и чтобы понять это, «достаточно послушать их гимн». Правда, если речь о старом гимне, то Поткин врет, ибо старый гимн фанатов «Зенита» - слегка переделанная песня «Город над вольной Невой», в которой нет даже намека на национализм и расизм.

Футбольные фанаты были замечены среди тех, кто учинил кровавый погром на московском рынке в Царицыне: якобы в погроме в полном составе участвовала армейская «фирма» KIDS, а также другие фанаты.

Напомню, что в конце октября 2001 года на рынок в Царицыне напала толпа молодежи, о которой «Комсомольская правда», в которой я тогда работал, написала: «Это была стая псов, опьяневших от крови…» Если верить «Комсомолке», хроника погрома такая:

2020. На железнодорожную станцию Царицыно прибывает электричка из подмосковного Подольска. Группы погромщиков в два потока, от первого и последнего вагонов, устремляются к станции метро, сметая и сбивая всех, кто попадается под руку. Молодые люди. Одеты обычно. Вооружены железными арматурными прутьями 30-40 см длиной. Выкрикивают лозунги: «Россия, вперед!», «Локомотив» победит!»

2022. «Мы собирались закрывать магазин. Последний клиент увидел на улице толпу, испугался за свою машину и выбежал. Тут же к нему подлетели несколько этих гадов и повалили на землю…» (Свидетельствует продавец ювелирного магазина Варвара.)

20.23. Десятки ног молотят по трем торговцам, лежащим на асфальте. Пожилая продавщица из цветочного киоска пытается остановить налетчиков. Но не успевает закончить фразу: палки обрушиваются ей на голову. «Я не знаю у кто они такие. Они кричали что-то вроде: «Москва - вперед!» Но ни на болельщиков, ни на нацистов не походили. Просто ублюдки!» (Свидетельствует продавец ювелирного магазина Варвара.)

20.24. «Черный» убегает!» - клич над беснующейся толпой. Уже у троллейбусной остановки кулаки настигают солидного армянина. «Его били человек десять. Через несколько минут мужик

уже не пытался встать. Так и лежал в луже крови». (Свидетельствуют таксисты.)

20.25. Два постовых милиционера наблюдают за происходящим, не предпринимая никаких действий.

20.30. На пульт дежурного в отделении милиции «Царицыно» поступает сообщение со стационарного поста на улице Товарищеской:

- У нас драка! Человек триста! Сами не справимся!

20.45. На площадь прибывает первый наряд милиции. Но и десяток милиционеров не в силах прекратить побоище. Старший группы выхватывает пистолет и трижды стреляет в воздух. В следующую секунду опьяненные кровью бандиты, как стая псов, бросаются врассыпную. Большинство мчится в метро.

Подъезжают первые машины «Скорой помощи». Срочно госпитализируются 22 продавца и случайных прохожих. Тело 37-летнего Вардана Ашотовича Кулиджаняна, которого забили возле остановки, лежит на мокром асфальте под охраной милиционеров. Чуть позже в 7-й городской больнице, не приходя в сознание, скончается от многочисленных побоев 35-летний Шарма Прадис Кумар.

Прорвавшиеся в метро продолжают избивать всех, кто попадается на пути. Выйдя на станции «Красногвардейская», они громят автомобили возле гостиницы «Севастополь». Милиционеры снова стреляют в воздух.

24.00. Задержаны 26 из нескольких сотен погромщиков. Известна фамилия одного из них. Учащийся ПТУ из подмосковных Мытищ Сергей Поляков, 1984 года рождения. Он избивал лежащего на земле человека. «При себе у них были членские книжки клуба «Спартак», - дает первые пояснения замначальника УВД Южного округа столицы полковник Михаил Колесник.

- По нашим предварительным сведениям, девяносто процентов налетчиков были несовершеннолетними. Значительная часть - футбольные фанаты, не сумевшие «выпустить пар» после субботнего матча «Спартак»-«Зе-нит». К ним подключились взрослые провокаторы, - поспешил заявить начальник столичного ГУВД генерал-майор Владимир Пронин.

А начальник службы безопасности царицынского рынка Юрий Кульнев вообще, несмотря на то, что своими глазами видел, как разворачивались события, не разглядел в погроме «никакой спланированной акции». «Подростки явно ехали на футбольный матч», - сообщил он моим коллегам. При этом сам же Кульнев рассказал, что «никакой атрибутики - ни эмблем, ни повязок со свастиками, ни «фанатских шарфиков» на погромщиках он не

заметил, это были - «обычные подростки пятнадцати-семнадцати лет». По логике Кульнева выходит, что на футбол обычные подростки ходят, прихватывая железные прутья и биты. Мало ли кого по пути они встретят!

Лидеры ультрас поспешили откреститься от акции в Царицыне: одно дело стычки между «фирмами», другое дело - экстремизм с мокрухой.

- Погром на царицынском рынке? Честно говоря, не пойму, при чем здесь фанаты, - удивлялся спартаковский Профессор, наверное, тот самый, с кем я когда-то подрался в Москве. - Там что, на рынке - болельщики ЦСКА или «Динамо» сидят? Во вторник в полдевятого вечера все уважающие себя болельщики смотрели игру «Локомотива» с «Реалом» в Лиге чемпионов. Наверное, дело в том, что очень много людей пытаются свои проблемы свалить на фанатов. В таких делах всегда легче искать не виноватого, а крайнего. А кто у нас не прячется - человек в шарфе! Помните, как недавно в газетах трубили: в Питере спартаковские фанаты зарезали болельщика «Зенита»! Потом выяснилось, что это местные наркоманские разборки - человека убили за долг в двести долларов. Но об этом уже писали мелким шрифтом на последней странице. А уж фанатские погромы на рынках - это вообще бред. Ни о какой целенаправленной акции не может быть и речи. Мы, конечно, не ангелы, но не надо из нас делать дебилов.

Профессор либо лукавит, либо совсем оторвался от реальности. Молодые хулиганские лидеры не отрицали, что среди погромщиков было немало фанатов. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы парни из реального движа участвовали в погроме с клубным шарфом на шее и членской книжкой фан-клуба в кармане. Идти на погром на таком палеве, значит, быть либо провокатором, либо - полным кретином.

Подозрения в убийстве антифашиста у станции метро «Китай-город» в Москве (16 марта 2008 года) пали на фанатов «Спартака». Правда, в околофутбольной среде убеждены, что убийцы тоже не из движа, ибо все истинные спартаковские фанаты в день убийства находились на выезде в Петербурге, где «Спартак» играл с «Зенитом».

По пояс голые парни в белых ку-клукс-кла-новских колпаках были замечены на трибунах «Петровского», когда петербургский «Зенит» играл с командой из Марселя, в которой преобладают чернокожие футболисты. Когда албанское Косово объявило о своей независимости, по российским стадионам прошла волна акций солидарности с Сербией: фанаты вывешивали сербские флаги и по-сербски скандировали: «Косово есть сердце Сербии!»

Несмотря на то, что эти акции затевали ультраправые, я в них участвовал, ибо полностью согласен с тем, что Косово - это Сербия.

Издатели Русского Фан-вестника, фанзина фанатов ЦСКА, погром не поддержали, но и не осудили. С одной стороны, размышляли «армейцы», погромщиков понять можно: «переселенцы с Кавказа, из Средней Азии и беднейших стран действительно ДОСТАЛИ большинство русских и представителей других национальностей, где они селятся, развивая (за небольшим исключением) преступность, серость, неравную конкуренцию, неприемлемый образ жизни». Но с другой стороны, такой акцией «можно нахлобучить все движение, поставить его под тотальный контроль и в итоге

извести его». Издатели РБФ заподозрили, что погром имел «заказной характер» с целью дискредитации «белого и фанатского движения»: «Ясно и то, что события, аналогичные этим могут разрушить фанатизм, т. к. все движения существуют до первого смертельного случая».

Так или иначе, где кончается русский околофутбол, а также околохоккей, и начинается неонацистская грядка, определить сейчас очень трудно. «Ультраправых становится, к сожалению, все больше на вираже, это правда», - согласился со мной один из лидеров зенитовского «Объединенного фронта».

Как общий для фанатов национализм сочетается с враждой между «грядками» и «фирмами», я понимаю плохо. Как может «правый русский патриот» из Москвы до смерти избивать такого же «правого русского патриота» из Петербурга, и наоборот? Почему «правый русский патриот», для которого сочетание красного и синего цветов - самая лучшая гамма на свете, за честь считает погнать с позором «правого русского патриота», для которого самая лучшая гамма - сочетание красного и белого? Вот европейские фанатские традиции, когда вражда между фирмами - это еще и политическая вражда, мне близки и понятны. Но нынешние фанаты уверены, что все нормально, когда надо, фанаты всей страны обязательно объединятся.

«Я искренне ненавижу динамиков, торпедоны вызывают во мне некое пренебрежительное раздражение, - пишет, например, некто под загадочным псевдонимом Q в фанзине фанатов «Зенита». - Но я точно знаю, что в случае агрессии другого государства или необходимости, скажем, подавления красной заразы внутри страны, я смогу рассчитывать на помощь и бело-голубых, и черно-белых, и вообще хулиганов всей страны».

Где почти нет негров, так это в российском хоккее. Ворота «Акбарса», а потом «Авангарда» одно время защищал чернокожий

Фрэд Бретуэйт, а ворота «Атланта» - задорный индеец Рэй Эмери. Да и евреи-хоккеисты - редкий вид. Поэтому я удивился, когда на матче родного СКА на фанатском секторе заметил красное знамя с кельтским крестом в белом круге. Против самого кельтского креста я ничего не имею против. В конце концов - это древний солярный символ. Но на игре СКА в Ледовом дворце был вывешен флаг, который весьма напоминал нацистский. «Блядь! Что за хуйня! Что должно было произойти в стране, чтобы на матче команды, история которой связана с Красной армией, появился нацистский флаг!» - негодовал я. Дело было в августе 2006 года, на хоккейном турнире Ленинградского военного округа.

До этого я видел на фанатской трибуне черно-желто-белый имперский триколор с кельтским крестом, но меня это мало задевало. Мне кажется, что для большинства фанатов кельтский крест - не более чем дань субкультурной моде. Так, мои знакомые московские армейцы, которые были бойцами известной хулиганской «фирмы» Red Blue Warriors (Красно-синие воины), носили красно-синие розетки с кельтскими крестами вместо звезд, однако я не слышал, чтобы эти парни высказывали расистские мнения.

Правда, не сказал бы, что эта мода мне очень нравится. Для меня СКА и ЦСКА всегда были частью той армии, которая дошла до Берлина и разгромила нацизм, а главарь нацистов, дабы не попасть в руки наших воинов, сдох в подземелье, как крыса.

Словом, я решил выяснить, кто вывесил фактически нацистское знамя на игре родной команды: вычислил, как они выглядят, а потом, в перерыве между периодами, пошел в бар, где эти парни, прямо скажем, мало похожие на бойцов, пили пиво.

- Ребята, а можно узнать, почему на матче СКА вы повесили красно-белый флаг? - спросил я.

Один из них, тощий, я бы даже сказал - изможденный, начал было меня парить:

- А это цвета СКА. Разве армейский щиток на твоей красной футболке не белого цвета? Вот и этот наш флаг - красно-белый.

- Парень, я знаю цвета СКА, я много чего сделал ради них. Мне просто интересно, что вы хотите сказать, вывешивая на матче армейцев знамя, которое не имеет с ними ничего общего.

- А ты Ара, что ли? - спросил меня второй парень, пухлый и белобрысый.

- Ара.

Дальше белобрысый пустился в банальные рассуждения о кельтском кресте, и мне пришлось перебить его.

- Парень, я знаю, что это за символ - кельтский крест. Против него самого я ничего не имею. Правда, мне по душе красная

звезда. Но вы даже не потрудились поместить кельт на армейские цвета, как это сделали московские RBW, а тупо вывесили на матче ленинградского СКА почти что гитлеровское знамя. И еще говорите мне, что это флаг СКА. Зачем? А что если я завтра я вывешу черное анархистское знамя и скажу, что это - знамя СКА? Есть же армейские цвета, армейское знамя. Под политическими знаменами лучше на митинги ходить и демонстрации. Кроме того, вы добьетесь, что всех фанатов СКА будет разрабатывать антиэкстремистский отдел УБОПа. Я советую - не вешайте больше это знамя, себя подставите и ребят, которые политикой не занимаются.

Я пытался говорить спокойно, без наезда, без интонации типа «кто вы ваще такие?» Я давно отошел от фанатизма, и хожу на хоккей, чтобы получить удовольствие. Просто я люблю этот вид спорта и продолжаю переживать за

СКА. Перед матчами я не бегаю вокруг стадиона с факелом в руке и не возвещаю: «Я - Ара! Уважайте меня! Ибо я - зачинатель армейского фанатизма в Питере!»

Парни вняли моим увещеваниям и флаг сняли.

Но вскоре случилась Кондопога. И на домашнем матче армейцев с «Витязем» фанаты СКА растянули баннеры «Кондопога - русский город!» (с чем в принципе никто не спорит, кроме карелов, наверное) и «Чурки, в горы!». Я сидел на журналистской трибуне, и люди вокруг меня недоумевали. Мол, что за хуйня? Причем тут Кондопога?

Об этой акции прознали телевизионщики с НТВ, они приехали на следующий домашний матч армейцев и снимали фанатов. Фанаты с удовольствием позировали перед телекамерами, полагая, что снимают репортаж об армейском фанатизме в Питере. И каким же было их удивление, когда они увидели себя в сюжете… о Движении против нелегальной иммиграции.

- Вы видите фанатов СКА, - вещал мрачный голос за кадром, - которые являются боевым крылом ДПНИ. Недавно на одном из матчей они провели акцию «Кондопога - русский город».

Самое смешное, что в кадр попали люди, которые не имеют к ДПНИ или другим правым организациям никакого отношения. Ребята потом писали на НТВ письма протеста, требуя опровержения, но никакого ответа, как и следовало ожидать, не получили.

Я стоял у касс Ледового дворца, до начала матча оставалось минут пятнадцать.

- Простите, мне вам просили передать кое-что…

Передо мной вырос какой-то длинный и тощий подросток, он

шмыгал носом и смотрел не прямо на меня, а куда-то мне за плечо.

- Ну, говори…

- Мы вас уважаем, но просим не ходить на антифашистские акции в розетке СКА.

- Чего? А вы, это кто? - по правде сказать, от неожиданности я даже растерялся и не понял, о какой антифашистской акции речь.

- Мы - это молодые фанаты СКА.

- Приятель, я имею полное право ходить в шарфе СКА, куда хочу и с кем хочу. Скажи это тем, кто тебя послал поговорить со мной. И лучше бы они сами мне в лицо высказали свои претензии.

И лишь под конец общения с тощим подростком я сообразил, о какой акции идет речь. В шарфе СКА я обычно не хожу, надеваю только в дни матча, и то - непосредственно перед стадионом или уже на трибуне. В день, когда армейцы играли дома (не помню, с кем), я, перед тем как поехать в Ледовый дворец, ходил на «Марш против ненависти», который ежегодно проводят либералы и антифашисты в память об убитом нацистами этнографе Николае Гиренко. Я, понятное дело, не либерал, меня смешат их наивные (или циничные) рассуждения о толерантности. Разве может быть толерантность в обществе, разделенном на богатых и бедных? Но я очень не люблю расистов и нацистов. В общем, на «Марше против ненависти» я оказался не случайно. Правда, пошел на него не как активист, а как журналист -дабы написать о мероприятии.

Как я потом узнал, на Марше меня сняли на видео нацистские скауты, а потом вывесили ролик в Интернете. После чего начались говнотерки на наци-фанатских форумах и чатах.

- Что это за чувак в армейском шарфе на антифашистском марше?

- Да это Ара!

- Армянин?

- Нет, он грузинского происхождения.

- Грузин?! Да как вы его терпите на секторе?

Эти обсуждения меня немало позабавили. С точки зрения нациков, быть грузином плохо. В то же время те же правые болеют за римский «Лацио», а итальянцы имеют с грузинами очень много общего. По одной из версий, в древности родственниками грузин были этруски, которые жили на Апеннинах, в той самой местности, где сейчас находится Рим, то есть в нынешней провинции Лацио (правда, вряд ли среднестатистический нацик так глубоко копает историю вопроса). Как правило, любой нацизм имеет зеркальное отражение. Те же грузинские националисты вообще не считают

русских представителями белой расы, мол, это - это монголы по традициям, да и от славян в них мало что осталось.

Что касается моего антифашизма, то нацики, наверное, не знают, что в антифашистской среде меня считают фашистом, поклонником Бенито Муссолини. Как только завязывается какой-нибудь спор о политическом движении, в котором я участвую как активист, его обличители всегда либо начинают, либо заканчивают этот спор «козырным» аргументом - Жвания возглавлял в Петербурге НБП, когда эта партия не скрывала своего восхищения фашизмом, значит, Жвания - фашист.

Фашист? Да, я не люблю бросаться лозунгами типа «Власть - рабочим!», «Власть - народу!» или «Даешь всеобщее самоуправление!». С моей точки зрения, это наивные лозунги. Весь народ или весь рабочий класс не может быть властью, да и при самоуправлении обязательно выделяется прослойка, которая принимает решения, распоряжается деньгами, имеет доступ к информационным ресурсам. Иначе и быть не может. Но я не намерен оправдываться перед кем-либо, а перед нациками тем более.

В перерыве одного из матчей ко мне подошел парень лет тридцати, которого я часто видел на фанатском секторе. Не буду называть ни его прозвище, ни то, как он выглядит. Парень этот старается не светить щами, и я не хочу подставить его. В свое время он был лидером питерской армейской группировки Nordic Soldiers («Северные солдаты»), куда изначально входили правые фанаты (в классическом фанатском понимании), но затем ее состав изменился, и она стала классической хулиганской фирмой. Сейчас этой фирмы нет, она распалась. Правда, иногда на домашних матчах появляется десятиметровый красно-синий баннер, на котором золотыми буквами написано Nordic Soldiers. Смотрится красиво.

Nordic Soldiers - достойная страница армейского фанатизма в Питере. Фирма защищала в Петербурге красно-синие цвета, честь СКА, когда армейцы играли ужасно, а в городе началось сине-бело-голубое помешательство. Понятное дело, чтобы быть лидером такой группировки, нужно, как говорят испанцы, иметь крепкие яйца, то есть быть смелым и решительным парнем.

- Ара, я слышал, ты поссорился с нашей молодежью. Говорят, ты даже им разборками угрожал. Зачем? Напрасно ты так. Ребята молодые, многое делают из эпатажа. И мне кажется, ты зря на политические акции в розе ходишь, ведь далеко не все фанаты разделяют твои убеждения… Я знаю, что в твое время фанаты были ближе к анархистам. Но время прошло, ситуация изменилась. Сейчас, знаешь, в движе разные настроения. Лично

для меня главное - объединить ребят, возродить сектор… Уверен, политика этому не поможет, - лидер «нордиков» говорил со мной уважительно, и вообще, вызывал симпатию.

- Вот именно! - ответил я. - Поэтому флаги с кельтом в белом круге вывешить нельзя.

- Да, согласен, ребята это напрасно сделали. Но ты пойми, они же молодые, это из эпатажа… Ты вспомни, каким сам-то был в их годы.

В общем, мы перетерли. Я заверил, что даже и не думал драться с молодыми фанатами СКА, объяснил, почему на «Марш против ненависти» надел шарф СКА, а лидер «нордиков» обещал проследить за тем, чтобы на матчах армейцев больше не появлялось красно-белое знамя с кельтским крестом. Похоже, обещание свое он сдержал. Так или иначе, больше это знамя на матчах СКА я не видел.

И все же ставить между фанатами и ультраправыми знак равенства нельзя. Когда члены питерской нацистской банды «Mad Crowd» подняли на «Петровском» знамя со свастикой, они получили отпор со стороны ветерана зенитовского движа Макса Пацифика, который им пообещал «по кускам засунуть их ебаное нацистское знамя в их засранные задницы». «Mad Crowd» это не понравилось, они наезжали на Макса, но он не сдулся.

Старый фанат «Зенита» Валет, который сейчас занимается тем, что готовит к играм баннеры, на вопрос, есть ли темы, которые никогда не будут обыгрываться на его баннерах, ответил, да, есть такие темы - «это политика, расизм, националистические призывы».

А участие футбольных хулиганов в погроме многие фанаты осудили.

- К акции в Царицыне я отношусь очень негативно, - заявил один из представителей московской армейской «фирмы» Red Blue Support. - Я считаю, что не место футбольным фанатам на такого уровня акциях. Для этого существуют другого рода организации. Если уж есть конкретное желание валить черноту, то нужно подальше держаться от стадионов. Ведь это ни к чему хорошему привести не может, кроме как к сроку.

Он уверял, что в «фирме» RBS (которая распалась вскоре после событий в Царицыне) нацистские идеи разделяли далеко не все: «Есть несколько ярых nazi, несколько поддерживающих их и есть те, кому это по барабану. Лично я из третьих».

В Манифесте RBS было четко написано: «Тянет на WP - тусуйся с бритыми, не тянет - гоняй в сритбол с рэпаками, НО НЕ ТАЩИ НИ ТЕХ, НИ ТЕХ НА ФУТБОЛ И САМ ДЕРЖИСЬ В СТОРОНЕ».

- Пойми, Дима, система ждет трупов. Не дай Бог! Тогда сверху сразу последует команда «фас», и будут применены карательные меры, - говорит Макс Пацифик, который убежден, что «фанаты вписаны в политический процесс». - Читая некоторые газеты, просматривая программы о фанатах, отчетливо понимаешь, что СМИ готовят общество к спокойной реакции на «жесткие меры». Питеру опять наклеивается ярлык, фашистско-экстремистский вместо недавнего бандитского. В целом фанатизм сегодня контролируется и, пожалуй, манипулируется ровно в той же мере, в какой контролируются другие молодежные движения, неугодные власти. Я имею в виду лимоновцев, антиглобалистов, фашистов, антифашистов и так далее. Де-факто фанаты уже вписаны в современную политику России, и политика вписана в них. Вожаки с уголовными статьями «вещают за суппорт» с телеэкранов. Идет активное взаимопроникновение молодежных группировок политического и спортивного толка. На трибунах были и есть люди, разделяющие радикальные расистские идеи. И они находятся не на последних ролях в организации боления и «околофутбольных дел». В конце концов, все знают, кто в Москве охраняет митинги «Наших», чьи фанаты нападают на активистов НБП, какую из ориентированных на Кремль партий поддерживают спартаковские «топ-фирмы». Система просто ждет часа «Икс», и это ожидание страшит меня больше всего.

Опасения Макса подтвердились. Бойня в Царицыне была первой серией, актом политической провокации, а второй стал погром в центре Москвы 9 июня 2002 года, когда толпа якобы не смогла совладать с собой после поражения футбольной сборной России от сборной Японии на чемпионате мира. Были погромщики фанатами или нет, ни менты, ни журналисты выяснить не удосужились. Важна была картинка: разбитые огромные экраны, на которых транслировали позорный матч, горящие автомобили вблизи Кремля, труп парня… Как и после бойни в Царицыне, после погрома в центре Москвы, политики и подконтрольные власти СМИ дружно подняли вой о необходимости ужесточения Закона об экстремизме. Закон ужесточили, и теперь режим использует его для нейтрализации деятельности оппозиции. Как оппозиционный активист, я знаю об этом не понаслышке.

Интересно, что некоторые фанаты события на Манежной приняли за народное выступление против обнаглевшей власти. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Обезумевшая толпа переворачивает автомобили, крушит витрины дорогих магазинов, - пишет на сайте Ландскрона какой-то зенитовский хулиган. - Однако среди всеобщего хаоса у этих беспорядков

четко прослеживается вектор. Толпа двигалась в сторону Охотного ряда, Государственной Думы. И очень мало было там людей, для которых околофутбольное насилие стало стилем жизни, они предпочли остаться дома или смотрели матч в барах. Все мои московские знакомые поступили именно так. Бесчинствовал русский народ. Открыто выступил против власти. А власть не нашла в себе мужества признать свою трусость и беспомощность в сложившейся ситуации. Она предпочла спустить всех собак на несчастный рекламный ролик, эпизод из фильма «Большой Лебовски», где здоровенный верзила крушит машину бейсбольной битой, якобы он «завел» толпу».

Впрочем, как верно подметил Макс Пацифик, подписать фанатов пытаются не только правые организации, но те структуры, которые только и делают, что кричат о фашистской опасности, а именно - «молодежное демократическое антифашистское» движение «Наши».

Известно, что «нашистский» лагерь на живописных берегах озера Селигер охраняли спартаковские «Гладиаторы», а осенью 2005 года «мясные» хулиганы напали на нацболов и активистов Авангарда красной молодежи в Москве (речь о нашумевшей бойне на «Автозаводской»). Вот что, например, писала об этой акции газета «Версия» 5 сентября 2005 года:

«В одном из московских офисов на минувшей неделе собралась группа молодых людей из нескольких левацких организаций (ИБП, АКМ, Союз молодежи «За Родину»), Помещение предоставила КПРФ. Цель встречи - учреждение молодежной оппозиционной коалиции ЛОМ (Лига объединенной молодежи).

Пока организаторы заседали, у входа в офис собралась толпа активистов всех трех движений. А затем 25 человек в масках и строительных белых перчатках, вооруженных бейсбольными битами и травматическими пистолетами, напали на леваков и в буквальном смысле слова искалечили семерых из них.

Из здания на помощь своим выбежали участники конференции и обратили нападавших в бегство. Хулиганы скрылись на автобусе, побросав маски, перчатки и оружие. Автобус был вскоре остановлен милиционерами, которые препроводили задержанных в ОВД «Даниловский». Последние сразу же заявили, что у них есть «высокие заступники» и их придется вскоре отпустить. Покровители не заставили себя ждать. Некто позвонил в отделение милиции и потребовал отпустить хулиганов. Просьба оказалась столь убедительной, что сотрудники правоохранительных органов вывезли задержанных из отделения небольшими группами на служебном транспорте. Видимо, для

того, чтобы избавить их от встречи с журналистами и разъяренными леваками, которые к этому времени уже собрались у ОВД. Милиционеры были в ярости.

В настоящий момент имена всех нападавших известны, тем не менее вопрос, кто организовал побоище, остается открытым.

Лидер НБП Эдуард Лимонов сразу заявил, что нападение было организовано движением «Наши». А пресс-секретарь «Наших» Иван Мостович, в свою очередь, поспешил опровергнуть возможность их участия в этом погроме. Корреспондент «Версии» попытался провести собственное расследование этого инцидента.

«Дело в том, что белые строительные перчатки, которые были на хулиганах, характерная примета разборок спортивных фанатов. Болельщики-драчуны считают, что такие перчатки снижают риск травмырук во время драки, и в то же время их не жалко выбросить при появлении милиции.

Как выяснилось, руководил группой погромщиков Роман Вербицкий, известный в определенных кругах как Колючий. Под «определенными кругами» подразумевается бойцовская группировка фанатов «Спартака» Gladiators Firms (они же GF, они же «гладики»), основанная еще в 1996 году: До недавнего времени «Гладиаторы» насчитывали всего человек 20, но сейчас их число выросло до 100-150 бойцов. Лидером группировки является Василий Степанов он же Вася Киллер, которого уже подозревали в нападении на нацболов и захвате их бункера. Остальные «белоперчаточники» также известны среди фанатов как члены клуба Gladiators Firms.

В мире футбольных хулиганов все хорошо знают друг друга если не в лицо, то, по крайней мере, по кличкам. Наши источники в фанатских кругах утверждают: «Гладиаторы» действительно связаны с «Нашими». Именно этим фактом объясняется рост численности этой группировки спартаковцев.

Более того, около сотни «гладиков» являются сотрудниками службы безопасности движения «Наши». Причем эту службу пытаются зарегистрировать как ЧОП. Иными словами, уже в ближайшее время футбольные хулиганы могут получить официальное основание для владения огнестрельным оружием и иными спецсредствами.

«Наши» бесплатно выделили «Гладиаторам» спортзал, где члены группировки могут совершенствовать свои бойцовские навыки. На различных торжествах «Наши» накрывают для них праздничные столы. А в кругах футбольных болельщиков бытует мнение, что зарплата «гладика» в качестве охранника

пропутинского движения достигает $1200.

Можно, конечно, предположить, что наличие одних и тех же людей в службе безопасности «Наших» и в бригаде фанатов-боевиков - следствие кадровой неряшливости. Ну не разобралось руководство движения, кого подрядило для собственной охраны. Однако источники «Версии» утверждают: связи «Гладиаторов» и «Наших» имеют более крепкие корни. Так, один из фанатов, получивший в болельщицкой драке задолго до возникновения «Наших» удар бейсбольной битой по голове, пролежал два месяца в коме и стал инвалидом. Сейчас он пользуется материальной поддержкой движения.

Свои фанатские интересы сотрудники безопасности не забывают, даже находясь при исполнении. Так, прямо на берегу озера Селигер, где находился летний лагерь «Наших», произошла драка между охранявшими лагерь «гладиками» и несколькими болельщиками ЦСКА. Последние утверждают, что не искали ссоры, а приехали на озеро отдохнуть «дикарями», но были узнаны традиционным противником и из-за численного перевеса (соотношение сил было 4 на 20) биты.

Буквально на следующий день около 50 фанатов ЦСКА приехали на Селигер мстить за товарищей, но «Гладиаторы» бой не приняли, пригрозив вызвать милицию и применить оружие. Свое неболельщицкое поведение они объяснили тем, что «это уже не фанатские разборки, а политическая акция».

В конце концов, обе группировки договорились встретиться в честном бою 80 на 80 в подмосковных Снегирях в середине августа, но и на эту «стрелку» «гладики» не явились, что в кругах фанатов считается потерей лица. Раньше за ними такого не водилось, они честно бились и с болельщиками ЦСКА, и питерского «Зенита», и с динамовцами.

Так что, судя по всему, «Гладиаторы» не просто шайка футбольных хулиганов. Кстати, своей неуязвимостью для правоохранительных органов они отличаются давно, и это уже нельзя объяснить только лишь их союзом с «Нашими». Так, примерно два года назад «Гладиаторы» устроили настоящее сражение с динамовцами прямо на проспекте Мира, возле «Макдоналдса». В драке серьезно пострадали 10 человек, были сломаны столы и стулья, все происходящее было зафиксировано камерами наблюдения. Тем не менее никто из драчунов не был привлечен к ответственности».

Я точно знаю, что «Наши» пытались договориться и с фанатами ЦСКА, и с фанатами «Зенита», и с фанатами «Динамо», словом, со всеми фирмами и движами. Но были посланы. Все

объясняется очень просто. Флаг движения «Наши» - красный с белым Андреевским крестом, проще говоря - красно-белый. Так что «мясные», помогая «нашим», как бы за свои цвета бьются. Для фанатов цвета много значат. Поэтому армейские, динамовские, зенитовские ультрас под красно-белое знамя никогда не встанут. По этой же причине «мясники» не стали вписываться за Жирика и его ЛДПР.

«Незадолго до каких-то очередных выборов, - рассказывает авторитетный «мясник», писатель Дмитрий Лекух, - мы с парнями из когда-то легендарной, а сейчас самораспустившейся спартаковской группировки «Флинте Крю» вместе стояли на террасе стадиона «Лужники», когда там случилось явление народу вечного «кандидата везде» Владимира Вольфовича Жириновского.

Следующие за вождем помощники деловито кидали в толпу ярко-голубые элдэпээровские футболки. Для справки: голубой и синий цвет, входящий в расцветку всех их принципиальных противников - от ЦСКА до «Динамо» (Киев), - один из самых ненавистных для красно-белых спартаковцев.

Мы им, честно говоря, были за эти футболки более чем признательны: кресла в «Луже» работники стадиона не моют просто принципиально, видимо. Исходя из каких-то внутренних корпоративных убеждений, и плюхаться в эту пыльную грязь задницами, обтянутыми джинсами за триста-четыреста евро, без предварительной протирки несколько не комильфо. А тут такая нечаянная радость. Мы даже Владимиру Вольфовичу за эти футболки совершенно искренне поаплодировали…»

Однако откровенная работа фанатов «на заказ» - скорее исключение, чем правило. Для фанатов главное, чтобы политическая агитация была частью их самовыражения. Старый спартаковец Лекух утверждает приблизительно то же самое.

«Фан-движение - штука стихийная и самоорганизующаяся, а, следовательно у самодостаточная, - пишет он в статье, опубликованной в газете «Версия» (№ 46, 26,11-02.12.2007).

И просто чисто технически принципиально не используемая никакими политтехнологиями. Объяснение этому простое: нельзя сознательно противопоставлять себя общественной и политической жизни системно не устраивающего тебя мироустройства и одновременно принимать активное участие в этих игрищах.

Тем не менее политиканы всех мастей почему-то усиленно пытаются прорваться на сектор. Не так давно организация столичного «Спартака» «Фратрия», изначально позиционирующая

себя как структура вне политики, даже была вынуждена предупредить этих ребят через Интернет: еще раз попробуете раздавать свои листовки на трибунах, мы за ваше здоровье не отвечаем. Вне зависимости от того у что вы в этих самых листовках пропагандируете и к чему призываете.

Нам по флагу, футбол - вне политики.

И если кто-то из «своих» начнет в этом дерьме копаться, то его просто не поймут.

Ярчайший пример - так называемый «Русский марш».

Успех первого «марша» во многом состоялся как раз потому, что на это «мероприятие» организованно пришли парни из праворадикального крыла фанатского движа. Причем вне зависимости от клубной принадлежности. Точно так же у как все вместе приходят на игры сборной России. Точно так же, как когда-то приходили к стенам посольства США во время бомбежек Белграда.

Ни на «Марш», ни к посольству их, кстати, никто не звал - они приходили сами.

Но как только «марш» осознал себя политической силой и начал принимать участие в каких-то телодвижениях в этом направлении, как только там появились идеологи типа ДПНИ, фанаты просто брезгливо отошли в сторону. И второй «Русский марш» сразу же откровенно провалился».

Позиция Лекуха, конечно же, противоречива: с одной стороны, фанаты вне политики, но, с другой, на первый «Русский марш» «пришли парни из праворадикального крыла фанатского движа». Правый радикализм - это не политика, что ли? Наверное, Лекух под политикой понимает политические технологии, призванные оставить во власти или привести во власть того или иного заказчика или обеспечить необходимые существующей системе настроения в обществе.

Когда я был активистом НБП, а точнее, возглавлял питерское отделение партии, в каждом номере партийной газеты «Лимонка» на последней полосе печатались новости фан-движения, предпочтение отдавалось армейской «фирме» Red Blue Warriors. Правда, много было всякого шлака, зачем-то рассказывалось, как проходил матч, на какой минуте забили гол… Как-то, обсуждая с Эдуардом Лимоновым партийные проблемы, я спросил его, для чего он это в «Лимонке» печатает.

- Сам-то я далек от футбола, меня это мало волнует. Но я предполагаю, что фанаты - это внесистемная молодежь, с которой мы, единственная, по сути, революционная партия России, должны работать, привлекать их к политической борьбе, - ответил

Эдуард Вениаминович. - А что касается рубрики, то ее делает один наш товарищ, бывший фанат ЦСКА, кажется.

Я ему говорю: «Ты побольше пиши о фанатах, об их разборках, об их политических настроениях, а не пересказывай матч, об этом в спортивных газетах люди прочтут. Он соглашается, но вскоре опять начинает матчи пересказывать…

Так или иначе, нацболы не привлекли в партию ни одной фанатской «фирмы», а сейчас, насколько я знаю, вообще с презрением относятся к «болению за наших», ибо, с их точки зрения, победы российских спортсменов используются для пиара режима и укрепляют его. В общем-то, нацболы правы: режим действительно приписывает себе победы наших спортсменов. Но вещи нужно оценивать и в долгосрочной перспективе. Кто сейчас будет всерьез утверждать, что победы хоккейной сборной СССР - личная заслуга Леонида Ильича? А ведь в 70-е годы официальная пропаганда трубила, мол, наши хоккеисты никогда бы не победили, если бы страной не руководила КПСС во главе с генеральным секретарем, верным ленинцем Леонидом Ильичом Брежневым. Понимая, что о политическом пиаре рано или поздно забудут, а победы останутся навсегда в истории спорта, я болею «за наших», и моя революционная совесть совершенно спокойна на этот счет.

Все фанаты, как политические активисты, так и аполиты, с презрением наблюдают за тем, как власть и чиновники примазываются к победам их любимцев. А это примазывание происходит постоянно.

Тучные люди в футболках с медвежьей эмблемой партии «Единая Россия» засветились на трибунах стадиона «Рамат Ганн» в Тель-Авиве, на матче сборных России и Израиля. Если бы наши футболисты выиграли, «Единая Россия» наверняка приписала бы себе и этот успех. Но они проиграли, а на Евро-2008 оказались благодаря хорватам, которые героически обыграли англичан на Уэмбли. А россияне еле-еле выиграли у Андорры.

Но когда наши спортсмены побеждают, «Единая Россия» тут как тут. В репортаже о возвращении домой баскетбольной сборной России из Испании, где она героически выиграла чемпионат Европы, больше времени было отдано какой-то визгливой пизде, которая писклявым голосом кричала: «Россия едина - она непобедима!», а не самим баскетболистам. Не знаю, как другие болельщики, но я, когда смотрел матч женской баскетбольной команды ЦСКА с женской баскетбольной сборной США, не мог не заметить, что в екатеринбургском дворце спорта на бортиках было написано: «Россия: сильная, спортивная, единая».

Примеров навязчивого политического product placement от «Единой России» можно привести множество. Правда, футболистов сборной России «единороссы» встречать из Андорры не стали. Оно и понятно: от того, как наши парни играли с футбольным карликом, хотелось плеваться. И примазываться к такой игре нет никакого политического смысла. Правда, когда наши выиграли у англичан, по телевидению показали, как перед игрой их в раздевалке навестил премьер Виктор Зубков и косноязычно проводил параллели между будущим матчем и Великой Отечественной войной.

4 марта 2007 года в Петербурге, перед выборами в местное Законодательное собрание, на 9-м секторе стадиона «Петровский» неизвестные развернули огромный баннер с надписью «Зенит» будет чемпионом», где на большей части полотнища красовалась эмблема «Единой России». Зенитовские ультрас узнали об этой вылазке заранее и подготовили свой баннер с надписью «United Front вне политики» и развернули его на 13-м секторе (United Front - коалиция «фирм» фанатов «Зенита»). Затем в блогах фанаты негодовали по поводу выходки «неизвестных болельщиков». Так, в ЖЖ-сообществе *ruultras писали*: «Каждый посетитель стадиона может называть себя по-разному - ультрас, фанаты, хулиганы, болельщики… Но когда мы вместе, у нас одно на всех имя - "Зенит". Нечто большее, чем просто футбольная команда из одиннадцати человек. И не для того люди преодолевали тысячи километров за своей командой и в любую погоду рвали свои глотки на стадионах страны, чтобы в один прекрасный день понять, что они - часть политической агитации. Политика должна оставаться за пределами стадиона, и исключений для этого правила быть не может. Наше имя - "Зенит", и мы не продаемся!»

Может быть, зенитовские ультрас и не продаются, но имя «Зенит» очень даже хорошо покупается. Я, конечно, далек от мысли, что «Зенит» в сезоне 2007 купил себе чемпионство. Но то, что чемпионское имя «Зенит» на период думской предвыборной кампании купила «Единая Россия», не оспаривают даже самые ярые поклонники петербургского клуба.

А когда «Зенит» стал чемпионом, Валентина Матвиенко и председатель питерского Законодательного собрания Вадим Тюльпанов весь вечер провели рядом с командой. Вадик Тюльпанов на «Петровском» до того разошелся, что завел старый "зенитовский" заряд: «Раз, два, три, "Зенитушка" дави!»

В своей агитационной газете «Петербургский прорыв», отпечатанной стотысячным тиражом, «единороссы» рассказали петербуржцам, благодаря чему, а точнее - кому, победила в

чемпионате петербургская команда.

Оказывается, успех «Зенита» имеет глубокие и весьма далекие от футбола корни. Если верить статье «"Зенит" - чемпион! Петербург - чемпион!», победу клуба с берегов Невы в извечном противостоянии с Москвой обеспечили не футболисты, а… опека высоких покровителей из «Единой России».

«Теперь уже не подлежит сомнению, что за "Зенит" болеет Владимир Путин, - объясняется в статье. - Конечно, признаться открыто в своих симпатиях к "Зениту" ему мешает должность. Но все равно всей стране отлично известно, что чемпионат России 2007 года выиграла президентская команда. "Зенит" - это команда питерских. Когда весной этого года в клуб VIP-болелыщиков "Зенита" вошли все остальные облеченные властью московские петербуржцы - председатель Государственной Думы Борис Грызлов, управляющий делами президента Владимир Кожин, директор ФСБ Николай Патрушев и другие, с "Зенитом" разом перестали обращаться как с командой из бедного, депрессивного, слабого города».

Остается, правда, непонятным, где были эти «облеченные властью» болельщики все предыдущие сезоны, когда команде то не хватало денег на усиление состава, то возникали проблемы с предвзятостью судей. О симпатиях VIP-болелыщиков стало известно только тогда, когда «Зенит» стал чемпионом, аккурат в преддверии важных выборов.

Незримая рука поддерживала «Зенит» на протяжении всего чемпионата. Наверное, именно она, а не голова аргентинского легионера Домингеса выбила на последних минутах решающего матча с «Сатурном» мяч с линии зенитовских ворот.

Агитаторы из «Единой России» решили напомнить, что «за успехами киевского "Динамо" во времена СССР стоял первый секретарь компартии Украины товарищ Щербицкий». Оказывается, были «высокие покровители и у московского "Спартака" в 90-е, когда он штамповал свои победы в чемпионатах России». В общем, успехи сами собой не рождаются. Кто стоит за успехом «Зенита»? Глупый вопрос!

Если футбол - это война, то кто же тогда враг? Не все решается на футбольном поле, учат нас агитматериалы партии власти. «"Единая Россия", как и "Зенит", - тоже "питерская команда", - уверяют читателей авторы статьи. - Именно так ее называют наши политические противники. Один из лидеров "Справедливой России" Алексей Митрофанов даже заявил, что будет делать свою партию "партией московских". Может, поэтому его соратница Оксана Дмитриева сомневалась в необходимости строить для "Зенита" новый стадион за счет бюджета

Петербурга?» Но «московским» дали по рукам, и «Зенит» получил золото.

Статья в «Петербургском прорыве» повергла в шок не только ультрас, но и простых болельщиков «Зенита». «Да они там что, в "Единой России", охуели что ли?!» - негодовали «зенитчики».

Негодуй, не негодуй, но власть приписала себе золотые медали «Зенита», и с этим ничего не поделать. Да и раньше надо было негодовать, когда губернатор Матвиенко в зенитовском шарфике впервые на «Петровском» появилась. Сами футболисты делают вид, что не замечают, как их пользуют политики. А зенитовский футболер Андрей Аршавин с удовольствием торговал щами, агитируя за «ЕдРо». Правда, потом он проговорился, что всегда голосовал против всех, и очень жалеет, что эта графа исчезла из бюллетеней. А исчезла эта графа по инициативе его же однопартийцев.

Фанатов «Зенита», видимо, так достало то, что имя любимого клуба используется как козырь в политической борьбе, а его матчи - как пространство для политической агитации, что они написали манифест «За традиционный футбол», в котором есть пункт «Футбол - вне политики!»

«Каждый, кто впервые пришел на трибуну, приходит туда за тем, чтобы увидеть футбол. Именно ради футбола, ради поддержки своей команды мы собираемся вместе, именно это - то, что нас объединяет. В последнее время футбол и футбольные результаты имеют все больший политический оттенок, а некоторые партии пытаются использовать трибуны для своих политических заигрываний. Мы призываем сказать решительное "нет" политике на трибунах, независимо от того, поддерживаете ли вы партию власти, оппозицию или иные политические течения. Пусть ваши политические взгляды останутся за трибуной, ведь на трибуне нас объединяет любовь к команде», - заявляют фанаты «Зенита»

На матч СКА Валентина Ивановна Матвиенко приходила тоже, правда, хоккей нашего губернатора заинтересовал только тогда, когда армейцы под руководством американского тренера Барри Смита прорвались наверх турнирной таблицы. И СКА проиграл. На пресс-конференции журналисты проинформировали Смита о роли Матвиенко на трибунах.

- Болельщики «Зенита» появление Матвиенко на «Петровском» считают плохим знаком, «Зенит» в этих матчах обычно проигрывает, -сообщил спортивный обозреватель всего и вся Боря Ходоровский. - Сегодня госпожа Матвиенко впервые после долгого перерыва пришла на матч СКА, и победная серия армейцев прервалась…

- Когда мы будем играть здесь следующий матч, найдите ей какое-нибудь занятие, - отшутился Смит.

И все же власть боится фанатов. Если было бы иначе, стала бы она внедрять агентов спецслужб в хулиганские фирмы и переводить город на осадное положение в дни футбольных и хоккейных матчей? И тут я полностью согласен с утверждением одного молодого зенитовского ультра:

- Мент боится не конкретно тебя, а ту силу, которая стоит за твоей спиной. Силу фан-движения, организованной группы людей, объединенной общей идеей. Группы, откровенно выделяющейся своей организованностью из серой массы разобщенных обывателей. Именно страх заставляет правоохранителя таким вот хамским способом демонстрировать власть над тобой. Именно страх, когда он видит перед собой слаженно поющие трибуны с банне-рами и флагами, вызывает у него желание избить, уничтожить, растоптать пугающую его силу. Он ищет повод, чтобы начать охаживать дубьем людей направо и налево и зачастую находит его, поддавшись на провокацию фанов, платящих ему взаимной ненавистью.

Футбольные фанаты доверия не вызывают. Сейчас они, стоя на трибуне стадиона, организованно поддерживают любимую команду. Где гарантия, что завтра они также организованно не выйдут на баррикады? Или, например, едут фанаты на выезд в другой город. Куда? Зачем? На футбол? У вас же телевизоры есть, вы должны по нему футбол смотреть, сидя дома. Власть стремится настроить обывателя против человека в шарфе, рисуя в прессе различных уровней портрет фаната как дебильного маргинала с арматурой в руках, наркомана и алкоголика.

ЭПИЛОГ

- Папа, купи флаг «Барсы», вот этот - полосатый, красно-синий, я его на СКА вешать буду, - просит меня младший сын в барселонском магазинчике для субкультурной молодежи на Calle de Tollers.

Цвета знаменитой «Барсы» почти такие же, как армейские - гранатово-синие. Мне приятно находиться в столице Каталонии - этот очень красивый город буквально утопает в гранатово-синей гамме. В Барселоне есть еще один клуб - «Эспаньол», но о его существовании здесь мало что напоминает. Все отдано «Барселоне»: везде продаются шарфы с цветами этой команды, вымпелы, значки, флаги. Мне это нравится: я - радикальный социалист, как и фанаты гранатово-синих, и я болею за армейский клуб, чьи цвета почти такие же, как «барселонские».

Болением за СКА я заразил сыновей. Младший заразился сильнее. Ему сейчас шестнадцать лет. Он часами смотрит фанатские видео, вывешенные в Интернете, общается в «ВКонтакте» в сообществе ультрас СКА, с приятелями ходит на все домашние матчи СКА и вывешивает на них старое, классическое армейское знамя: красное с синим клином. Вот теперь он просит меня купить флаг «Барселоны», без символики, просто полосатое гранатово-синее полотнище. Я, конечно, куплю этот флаг.

Хочу ли, чтобы мой младший сын стал ультрас? Не знаю. Сейчас я представляю, что пережили мои родители, когда я мотался по стране за командами. Мне толком неизвестно, что представляют собой нынешние фанаты. А двадцать лет назад это было, мягко скажем, противоречивое сообщество - интеллектуалов мало, зато пьяниц - предостаточно. Недаром тогдашние фанаты придумали «стишок»: «Мне приснился сон прекрасный: вермут белый, вермут красный». Я дожил до сорока трех лет, а многие мои сверстники-фанаты не дожили и до тридцати: либо от пьянки умерли, либо погибли в драке.

Верблюд - умер, Фильтр - умер, Хроник - умер, Феномен - умер, Фашист, кажется, погиб… Лиса в Твери задушили гопники его же собственным армейским шарфом, он погиб как настоящий ультрас. Агитатор стал ментом -все равно что умер. Слишком много трупов.

Однако приобщение к субкультуре ультрас даст парню то, чего никогда не получить в секции бокса или айкидо, а именно - умение ставить себя в агрессивном мужском коллективе. Не знаю,

во что бы превратили меня в армии, не будь я фанатом. А так меня забавляли грозные потуги «дедов» и сержантов. Драка? Да ради бога! С пятнадцати до восемнадцати лет я только и делал, что дрался. Правда, когда ты дерешься как боец фанатской бригады, ты знаешь, что в случае чего, тебя всегда выручит товарищ, а в армии тебе никто не поможет, ребята твоего призыва, может быть, даже осудят тебя за то, что ты сцепился с «дедами», мол, выпендривался ты один, а выебут всех… Мне кажется, что фанатизм лучшая школа жизни для мужчины по сравнению с армией. Армия, в том виде, в котором она существует последние лет тридцать, это структура, где парня учат унижаться, превращают в барана. Я бы хотел, чтобы мои сыновья отслужили в армии. Но только не в такой, как российская. В конце концов, армейские генералы просрали наш легендарный армейский клуб, и им теперь владеет чиновничья буржуазия из корпорации «Газпром».

Футбол, хоккей - не прекращаются попытки дать определение этим великим играм: это - религия, это - война… Думаю, в футболе и хоккее есть что-то и от религии, и от войны, но это все же и не религия, и не война в чистом виде. На войне солдаты после боя не обмениваются рукопожатиями и мирно не болтают, как игроки после матча.

Футбол и хоккей - это жизнь. Как и везде, здесь есть великое и смешное, противостояние и дружба, подлость и великодушие, трусость и мужество, война и мир. И здесь тоже очень быстро летит время. Мне сорок три, и я болею за парней, которые родились, когда я уже вовсю фанател за СКА. Но меня это не обламывает. Да, я старею, зато мой любимый клуб всегда будет молодым, несмотря на то, что родился он на двадцать один год раньше меня - в декабре 1946 года. Я умру, а мой клуб будет жить дальше.

Меня смешат обывательские рассуждения о фанатах, мол, одни дураки по полю (площадке) бегают, а другие за них болеют да еще за свои деньги за ними по стране мотаются. Шиза!

Обыватели смеются над нами, а мне их жалко. Что собой представляет жизнь обывателя? Работа, диван, телевизор, пиво и летний отдых в Турции… А в моей жизни навсегда будет КОМАНДА. Когда мне пришлось завязать с фанатизмом, я обходил стадион стороной, зная, что стоит мне только почуять запах ледовой арены, как я вновь заболею хоккеем. Шум толпы, аромат искусственного льда, стук клюшек - все это стало частью меня, вошло в мой обмен веществ. Это - навсегда! Это как героиновая зависимость. Приятели, которые вместе ездят на пикник или порыбачить, - это не команда; менеджеры, которые

решили победить конкурентов, - тоже не команда, меня забавляют пафосные манагеровские рассуждения о team spirit. Чтобы стать частью команды, нужно жертвовать, без жертвы не будет приобретения. Фанат жертвует деньгами, здоровьем, покоем, зато обретает коллектив, в котором раскрывается его свобода. Как верно заметил один итальянец, «свобода - не право, а долг; не подарок, а завоевание; не уравнивание, а привилегия». Только будучи частью коллектива, завоевавшего право быть свободным, человек осознает, что свобода - это привилегия, ее нужно завоевать, а потом - защитить.

В середине 80-х нас, питерских армейцев, прессовали по полной программе. Не успевали мы докричать заряд «И в футболе, и в хоккее красно-синих нет сильнее!», как на наш сектор бежали «зенитчики», которые всегда считали, что территория фанатизма в Питере принадлежит исключительно им. Мы бились за наш сектор, и выиграли этот бой. Никто теперь не посмеет сказать, что питерские «кони» - миф, что их не существует. Красно-синяя бригада в Питере существует, и начало ей положил я. Надевая красно-синий армейский шарф, я чувствую себя свободным. Свобода - это всегда иерархия. Человек, который палец о палец не ударил, чтобы стать свободным, свободы не заслуживает, его место в свинарнике. Я ударил. И не единожды.

Я возобновил походы на матчи СКА, когда стали подрастать сыновья, и заболел опять хоккеем. Теперь я почти не пропускаю домашние игры и иногда выбираюсь на выезды. А что касается сыновей, то пусть они сами решают, становиться им армейскими ультрас или нет. Жизнь фаната всегда сопряжена с риском. А ведь это так прекрасно - жить рискуя. Короче, оле-оле, парни!

Октябрь 2010 года

СЛОВАРЬ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

А

ACAB - all cops are bastards - все менты ублюдки.

Абориген - местный житель какого-либо населенного пункта.

Акция - операция, проводимая одной (несколькими) фанатской группировкой против другой (других).

Аргументы - камни, бутылки, палки, пряги и прочее…

Б

Банда - группировка фанатов.

Баннер - транспарант с эмблемой клуба или фананатской группировки.

Бас {англ. bus) - автобус.

Бомбардировка - закидывание камнями и бутылками сектора (баса) с приезжими фанатами, проводимое гопниками или кузьмичами.

Бомжевать - ночевать во время выезда на вокзале или скамейке.

Бомжпакет - пакет с сухой лапшой, популярная еда на выезде.

Быдлойд - молодое, еще немного недоразвитое быдло.

Балабол - телекомментатор.

Барыга - человек перепродающий билеты.

Бомжи - фанаты «Зенита».

Бригада - группировка фанатов.

Бритый - скинхед-неонацист {англ. skinhead).

Бычье - агрессивный и малообразованный, ничего не понимающий в фанатизме человек.

В

Валить - нападать на врага.

Втыкать - с трудом понимать происходящее.

Вязалово - массовый арест.

Вписка - проход в вагон поезда или на стадион без билета.

Выезд - поездка фанатов в другой город на матч своей команды.

Выписка - высаживание из поезда за отсутствие билета или за

какую-нибудь провинность.

Г

Гемор - (сокр. от геморрой) неприятность.

Глумежка - всяческие беспредельные штуки, устраиваемые фанатами как на выезде, так и дома.

Глушить - перекрикивать фанов соперника или Кузьмичей.

Гляделка - видеокамера слежения (в магазинах, в метро и т. д.).

Говнарь - гопник самого низкого разряда.

Говно - ножи, заточки и другие виды холодного оружия, используемого в драке.

Говномяч - презрительное именование российского футбола среди фанатов хоккейных команд.

Гопник, гопарь - агрессивный и малообразованный, ничего не понимающий в фанатизме человек.

Гопота - гопник или толпа гопников.

Гроб - багажное отделение под нижней полкой в поезде.

Грядка - строй фанатов на секторе (или просто - сообщество фанатов).

Д

Двойник - выезд на два матча без заезда домой.

Демократизатор - ментовская резиновая дубинка.

Дерби - встреча двух команд из одного города.

Динамики - фанаты «Динамо».

Динамиты - фанаты «Динамо».

Договорняк - договорной матч.

Дубьё - резиновая дубинка.

Дым - зажженная дымовая шашка на секторе.

Е

Ермак - фанат, совершивший немыслимый выезд.

Ж

Железо - то же, что и аргумент (см. выше).

Живот - толстопузый кузьмич.

З

Зависнуть - остаться где-то (например, остаться ночевать в другом населенном пункте).

Загон - фанаты, оцепленные по периметру милицией.

Зарница - тренировочная драка по взаимной договоренности сторон с соблюдением правил.

Заряд - речевка.

Заряжать - 1) кричать на стадионе, 2) острить, шутить.

Зашифровать (зашифроваться) - спрятать, спрятаться.

Золотой сезон - когда фанат побывал на всех официальных матчах команды в сезоне.

И

Измена - испуг.

К

Кажуалы - то же самое, что и кэшлс, в последнее время часто употребляется с иронической интонацией.

Карлик, Карлан - юный, неопытный фанат.

Кодла - толпа гопников или кузьмичей.

Козел - милицейский УАЗик.

Кони - фанаты ЦСКА.

Контра - контролер в поезде.

Конюшня - клуб ЦСКА, армейская команда.

Космонавт - омоновец, облаченный в шлем, бронежилет и с дубинкой.

Крыса - фанат, поменявший клуб.

Ксива - удостоверение.

Кузьмич - рядовой болельщик, для которого футбол (хоккей) - обычное развлечение в свободное от работы время и который не знает законы фанатизма и околофутбола вообще.

Кэшлс {англ. casuals) - фанаты, которые одеваются по моде английских футбольных хулиганов - в повседневную одежду известных брендов.

Л

Лабус - оскорбительное обозначение литовцев, происходит от литовского приветствия: «Лаба дина!» («Добрый день!»).

Левые - фанаты, не имеющие авторитета в группировке.

Л око - «Локомотив».

Локошники - фаны «Локомотива».

Луда - бухло.

Лудить - бухать.

Лужа - стадион «Лужники».

Л юли - уменьшительное от пиздюли.

М

Махач - драка.

Менотавр - конная милиция.

Мешки - фанаты «Зенита».

Моб {англ. mob) - группировка фанатов.

Момон - ОМОН.

Мусор - милиционер или фанат «Динамо».

Мясо - фанаты «Спартака».

Н

На говне - иметь при себе холодное оружие.

Нарисоваться - внезапно появиться.

Наскок - нападение гопников превосходящим вас числом.

Ногомяч - презрительное именование футбола вообще среди фанатов хоккейных команд.

Нулевой тайм - распитие спиртных напитков до матча («разогрев перед боем»).

О

Обезьянник - камера в отделении милиции.

Обуть - отнять что-либо.

Общак - общий вагон.

Основа - боевой моб, или основные группировки какого-либо фанатского движения.

Отбить - попытка нападения на милицию с целью вырвать забираемого ими хулигана.

Отчислить - послать на хуй.

Официалы - организованные фанаты, болельщики из

официального фан-клуба.

П

Паровозы - фанаты «Локомотива».

Пердь (пердяевка) - малопривлекательный, далеко расположенный населенный пункт.

Перекличка - скандировние речёвок попеременно с противоположной или с соседней трибуной.

Перемах - небольшая стычка или драка.

Перфоманс (англ. perfomance) - представление, шоу в ходе матча, визуальная поддержка команды.

Пионер - молодой, неопытный болельщик.

Погоняло - кличка.

Подрезка - украсть, отобрать продукты и выпивку по пути в другой город.

Полис - милиционер.

Правый фанат - фанат, заслуживший большой авторитет.

Провод - проводник в поезде.

Проводы - нападение одной фанатской группировки на другую во время отправления на выезд.

Профилакторий - медвытрезвитель.

Прыжок - нападение на кого-либо.

Пряга - ремень с тяжелой армейской пряжкой, используется как фанатское оружие.

Р

Роза - шарф с атрибутикой клуба.

Розетка - то же самое, что и роза.

Рыло - одна фанатская единица.

Рычаг - рука или нога.

С

Самопал - роза кустарного производства.

Сарай - ледовый дворец спорта.

Сачок - ворота.

Свиньи - фанаты «Спартака».

Серый - милиционер.

Сеточник - активный хоккейный кузьмич, надевающий на

матч свитер любимой команды.

Сипец - пожалуй, очень распространенное и многозначное выражение, примерно то же, что и пиздец.

Скальпер - спекулянт.

Скам {англ. scum) - отстой, дерьмо и тому подобное.

Скарфер {англ. scarfer) - болельщик, носящий шарф.

Скаут - разведчик.

Скворечник - комментаторская кабина.

Слив - проигрыш команды за бабки или по договорняку.

Слоган - кричалка, речевка.

Слэм - куча-мала проводимая на фанатском секторе после гола или как провокация для ментов.

Собака - пригородная электричка.

Стадик - стадион.

Старик - правый фанат с большим стажем.

Стрела - встреча фанатов враждующих группировок для выяснения отношений.

Суппортёр - фанат прибывший на выезд.

Сфера - каска омоновца.

Т

Тикет (англ. ticket) - билет на матч или на поезд.

Торпедоны - фанаты «Торпедо».

Торсида - большая группа фанатов.

Тошниловка - отделение милиции, отстойная столовая.

Трайбл - неприятность, проблема.

Траблмэйкер - фанаты, которые выступают зачинщиками потасовки (от англ. trouble maker).

Тревожные щи - напряженное выражение лица.

Третий тайм - время после матча на выяснение отношений между фанатами.

Трофей - снятый шарф, сорванный баннер или флаг.

Тупиковать - то же, что и втыкать.

У

Ультрас - фанаты, для которых на первом месте - поддержка команды на стадионе.

Управа - участок милиции.

Утка - кресло на стадионе.

Ф

Файер - факел.

Фанзин - печатное издание фанатов.

Фантик - молодой, неопытный болельщик.

Феер-плей - честная драка, без использования холодного оружия, без добивания ногами поверженного противника. Также: ненарочитое подчеркивание в одежде клубной принадлежности.

Фирма (англ. firm) - группировка фанатов.

Х

Хардкор (англ. hard core) - фанаты, которые непосредственно ведут боевые действия.

Хуле - хулиган или хулиганы.

Ц

Цвета - клубная атрибутика: шарф, футболка и т. д.

Ч

Чел - человек.

Ш

Шайба - хоккей.

Шедвел - проникновение фанатов на сектор враждебных фанов с целью драки.

Шиза - активная поддержка команды на трибуне или беспредел.

Шифр - маскировка, отсутствие любой атрибутики.

Щ

Щи - лицо.

Э

Экстремальный выезд - путешествие фанатов в город, где базируется враждебная группировка.

Эстадио - стадион.

Кто такие клубные болельщики? Откуда появились, чего хотят и что могут?
Дмитрий Жвания – один из начинателей клубного фан-движения в России – знает ответ.
Футбол и хоккей – это жизнь. Как и везде, тут есть великое и смешное, противостояние и дружба, подлость и великодушие, трусость и мужество, война и мир. И здесь тоже очень быстро летит время. Мне сорок, и я болею за парней, которые родились, когда я уже во всю "фанател" за СКА. Но меня это не обламывает. Да, я старею, зато мой любимый клуб всегда будет молодым.
Мы бились за наш сектор, и выиграли этот бой. Никто теперь не посмеет сказать, что питерские "кони" – миф, что их не существует. Красно-синяя бригада в Питере существует, и начало ей положил я. Надевая красно-синий армейский шарф, я чувствую себя свободным. Свобода – это всегда иерархия. Человек, который палец о палец не ударил, чтобы стать свободным, свободы не заслуживает, его место в свинарнике.
Дмитрий Жвания
www.limbuspress.ru
ISBN 978-5-8370-0328-2
9785837003282